АКАДЕМИЯ НАУК СССР институт языкознания

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

журнал основан в 1952 году

выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

√ Академик В. М. Жирмунский как языковед	3
окак замков СССР» г. А. К л и м о в (Москва). Вопросы компаративистики в трудах Ф. Энгельса	15 17
дискуссии и обсуждения	
 √ Н. Ю. Шведова (Москва). О синтаксических потенциях формы слова. √ Г. Фогт (Осло). Индоевропейские языки и сраввительные методы. √ Е. А. Брызгунова (Москва). О смыслоразличительных возможностях русской интонации. √ В. В. Колесов (Ленинград). Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков. 	25 36 42 53
√ И. П. Сусов (Ту̂ла). К оденке конвенционалистской концепции реальности языковых единиц	6 6
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
√ Г. К. Венедиктов (Москва). Диалектная основа болгарского литературно- го языка и болгарское кпигопечатание в эпоху Возрождения	73
из научного наследия	
	9 0
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Рецензии	ì
√ Р. А. Будагов (Москва). «Ленинизм и теоретические проблемы языкозна-	40.
ния» — Н. А. Слюсарева (Москва). «Общее языкознание» Т. Ф. Ефремова (Москва). D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johnson. Russian	10 4 10 8
derivational dictionary. E. И. Демина (Москва). В. Станков. Българските глаголии времена. Ю. С. Степанов (Москва). J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė grammatika З. М. Дубровина (Леиниград). Р. Saukkonen. Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitivirakenteiden historiaa. I—III. С. А. Арутюнов (Москва). «Этнонимы».	112 117 12 2 12 7 130
научная жизнь	
Хроникальные заметки	134

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, А. В. Десницкая,
Ю. Д. Дешериев, Г. А. Климов (отв. секретарь редакции),
В. З. Панфилов (зам. главного редактора), Б. А. Сегебренников,
В. М. Солицев (зам. главного редактора), О. Н. Трубачев,
Ф. П. Филин (главный редактор), Г. В. Церетели, В. Н. Ярцева
Адрес редакции: Москва К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. 228-75-55

АКАДЕМИК В. М. ЖИРМУНСКИЙ КАК ЯЗЫКОВЕД

- 1. С именем академика Виктора Максимовича Жирмунского, скончавшегося 31 января 1971 г. в Ленинграде, связана целая эпоха в развитии
 отечественной филологии. Блестящий ученый-энциклопедист, оригинальный исследователь, талантливый педагог, энергичный организатор
 науки, он внес неоценимый вклад в советское языкознание и литературоведение. Широта его интересов, диапазон его исследований были поистине
 поразительны. История западных литератур и проблемы народного эпоса, теория стиха, диалектология и история немецкого языка, сравнительная грамматика германских языков и общее языкозпание в каждой из
 этих областей филологической науки труды В. М. Жирмунского, оригинальные по замыслу, насыщенные новым материалом, оказали определяющее влияние, служили импульсом для дальнейших творческих исканий.
- В. М. Жирмунский родился в 1891 г. в Петербурге. По окончании Петербургского университета он был оставлен при кафедре романо-германской филологии для подготовки к педагогической деятельности. В университете в те годы еще живы были традиции русской школы романо-германской филологии академика А. Н. Веселовского, один из ближайших учеников которого Ф. А. Браун был непосредственным учителем В. М. Жирмунского; широта научных интересов, столь характерная для всего творческого пути В. М. Жирмунского, несомненно связана с традициями петербургской филологической школы. Здесь же в Петербургском университете В. М. Жирмунский оказался в сфере влияния одного из наиболее значительных представителей теоретического языкознания XIX — начала XX в. — И. А. Бодуэна де Куртенэ; влияние это, как непосредственное, так и через общение с Л. В. Щербой, отразилось на более поздних фонологических и грамматических штудиях В. М. Жирмунского. Полуторагодичная командировка в Германию должна была завершить его университетскую германистическую подготовку. Слущая лекции в Мюнхенском, Берлинском и Лейпцигском университетах, он совершенствовал свои знания в области литературоведения, языкознания и философии. Особое значение для формирования будущего языковеда-германиста имели лекции известного фонетиста Э. Сиверса и одного из авторитетнейших представителей младограмматического направления Г. Пауля.
- 2. В первые годы своей деятельности в Петербургском университете, где он стал приват-доцентом в 1915 г., В. М. Жирмунский посвятил себя литературоведению. Интерес к лингвистическим проблемам проявляется позднее, с середины 20-х годов, когда ставший к тому времени профессором В. М. Жирмунский приступил к изучению диалектологии, фольклора и этнографии немецких поселений в Советском Союзе. Этому предшествовало знакомство с методами лингвистической географии в Институте исторического краеведения в Бонне, руководителем которого был проф. Т. Фрингс, а также в Диалектологическом институте в Марбурге, где директором был один из создателей немецкой диалектологической школы

проф. Ф. Вреде. Так определился другой круг проблем, которыми ученый занимался в течение всей своей жизни.

В. М. Жирмунский становится одним из зачинателей, пропагандистов и организаторов диалектографической работы в нашей стране. Его труды по основным проблемам лингвистической географии сыграли определяющую роль в популяризации новых принципов собирания, анализа и обработки диалектных материалов по языкам Советского Союза. Когда в 60-е годы перед отечественной тюркологией встает вопрос о необходимости создать атлас тюркских языков Советского Союза, В. М. Жирмунский выступает как идейный вдохновитель и теоретик этого огромного дела со специальной статьей 1.

То обстоятельство, что начальный период языковедческой деятельности В. М. Жирмунского характеризовался исследованием живых диалектов, к тому же в непосредственной связи с этнографией и фольклором, имело немаловажное значение для всего направления его пальнейшей лингвистической деятельности. В условиях изучения живых диалектов языковой материал раскрывался перед ученым в своей непосредственной данности, в процессе живого функционирования. Механизмы языковой деятельности и языковых изменений проявлялись и могли быть познанными на фоне их очевидной социальной обусловленности. Поэтому предпосылки столь характерного для всех работ В. М. Жирмунского глубокого проникновения в интимные связи «внешнего» и «внутреннего» аспектов языка создавались уже в процессе этих ранних диалектографических исследований. В зависимости от конкретных задач, которые решались в многочисленных лингвистических трудах В. М. Жирмунского, на первый план могло выдвигаться изучение внутриязыковых механизмов, или, наоборот, рассмотрение социальной обусловленности языковых отношений, но одной из основных черт его лингвистической теории было понимание диалектического единства этих двух аспектов языка как его важнейшей онтологической характеристики, а следовательно и существенного принципа лингвистического исследования.

Отмечая значение этого раннего периода для формирования лингвистического мировоззрения В. М. Жирмунского, следует указать, что диалектологические штудии явились подготовительным этапом для постановки широких социолингвистических и историко-лингвистических проблем, которые В. М. Жирмунский стремился решать, руководствуясь принципами марксистского учения об общественном развитии.

Диалектологические экспедиции в немецкие поселения Украины, Крыма и Закавказья позволили В. М. Жирмунскому в течение 1926—1931 гг. собрать обильные лингвистические материалы, послужившие основанием для широких диалектологических обобщений. В. М. Жирмунский с самого начала отдавал себе отчет в общетеоретической значимости вставших перед ним вопросов. Немецкие крестьяне, переселившиеся в Россию из разных районов Германии в конце XVIII в., принесли с собой не только свои нравы, обычаи и фольклор, но также местные говоры. Их диалектная речь, вкрапленная в виде небольших островков в огромные массивы русской, а в ряде мест также украинской, татарской, грузинской и т. п. речи, стала развиваться по особым законам так называемых «островных диалектов». Едва ли не с первых шагов исследования этих говоров стало очевидным, что их изучение «представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны — как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязыч-

¹ «О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза», ВЯ, 1963, 6.

ного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой, на протяжении сравнительно краткого промежутка времени в 100—150 лет, в обстановке удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении пелых столетий» ².

Задача заключалась в том, чтобы путем сравнения итогов развития немецких говоров на новой родине, в условиях их изоляции, с исходными данными, известными из монографических описаний диалектов Германии или по немецкому лингвистическому атласу, реконструировать историю этих говоров и соответственно выявить основные закономерности их исторического развития. В условиях «островного» развития имели место процессы смешения говоров из различных районов Германии, нивелирование речи поселенцев в гранипах новых районов, образование смещанных говоров, непосредственно не совпадающих ни с одним из первоначальных диалектов, явивнихся исходным пунктом для процессов смещения. В. М. Жирмунский пришел к убеждению, что изучение этих процессов может быть плодотворным только на основе теоретических принципов линтвистической географии, или, как он выражался, «диалектографии», немецкой и французской. Один из пионеров лингвогеографического изучения диалектов в нашей стране, В. М. Жирмунский посвящает теперь ряд исследований выяснению методологической важности новых диалектологических методов 3.

Надо, однако, заметить, что, опираясь на положительные результаты исследований немецких диалектографов по историческому комментированию карт лингвистического атласа, В. М. Жирмунский вместе с тем с самого начала ставил перед собой цели и задачи, выходившие за рамки проблематики, характерной для немецкой диалектографии. Это обстоятельство имело принципиальное значение.

Неоспоримой заслугой немецкой диалектографии был критический пересмотр старого понимания диалектов и их исторического развития. Опираясь на картографическое обследование диалектов и разделяющих их изоглосс, немецкая диалектография опрокинула господствовавшие ранее догматические представления о неподвижных и замкнутых диалектных системах, отгороженных друг от друга непроницаемыми перегородками. Было обнаружейо, что изоглоссы отдельных фонетических признаков не всегда совпадают друг с другом, что они могут образовывать обширные переходные зоны между диалектами («зонь вибраций») и что только в центре «языкового ландшафта» отчетливо вырисовывается диалект как «основное ядро», сохраняющее постоянство структуры.

Сложные конфигурации «языковых ландшафтов» не могли быть объяснены с помощью старых понятий о постепенной филиации и распадении праязыкового единства. На передний план в немецкой диалектографии выступили процессы смешения и интеграции диалектов под воздействием речи экономических, политических и культурных центров. Открытые диалектографические процессы «языковых излучений» легко было связаять с хозяйственной и политической историей края, передвижениями народных масс, в особенности — крестьянства, торговыми сношениями и т. д. Так совершался переход от абстрактного рассмотрения языковых процессов к их социально-историческому осмыслению. На этом пути не-

² В. М. Жирмунский, Проблемы колониальной диалектологии, «Язык и литература», 111, Л., 1929, стр. 181.

³ См., например, его статьи: «Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением» («Этнография», 1927, кп. 3,1), «О некоторых проблемах лингвистической географии» (ВЯ, 1954, 4), а также «Предисловие» к сб. «Немецкая диалектография» (М., 1955).

мецкие диалектографы 40 лет спустя после Энгельса и не зная его работ, повторили его поразительные по глубине суждения об исторических судьбах франкского диалекта и древнейшей картине взаимоотношений германских племенных языков 4.

Во всем, что касается исторической стратиграфии диалектных явлений и социально-исторического обоснования их развития, общие выводы, к которым пришли Ф. Вреде, и, в особенности Т. Фрингс, не вызывали принципиальных возражений. Но в некоторых, весьма существенных для теории языка, моментах эти воззрения бесспорно нуждались в конкретизации. Выдвигая на передний план процессы фонетического развития диадектов при их смешении и взаимопроникновении, диадектографы оставляли без внимания конкретные лингвистические механизмы этих процессов. Между тем, без уяснения этих механизмов соотношение языковых процессов с лежащими в их основе социально-историческими фактами в конечном итоге сводилось к чисто внешнему увязыванию, обусловленному совпалением пространственных грании этих пропессов. Ре альная природа воздействия социально-исторических фактов на строй языка оставалась при этом непознанной. Тем самым языкознание теряло возможность применять достижения исторической диалектографии к эпохам, от которых сохранились только историко-языковые данные.

Именно это недостающее звено в теоретической концепции диалектографии обратило на себя внимание В. М. Жирмунского в ранний период его увлечения диалектологией. Оп сразу заметил благоприятные перспективы, открываемые «островной диалектологией» для изучения реальных механизмов процессов, которые происходят при смешении и взаимодействии диалектов. «По отношению к отдаленным историческим эпохам. писал он тогда, - ввиду отсутствия непосредственных свидетельств, возможны лищь гипотетические реконструкции. Даже для говоров восточной Германии, возникших в результате колонизации земель, первоначально наседенных славянами, процессы смешения до сих пор остаются невыясленными.... Напротив, в современных колониях процесс смешения доступен непосредственному наблюдению в благоприятных условиях линглисти теского опыта»⁵. Сравнивая продукты проилстов сменения с их исходными данными, как они восстанавливаются по свидетельству исторических источников о переселении, В. М. Жирмунский стремится обнаружить механизм процессов языкового смещения.

Выводы, к которым В. М. Жирмунский пришел по проблемам немецкой «островной диалектологии», имели общетеоретическое значение и получили широкое признание. Было установлено, что в каждом отдельном случае диалектной конвергенции прежде всего выделяются факторы, определяющие общее ее направление. В историческую эпоху, когда уже сложилась литературная норма, при столкновении диалекта и литературного языка фактором, обусловливающим исход процессов конвергенции, является литературный язык. Сравнивая фонетический строй диалекта с фонетическим строем литературного языка, В. М. Жирмунский установил, что важнейщие отклонения диалекта от литературного языка могут быть разделены на признаки «первичные» и «вторичные». К первичным относятся признаки, не совместимые с литературным языком, находящиеся в резком противоречии с его системой и четко выделяемые носителями пиалектной речи как таковые. К вторичным признакам относятся отклонения менее резко выраженные, не осознаваемые носителями диалекта. Признаки первого рода в процессе конвергенции решительно

 ⁴ См.: Т. Фрингс, Энгельс как филолог, сб. «Немецкая диалектография».
 5 «Проблемы колониальной диалектологии», стр. 182.

устраняются, тогда как признаки второго рода удерживаются, и только по ним можно определить диалектную принадлежность субстрата, подвергшегося выравниванию.

При образовании «общего языка» (койне) на основе родственных говоров в обширном районе немецких поселений фактором, определяющим направление конвергенции, оказались признаки, общие для всех говоров данного типа. И в этом случае различие первичных и вторичных признаков проявляется с достаточной силой. Наиболее заметные различительные признаки говорами отбрасываются, тогда как признаки вторичные, ускользающие от внимания говорящих, удерживаются. Во всех случаях, таким образом, отпадает то, что резко противоречит новой норме, к закреплению которой стремится процесс конвергенции, и сохраняется то, что, хотя и разделяет отдельные говоры, но представляется незначительным и малосущественным отклонением.

Так устанавливается закономерность, определяющая общую направленность и внутренний механизм процессов смешения. Реконструкция старых говоров, унифицированных в процессе смешения, может опираться лишь на вторичные признаки. Фонетические закономерности, открытые для конвергирующих диалектов, естественно, не распространяются на процессы спонтанного развития и дивергенции диалектов.

Общие итоги исследования поселенческих говоров были опубликоважы В. М. Жирмунским в ряде работ ⁶. Диалектологическая тематика продолжала интересовать ученого и в последующие годы, приобретая с течением времени все больший размах и глубину. Она получает отражение

в серии работ. публиковавшихся в 30, 40 и 50-е годы.

3. Начиная с 30-х годов, внимание В. М. Жирмунского все в большей степени привлекали общие проблемы исторической диалектологии немецкого и цире — германских языков. Определяющую роль здесь сыграли работы Ф. Энгельса о древних германцах, особенно его исследование «Франкский диалект». Как известно, рукопись этого труда, остававшегося неопубликованным в течение нескольких десятилетий, была впервые издана в Москве на немецком и русском языках в 1935 г. В. М. Жирмунский принимал активное участие в ее редакционном просмотре и с этого момента интерес и внимание к этому замечательному труду характеризуют важнейние германистические работы ученого. В. М. Жирмунский публикует ряд специальных исследований, посвященных анализу важнейщих положений Энгельса по вопросам исторической диалектологии и истории германских илемен 7. Рассматривая труд Энгельса, как «классический образец сложной методики восстановления... древних языковых отношений в тесной связи с историей народа...», В. М. Жирмунский в ряде своих важнейших исследований исходил из широких исторических и методологических перспектив, открываемых работой Энгельса 9.

Итогом диалектологических исследований Виктора Максимовича и в известной степени итогом работ по немецкой диалектологии в мировой науке явился его фундаментальный труд «Немецкая диалектология».

⁶ См. его статьи: «Проблемы колониальной диалектологии»; «Sprachgeschichte und Siedelungsmundarten» («Germ.-rom. Monatsschr.», 1930, Jg. XVIII, Hf. 3—4, 5—6), а также его клигу «Die deutschen Kolonien in der Ukraine» (Moskau, 1928).

7 См. его статьи: «"Франкский диалект" Фр. Энгельса» (ИАН СССР, Отд. обществ.

⁷ См. его статьи: «"Франкский диалект" Фр. Энгельса» (ИАН СССР, Отд. обществ. наук, 1936, 4), «"Франкский диалект" Энгельса и проблема немецкой диалектологии» («Ип. яз. в шк.», 1954, 5), а также историографическую часть книги «Немецкая диалектология» (М.— Л., 1956).

^{8 «}Немецкая диалектология», стр. 63.

⁹ См.: «Племенные диалекты древних германцев» («Сравнительная грамматика германских языков», І, М., 1962), «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» (М.— Л., 1964).

В 1962 г. монография была опубликована на немецком языке в ГДР 10. Диалектографическая тематика, как она определилась ко времени написания этого обобщающего труда, составляет содержание лишь первой его части. Во второй части книги, основной как по содержанию, так и по объему, впервые в германистике представлено всеобъемлющее исследование по сравнительно-исторической фонетике и морфологии немецких пиалектов.

По своему основному содержанию «Немецкая диалектология» — это менее всего статическое описание современных диалектов немецкого ареала и внутренней структуры каждого из них. Главное, что интересует автора «Немецкой диалектологии», — это данные современных говоров в их историческом аспекте.

Как и в исследованиях раннего периода, он стремится дополнить материалы исторической диалектографии исследованием внутреннего механизма развития диалектов. «Одностороннее увлечение проблемами лингвистической географии, — замечает он, — при всей их важности, неблагоприятно отразилось на разработке других не менее существенных проблем диалектологии, в особенности тех ее разделов, которые связаны с внутренними процессами развития языка» 11. Рассматривая движение и распространение того или иного фонетического или морфологического факта в пределах исследуемого ареала, дингвистическая география пренебрегала генетической стороной явления, лингвистический факт интересовал ее по преимуществу как нечто готовое, как законченный продукт языковой истории. Внутренние закономерности формирования языковых фактов в процессе функционирования языка оставались, так сказать, за кадром диалектографических исследований. Все это привело к необходимости исследовать диалекты в плане выявления законов развития их внутренней структуры. В. М. Жирмунский указывал на необходимость «обобщающих работ по сравнительно-исторической фонетике, которые позволили бы наметить общие закономерности и перспективу их развития, опираясь одновременно и на показания средневековых письменных памятников», равно как и «сравнительной морфологии диалектов», которая «могла бы выяснить общие закономерные тенденции грамматического развития немецкого языка, более свободно проявляющиеся в устной народной речи, чем в связанном письменной традицией литературном языке» 12.

По-новому понятая сравнительно-историческая грамматика и составляет основное содержание «Немецкой диалектологии». Отчасти продолжая тенденцию, наметившуюся в трудах Л. Зюттерлина, О. Бехагеля, Кр. Сарау и др., В. М. Жирмунский предложия читателю всеобъемлющее исследование по сравнительной грамматике немецких диалектов. Однако труд В. М. Жирмунского выделяется не только исчерпывающим охватом материала, но и последовательным обнаружением общих типологических черт в развитии немецких диалектов; тем самым в нем объединены сравнительно-исторический и историко-типологический аспекты рассмотрения диалектов немецкого языка.

Чтобы оценить по достоинству новаторский характер и значение этого огромного труда, надо учесть, что само понятие «сравнительной грамматики диалектов» является новым словом в науке о языке. Установившаяся в младограмматическую эпоху номенклатура лингвистических

¹⁰ «Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten», Berlin, 1962.

^{11 «}Немецкая диалектология», стр. 142.

¹² Там же, стр. 143.

дисциплин не знала такой языковедческой дисциплины. Более того, с точки зрения старой компаративистики попытка сравнительного изучения современных диалектов показалась бы ересью. Еще совсем недавно принято было различать диалектологию, историческую грамматику языка сравнительно-историческую грамматику как дисциплины, относящиеся к различным эпохам языкового развития. При этом диалектологии отводился самый поздний период в истории языков данной группы. Уже Фр. Энгельс в «Франкском диалекте» взломал эти хронологические рамки, показав, что чисто внешняя хронология историко-лингвистических фактов, установленная кабинетной ученостью на основании изолированных письменных памятников, носит во многом искусственный характер и часто приходит в противоречие с данными живых народных говоров ¹³. Подробно разработанная В. М. Жирмунским сравнительно-историческая грамматика немецких диалектов наглядно показывает, каким каемым источником для истории языка являются современные диалекты при сравнительно-историческом к ним подходе.

Всякий, кто пожелал бы составить себе достаточно подробное и полное представление о закономерностях развития таких интимных сторон ронетического и морфологического строя германских языков, как перевыжения согласных и перегласовки гласных, склонение существительных и спряжение глаголов, должен отныне обращаться не только к сравнительной грамматике германских языков, основанной на сопоставлении данных готского, древневерхненемецкого, древнеанглийского и других терманских древнеписьменных языков, не только к истории германских литературных языков, но и к сопоставительным данным живых народных говоров, представленным в работе В. М. Жирмунского. В комплексном подходе В. М. Жирмунского к историческому изучению строя манских языков диалектография и сравнительный анализ диалектных данных составляли одно сложное целое с данными истории литературного языка и сравнительной грамматики германских языков. Его собственные исследования по истории языка и сравнительной грамматике германских языков в значительной мере дополняли его диалектологические исследования.

Соотношение построения и методики двух монографий В. М. Жирмунского — «Немецкая диалектология» (1956) и «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» (1964) — показательно не только для взглядов ученого на задачи и пути исторического изучения германских языков, но и для всей его лингвистической концепции. Если в «Немецкой диалектологии» внимание исследователя было сосредоточено на развертывании структурных тенденций, общих для немецких диалектов, в отвлечении от исторических судеб их носителей, от процессов взаимовлияний и смешений, то во второй, более поздней работе «формулы фонетических и грамматических соответствий... раскрываются здесь под углом зрения их реальной исторической значимости как результат сложных взаимодействий между племенными диалектами, их исторически обусловленных расхождений, схождений, смешений и пространственных передвижений» 14. Еще более определенно роль социального фактора в исследованиях по исторической диалектологии подчеркивается при характеристике специфики применения методики лингвистической географии к древним периодам истории языка: «В применении к древним периодам истории языка методика дингвистической географии требует прежде всего постановки вопроса о конкретных исторических свя-

 ¹³ Фр. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат, 1935, стр. 47 и сл.
 14 «Введение ...», стр. 7—8.

зях языка с породившей его социальной действительностью, с его реальными историческими иосителями»¹⁵.

Для того чтобы правильно понимать теоретические взгляды ученого на задачи и методику комплексного сравнительно-исторического изучения группы родственных диалектов, необходимо учитывать, что сам он рассматривал «Введение...» как работу, предваряющую не только «Сравнительную грамматику германских языков», но и монографию «Немецкая диалектологии», за пределы которой был сознательно вынесен весьма сложный и спорный вопрос о племенных основах немецких диалектов 16; этот вопрос дополнительно специально трактовался в отдельной работе — во «Введении...». Иными словами, анализ внутренних механизмов языковых изменений был, согласно лингвистической концепции В. М. Жирмунского, лишь одним из аспектов в процессе познания столь сложного объекта; как язык.

4. Историзм, динамический подход характеризовал все лингвистические работы В. М. Жирмунского, даже те, в которых рассматривались факты современных языков. Критикуя понимание синхронии как «статической лингвистики», он писал: «Этому пониманию... мы противопоставляем рассмотрение языка как системы, которая находится в движении и развитии — как в целом, так и во всех своих частях, так что взаимоотношение между частями системы определяется не статическими противопоставлениями на горизонтальной плоскости, а динамически — законами движения системы и ее элементов» ¹⁷. «Советская лингвистика, —
указывал он далее, — за истекшие 40 лет выработала свои традиции и
методы изучения. Методы эти не разрывают синхронию и диахронию: они
вносят в синхронию элемент развития, т. е. историзы» ¹⁸. Этим объяснялся и неизменный интерес ученого к языковым изменениям и преобразованиям, особенно (и это естественно для германиста) — в развитии
немецкого языка.

Узловые проблемы исторической фонологии немецкого и шире германских языков, проблемы умлаута и аблаута, передвижений, исследовались не только в рамках упоминавшейся выше монографии «Немецкая диалектология», но и в ряде специальных работ ¹⁹. Развитию грамматического строя немецкого языка посвящена ранняя общая статья ²⁰, а также и более специальные работы о внутренних законах развития языка, об аналитических конструкциях и т. д. ²¹.

Эту группу работ В. М. Жирмунского объединяли, несмотря на разнообразие тематики, общие черты: стремление выявить качественные сдвиги в реализации тех процессов, которые ранее сводились к количественному накоплению ²², умение обнаружить и выделить в синхронном

¹⁵ Там же, стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 8.

^{17 «}О синхронии и диахронии в языкознании», ВЯ, 1958, 5, стр. 47.

¹⁸ Там же, стр. 52.

¹⁹ См. «Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии», в сб. «Академику В. В. Вінноградову к его шестидесятилетню», М., 1956; «Умлаут в английском языке по сравнению с немецким», в кн.: «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летню академика И. М. Мещанинова», М. — Л., 1960; «Готские аі. аи с тотки зрения сравнительной грамматики и фонологии», ВЯ, 1959, 4; «Der grammatische Ablaut im Germanischen», в кн.: «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», Warszawa, 1965, и др.
²⁰ «Развитие строя немецкого языка», ИАН СССР, Отд. обществ. наук, 1935, 4.

²⁰ «Развитие строя немецкого языка», ИАН СССР, Отд. обществ. наук, 1935, 4. ²¹ «К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка», «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», V, M., 1953; «Об аналитических конструкциях», сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М.— Л., 1965.

²² См.: «Умлаут в немецких диалектах ...»; «Умлаут в английском языке по сравнению с немецким».

срезе языка разновременные и типологически несходные пласты — отложения неоднократных преобразований ²⁵. Осуществление этих принципов подводило к новому осмыслению известных ранее явлений, способствовало более глубокому постижению закономерностей исторических изменений. История языка выступала при этом не как самоцель, но как средство лучшего понимания особенностей структуры и форм употребления современного языка.

Вместе с тем, являясь одним из тех ученых, которые создавали советскую социологию языка ²⁴, Виктор Максимович весьма пристально занимался социально-историческим анализом развития немецкого языка от древнегерманских племенных диалектов до современного немецкого

национального литературного языка.

Уже в ранней общей работе о соотношении национальных языков и диалектов В. М. Жирмунский показал особенности процесса формирования единой нормы национального языка в Германии. Затянувшаяся феодальная раздробленность, отсутствие политического и культурного центра — все это тормозило языковые объединительные процессы и способствовало живучести территориальных диалектов. Возвращаясь неоднократно к проблемам, связанным с изменениями в общественном бытии немецкого языка 25, В. М. Жирмунский наиболее подробно осветил изменения, происходившие в соотношении письменно-литературного языка и территориальных диалектов, а также полудиалектов и городского про-

сторечия, в книге «История немецкого языка» ²⁶.

Задуманная как учебное пособие для студентов, специализирующихся по германской филологии, книга эта от издания к изданию все более полно отражала основные методологические принципы ученого. В отличие от обобщающих работ по истории неменього языка таких корифеев германистики, как О. Бехагель и Ф. Клуге, учебник В. М. Жирмунского впервые включал, помимо исторической фонетики и исторической грамматики, детальное рассмотрение развития литературного языка в его соотношении с другими формами речевой деятельности. Книга в целом оказала огромное влияние на развитие советской германистики; особенно следует выделить те ее разделы, которые посвящены анализу изменений в общественном бытии немецкого языка, исследованию процессов формирования немецкого национального языка, поскольку впервые в учебнике по истории немецкого языка эти проблемы получили марксистское толкование. Все, что создавалось впоследствии в этом направлении в советской германистике, являлось до известной степени продолжением и развитием идей, изложенных в работах В. М. Жирмунского по этой тематике.

К рассмотрению проблем сравнительной грамматики В. М. Жирмунский обратился в 40-х годах в связи с общим интересом к генетическим проблемам, характерным для того периода истории советского языкознания 27. Более интенсивные занятия сравнительно-историческими проблемам начинаются в конце 50-х годов, когда под общим руководством М. М. Гухман, В. М. Жирмунского, Э. А. Макаева и В. Н. Ярцевой

²⁴ См., в частности, его ранилою работу «Национальный язык и социальные диалекты», Л., 1936.

²³ См.: «Der grammatische Ablaut in Germanischen»; «Готские ai, au».

²⁵ См.: «Введение» к «Немецкой диалектологии», где в кратком экскурсе описывается развитие от племенных диалектов к языку народности и далее к национальному языку, а также главу VIII «Введения в сравнительно-историческое изучение германских языков».

²⁶ См.: издание 5-е, пересмотр. и испр., М., 1965.

²⁷ См.: «Происхождение категорий призагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении», ИАН ОЛЯ, 1946, 3.

группа германистов приступила в Институте языкознания к созданию академической «Сравнительной грамматики германских языков» 28. В этом коллективном труде В. М. Жирмунскому принадлежат разледы «Племенные диалекты древних германцев» (т. I) и «Категория имени при-

лагательного в древних германских языках» (т. IV).

Сравнительная грамматика для В. М. Жирмунского никогда не была набором фонетических и морфологических архетипов, отрещенных от жизни этнических коллективов, говоривших на древних германских языках; ее содержанием являются реальные системы языковых форм, неотторжимые от породившей их социальной действительности. В монографии «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» он специально указывал, что «... сравнительная грамматика германских языков опирается как на свою историческую основу на сравнительное изучение племенных диалектов древних германцев» 29.

Виктор Максимович всегда полагал, что основной задачей сравнительно-исторических исследований является не только и не столько реконструкция исходной системы родственных языков, сколько рассмотрение закономерностей развертывания этой системы в развитии языков панной группы на основе сопоставительно-типологического их изучения. Такое понимание задач сравнительной грамматики определило в свое время построение монографии о немецких диалектах, оно отразилось и в очерках, посвященных характеристике древнегерманских диалектов 30. Но, может быть, наиболее интересным, поистине блестящим образцом такого сравнительного исторического рассмотрения является глава об имени прилагательном в т. IV «Сравнительной грамматики германских языков».

Вопрос о генезисе категории придагательного в разных языках давно интересовал ученого ³¹. Своеобразный статус этой части речи в тюркских языках, которыми Виктор Максимович начинает заниматься в связи с работой над народным эпосом тюркоязычных народов Советского Союза, подводит его к постановке генетических проблем в применении к этой грамматической категории. Историко-типологическое осмысление данных индоевропейских языков с учетом тюркского языкового материала позволило ему еще в 40-е годы считать, что выделение прилагательного из некоей обобщенной именной части речи является вторичным и что в индоевропейских языках сохранились пережитки слабой дифференпированности этой части речи. Эти идеи получили затем развитие в применении к германскому материалу 32.

Показав исконную нерасчлененность имени в индоевропейских языках и пережитки этой нерасчлененности в языках германской группы, В. М. Жирмунский раскрывает общие для всех германских языков тенденции в процессах выделения и обособления прилагательного из первичного амбивалентного образования; при этом он подчеркивает и индивидуальные особенности, характерные для развития отдельных германских

языков.

5. Изучение конкретных вопросов истории и диалектологии немецкого языка, сравнительной грамматики германских языков у В. М. Жирмунского с постановкой важнейших теоретических вопросов общего языкознания. Особенно интенсивным становится интерес к обще-

32 См.: «Сравнительная грамматика германских языков», IV.

²⁸ T. I — M., 1962; II — M., 1962; III — M., 1963; IV — M., 1966.

²⁹ «Введение ...», стр. 7.

³⁰ См.: «Введение ...». 31 См.: «Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками», ИАН ОЛЯ, 1945, 3—4; «Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении».

теоретическим проблемам в последнее десятилетие его жизни. Став во главе Научного совета по общей теории советского языкознания, В. М. Жирмунский и как исследователь, и как организатор способство-

вал развитию советской теории языка.

Теоретико-лингвистическая концепция В. М. Жирмунского основывалась на диалектико-материалистическом понимании многообразия и противоречивости такого сложного объекта, как язык. Поэтому любая односторонность в трактовке языковых фактов была ему глубоко чужда. Противник абсолютизации формально-структурного анализа и гипостазирования синхронии, противник фетишизации таких понятий, как «система» и «структура» 33, В. М. Жирмунский был вместе с тем далек от атомизма младограмматиков или от семантических построений, пренебрегающих особенностями формы конкретных языков.

Язык был для него не застывшей схемой чистых отношений, но живым, щелым, развивающимся в конкретных условиях, существующим в многообразии социальных и функциональных вариантов. Внимание к социальным факторам развития языка у него сочеталось с анализом внутрисистемных связей. Не случайно, создавая образцы сопиолингвистических мсследований, В. М. Жирмунский разрабатывал в то же время вопросы исторической фонологии, намечал решение таких проблем, касающихся языковой структуры, как граница слова, категория частей речи, аналитические конструкции. Глубокое проникновение в общественную природу языка проявилось в этих исследованиях языковой структуры в особом внимании к значимой стороне языка: формальная реализация грамматических значений хотя и учитывалась, но играла в построениях В. М. Жирмунского не главную роль, поскольку она подчинена закономерностям функционирования рассматриваемых языковых категорий.

Именно эти компоненты лингвистической теории он считал достижением передового советского языкознания, но не своим личным, хотя его роль в оформлении этих положений была исключительно велика 34.

Бесспорно, особое место среди общетеоретических работ В. М. Жирмунского занимают исследования по социологии языка и не только потому, что он был одним из пионеров в разработке этой проблематики.

Целый цикл работ, начиная с раннего труда «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) и кончая одной из последних лингвистических статей Виктора Максимовича «Марксизм и социальная лингвистика» 35, посвящен социолингвистической проблематике. «Социальная лингвистика в узком смысле, — писал В. М. Жирмунский, — рассматривает два взаимосвязанных круга проблем: 1) социальную дифференциацию языка классового общества на определенной ступени его исторического развития...; 2) процесс социального развития языка, его историю как явления социального (социально-дифференцированного)» ³⁶. Отмечая условность этого деления, он подчеркивал: «Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, т. е. всю потенциальную перспективу ее социального развития» 37. Иными словами, не только строй языка, но и его социальная дифференциация не могут изучаться в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития. Специальные исследо-

87 Там же.

³³ См.: «О синхронии и диахронии в языкознании»; «О границах слова», в кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М. — Л., 1963. См.: «Теоретические проблемы советского языкознания», «Вестник АН СССР», 1963, 7.
³⁵ См. в кн.: «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.

³⁶ «Марксизм и социальная лингвистика», стр. 14.

вания В. М. Жирмунского по германским языкам, особенно по истории и дналектологии немецкого языка, являются образцами этого социально-

исторического подхода к языковым процессам.

В настоящее время, когда в зарубежном языкознании, в частности — США, наметился повышенный интерес к проблемам социологии языка, социолингвистические принципы и методы, содержащиеся в работах В. М. Жирмунского, приобретают особое значение — тем большее, что в некоторых американских работах проявляется тенденция непосредственно связывать структуру языка со структурой общества, крайне упрощается проблема социальной дифференциации языка в современном классовом обществе, отсутствует исторический подход к сложившейся языковой ситуации в определенных общественных условиях.

Несмотря на поразительное многообразие и разноплановость тематики, на сочетание исторического и современного языкового материала, единая лингвистическая теория, единый пафос борьбы и созядания были присущи творчеству Виктора Максимовича Жирмунского, выдающегося германиста и теоретика языкознания, организатора и вдохновителя советской школы германистов. Единство теории зиждилось у него на важнейших принципах марксистской общественной науки: на признании общественной природы языка, его социальной обусловленности и на историзме, понимании диалектической связи между внешней обусловленностью языка и внутренними законами его развития.

в. м. жирмунский

ЗАМЕТКИ О ПОДГОТОВКЕ «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР»*

1. «Вопросник», составленный Сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР, представляется мне явлением выдающимся в советской тюркологии. Авторы сумели в сжатой и вместе с тем достаточно полной форме объединить в нем основные дифференциальные признаки современных тюркских языков и диалектов в области фонетики и морфологии, присоединив к ним ряд примеров лексических и лексико-семантических расхождений. К этому следует добавить составленную Н. А. Баскаковым очень точную и детальную унифицированную фонетическую транскрипцию (на русской и на латинской основах), а также диолезные методические указания для собирателей. Все это заставляет думать, что «Вопросник» в течение ряда лет будет служить источником поучения для специалистов, работающих в области описания и сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков и диалектов. На критических замечаниях частного характера, которые, разумеется, возное значение достигнутых общих результатов.

Тем не менее именно в качестве «Вопросника», т. е. как своего рода универсальная диалектологическая анкета, работа, подлежащая нашему обсуждению, вызывает у меня некоторые возражения методического характера. В сущности — это не анкета, а материал для ряда будущих анкет, которые должны учесть систематизированные в «Вопроснике» дифференциальные признаки и отобрать из них те, которые составляют содержание того, что можно будет назвать «анкетой». Составление таких анкет представляет, как мне кажется, едва ли не самую трудную часть работы. Необходим последовательно отобранный ряд анкет. Каждая из них должна быть не слишком громоздкой по своему объему, а первая, в соответствии с решением комиссии по подготовке Атласа, рассматривается нами как пробная (в методическом отношении): ее результаты, представляющие по возможности различные разделы фонетики, грамматики и лексики, должны быть нанесены на карты и в меру своей пригодности (не обязательно все!) опубликованы, чтобы послужить предметом дальнейшего методического обсуждения участников работы.

^{*} Публикуемые ниже «Заметки» представляют собою письмо акад. В. М. Жирмунского в Научный совет по диалектологии и истории языка, который организовал 1—4 декабря 1970 г. диалектологическое совещание (Москва, Ииститут русского языка АН СССР); письмо это от 28 XI 1970 непосредственно адресовано участникам совещания— тюркологам.

Акад. В. М. Жирмунского, выступившего в свое времи инициатором создания Атласа тюркских языков и диалектов, неизменно консультвровавшего тюркологов по вопросам лингвогеографии и диалектографии, до последних двей жизви продолжали живо интересовать вопросы подтотовки этого Атласа. Желая хотя бы в писменной форме и по необходимости — кратко (поскольку состояние відоровья лишало его возможности писать более пространно) принять участие в проходившем на этом совещании обсуждении «Вопросника "Диалектологического атласа тюркских языков СССРи (проект)» (М., 1969), подготовленного Сектором тюркских языков Института языкокования АН СССР при большой помощи В. М. Жирмунского (см.: «Вопросник ...», стр. 3), ученый посвятил свое письмо разбору наиболее важных достоинств и недостатков «Вопросника».— Ред.

Мне хотелось бы в особенности подчеркнуть, что ни отдельная анкета, ни совокупность анкет, ни лингвистический атлас в целом не могут и не должны исчерпать все дифференциальные различия языка. Поэтому вопросы типа: «записать полную парадитму...» («Вопросник...», стр. 28, 29 и т. д.) в разделе «Морфология» свидетельствуют об установке составителя (или составителей) не на будущий лингвистический атлас, а на монографическое описание диалекта. Следует отбирать явления, подлежащие картографированию, учитывая их способность давать на карте достаточно точно рельефные изоглоссы. Для пробного атласа в особенности бесполезны явления, недостаточно четко дифференцированные, способные вызвать затруднения у диалектолога-собирателя или информанта (как многие «оттенки звуков», отмечаемые транскрипцией, — «Вопросник...», стр. 4—7).

В то же время желательно уже при первом опыте картографической съемки (т. е. в пробной анкете) учесть и функциональное значение отбираемого явления для общей географической дифференциации тюркских языков и наречий. В этом смысле подсказкой для первого отбора могли бы послужить, как мне кажется, изоглоссы, выделенные в классификации А. Н. Самойловича, с дополнениями И. А. Батманова (см. его «Краткое введение в изучение киргизского языка», Фрунзе, 1947, стр. 86—90) и немногочисленные другие, добавленные современной советской тюр-

кологией (в классификации Н. А. Баскакова и др.).

Позволяю себе еще раз напомнить, что с самого начала, как принципиально, так и на практике, каждое фонетическое явление должно быть непременно представлено несколькими примерами, частично расходящимися в своих границах (ср. «Вопросник...», стр. 16, №№ 57—64 для начального й- и др.): иначе лингвистический атлас не сумеет осуществить свою задачу — показать реальную диф-

ференциацию изоглосс.

2. Одновременно с составлением анкеты (прежде всего, пробной анкеты) очередной задачей комиссии по тюркскому атласу представляется мне установление числа и географической сети опорных пунктов для анкетирования. Задача эта не терпит отлагательства, так как от нее зависит фактически успех всей работы. Она не может быть выполнена без активного участия республиканских и других местных научных центров, но не может быть предоставлена всецело на их усмотрение. Исходя из общих предварительных сведений о территориальной дифференциации тюркских языков и диалектов, следует наметить сеть опорных пунктов, достаточно густую, чтобы представить на карте все основные предполагаемые расхождения между изоглоссами каждого данного района. В соответствующих опорных пунктах (если признавать необходимость ряда последовательных анкет) должны иметься постоянные информанты, к которым будут обращаться за материалом диалектологи-собиратели из соответствующего местного научного центра.

Следует иметь в виду, что фонетическая и грамматическая терминология «Вопросника» предполагает наличие у диалектологов-собирателей очень высокого уровня лингвистических знаний. Я не уверен, что такие знания имеются повсюду. Поэтому потребуется, по-видимому, специальное обучение будущих собирателей и издание соответствующих разъяснительных инструкций, либо упрощение способа изложения, а иногда и са-

мой проблематики.

Необходимо, во избежание недоразумений, остановиться на одном виде транскрипции — русском или латинском. Я полагаю, что первое удобнее, учитывая подготовку собирателей.

Г. А. КЛИМОВ

ВОПРОСЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ТРУДАХ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Как известно, лингвистические интересы Ф. Энгельса стимулировались прежде всего необходимостью решения тех или иных вопросов общесоциологической проблематики. При очень широкой временной пер**сп**ективе этих исследований, нередко уходящей в глубь доистории в период существования родового общества, вполне понятно, если иметь в вилу скупость соответствующих источников, и его неолнократное обращение к различного рода языковым свидетельствам. Подобные апелияции к языку встречаются в наследии Ф. Энгельса настолько часто и имеют ари этом столь основательный характер, что они с несомненностью свидетельствуют не только об энциклопедическом складе ума их автора, но и • о его специальных интересах в области лингвистики. Наиболее красноречивым доказательством этому может послужить его лингвистическое исследование «Франкский диалект», посвященное вопросам исторической диалектологии германских языков ¹. Об этом же говорят и другие работы, переписка и, наконец, многие факты его биографии. Многоаспектная по своему содержанию тема «Ф. Энгельс и языкознание» включает, в частности, и проблематику сравнительно-исторического языкознания, современником больших успехов которого ему посчастливилось быть.

Отношение Ф. Энгельса к сравнительно-историческому языкознанию логически вытекало из его известной формулировки, согласно которой «... материя и форма родного языка" становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам» 2. Совершенно новую эпоху, наступившую с начала XIX в. в развитии науки о языке вместе со становлением компаративистики, он отчетливо противопоставлял «сравнительному» языкознанию XVIII в., в частности, «ерундовской старонемецкой этимологии — по Аделунгу, у которого сплошное вранье» 3, а также по существу собирательской деятельности Ю. Клапрота, получившей у Ф. Энгельса лишь немногим более благо-приятную характеристику 4. Критикуя на фоне последних достижений индоевропейской компаративистики узкоприкладную по своему содержанию программу филологического образования, предлагавшуюся для граждан общества будущего Е. Дюрингом, он писал: «Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слыхавшим об историческом языкознании, которое за последние 60 лет получило такое мощное и плодотворное развитие, — и поэтому-то г-н Дюринг ищет "в высокой степени современные образовательные элементы" изучения языков не у Боппа,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 518—546.

² Там же, т. 20, стр. 333. ³ Там же, т. 27, стр. 39.

⁴ Там же, т. 28, стр. 23.

² Вопросы языкознания, 4

Гримма и Дица, а у блаженной памяти Хейзе и Беккера» ⁵. Ф. Энгельс обратил внимание и на работы английского филолога У. Джонса⁶, одним из первых обнаружившего родство санскрита с рядом языков Европы и сыгравшего видную роль в ознакомлении европейских лингвистов с

персидским языком и санскритом.

В лингвистических штудиях самого Ф. Энгельса компаративистика занимала довольно видное место. Фактически на протяжении всей своей жизни он время от времени возвращался, по его собственным словам, к «своей старой любви — сравнительной филологии» ⁷; эта склонность впервые проявилась у него еще в юношеские годы. В письме от 1 марта 1869 г. К. Маркс, обращаясь к Ф. Энгельсу за одной лингвистической справкой, прямо называет его исследователем в области сравнительного языкознания 8.

В круг занятий Ф. Энгельса-компаративиста входило изучение не только многих современных индоевропейских языков, но и целого ряда древних. Из более экзотических для европейской науки того периода языков здесь следует назвать персидский, санскрит, а также древнеирландский (знакомство с последним позволило ему опираться на первоисточники в ходе работы над «Историей Ирландии»). О своем способе изучения языков Ф. Энгельс пишет: «Вот какого метода я всегда придерживаюсь при изучении какого-либо языка: не заниматься грамматикой (за исключением склонений и спряжений, а также местоимений), а читать со словарем самые трудные произведения классического автора, какие только можно найти. Так, итальянский я начал с Данте, Петрарки и Ариосто, испанский — с Сервантеса и Кальдерона, русский — с Пушкина; затем я читал газеты и прочее» 9. В своих работах и переписке он нередко применял ацпарат сравнительно-исторического языкознания, в каком виде он сложился к тому времени: приводил межъязыковые этимологические соответствия, оперировал формулами звуковых корреспонденций, использовал праязыковые архетины и т. д. О том, насколько внимательно Ф. Энгельс следил за прогрессом индоевропеистики, можно судить, например, по тому факту, что еще за несколько лет до выхода в свет исследования Фр. Боппа о принадлежности албанского языка к индоевропейским, когда в его распоряжении могла быть только касающаяся этого вопроса работа И. Ксиландера 10, он писал, что народ арнаутов «говорит на своем особом языке, принадлежащем, по-видимому, к великой индоевропейско**й** семье языков» 11. Переписка классиков марксизма свидетельствует о том, что Ф. Энгельс неоднократно консультировал К. Маркса и позднее — П. Лафарга по конкретным вопросам индоевропейской (главным образом — германской и романской) и, отчасти, семитической этимологии 12.

В компаративистических занятиях Ф. Энгельса особое место принадлежало двум областям — славистике и германистике. Свой специальный интерес к славянскому языкознанию он засвидетельствовал еще в одном из своих ранних писем, адресованных К. Марксу 13. Вероятно, мало кому известен факт, что одно время - по всей вероятности, с самого начала пятидесятых годов — Ф. Энгельс предполагал написать сравнительную

⁵ Там же, т. 20, стр. 333—334. ⁶ Там же, т. 28, стр. 223. ⁷ Там же, т. 29, стр. 477.

⁸ Там же, т. 32, стр. 211.

⁹ Там же, т. 36, стр. 46.

¹⁰ J. Xylander, Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren, Frankfurt a.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 7. ¹² Ср., например: там, е. т. 30, стр. 339; т. 32, стр. 40, 41, 47; т. 38, стр. 91 и др. ¹³ См.: там же, т. 28, стр. 30—31.

грамматику славянских языков. С этим замыслом, по-видимому, в немалой степени связано то обстоятельство, что начиная с 1851 г. он приступил к более или менее регулярному изучению русского, чешского, словенского и сербскохорватского языков, из которых последний давался ему, по его собственному признанию, легче других 14. Позже к ним был присоединен и болгарский. Сохранилось несколько документальных свидетельств того, как основательно Ф. Энгельс штудировал в этот период специальные работы представителей наиболее сильной в то время австрийской славистической школы. Среди них следует назвать исследования Й. Добровского, П. Шафарика, В. Копитара, А. Шлецера, В. Ганки и особенно Ф. Миклошича. Й. Добровского он считал «основоположником научной филологии славянских диалектов» 16, а Ф. Миклошича с полным основанием характеризовал как «виднейшего современного слависта» ¹⁶ и неод**но**кратно прибегал к **ссылк**ам на его авторитет (так было, например, когла Ф. Энгельс высказывался за самостоятельный статус украинского как #Зыка) 17.

О профессионализме его подхода к этим работам говорит то обстоятельство, что он всегда отграничивал их объективно ценное с точки зре-🏚ия науки содержание от всего того, что было продиктовано свойственной 🖚 крайней мере некоторым из них ориентацией на реакционную концепцию панславизма. В частности, неоднократные высказывания Ф. Энгельса по вопросам классификации славянских языков были у него увязаны 🤁 Задачами критики псевдонаучной теории единого для всех славян «Славянского» языка. В этих высказываниях, относящихся еще ко времени до появления в свет фундаментальных трудов Ф. Миклошича, он подчерживал значительную степень дифференцированности основных славянских языков. Всего он насчитывал до двенадцати «основных языков и диалектов» этой языковой группы (русский, украинский, польский, чешский, оба лужицких, словенский, сербскохорватский, болгарский, македонский, древнецерковнославянский, и, возможно, так называемый «русинский», нередко выделявшийся в работах немецких ученых того времени), которые объединялись им в четыре или пять ветвей 18.

О степени владения Ф. Энгельсом славянским корнесловом свидетельствуют не только встречающиеся в его наследии отдельные комментарии (так, по поводу фамилии Флеровского он замечает, что «... имя это не славянское, и тем более не русское, ни одно русское слово не начинается с фл, кроме фланговый, флот, фланкировать и т. д. ...» 19). Показательно в этом отношении и содержащееся в одном из его писем сообщение о том, что славянская этимология наряду с латинской помогает ему в изучении румынского языка, в какой-то степени компенсируя отсутствие под руками надлежащего словаря²⁰.

В очень продолжительный манчестерский период жизни Ф. Энгельса существенную помощь его сравнительным штудиям оказывал К. Маркс,

¹⁴ См.: там же, т. 30, стр. 284.

¹⁵ См.: там же, т. 11, стр. 204. 16 Там же, т. 22, стр. 19.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ См.: там же, т. 6, стр. 179, 181-182. Интересно, что, столкнувшись с проблемой разграничения языка и диалекта, Ф. Энгельс задолго до специальной постановки этого вопроса в социолингвистике отказывается от апелляции к структурным признакам и прибегает к социологическому по своей сущности критерию использования носителями того или иного диалекта определенного литературного языка (см.: там же, т. 13, стр. 619-620). Другим использованным Ф. Энгельсом критерием такого разграничения был признак наличия или отсутствия языкового взаимопонимания (см.: там же,

т. 11, стр. 204—205).

19 Там же, т. 32, стр. 303.

20 См.: там же, т. 37, стр. 3.

извещавший его из Лондона о славистических и германистических изданиях, а также об отдельных языковых памятниках, попадавших в поле его зрения во время работы в библиотеке Британского музея. Ф. Энгельс внимательно следил за соответствующей литературой. Из его ответа на одну из очередных информаций "ad slavica" К. Маркса видно, что перечисленные последним работы были так или иначе известны Ф. Энгельсу э.

Служебные обстоятельства, а также параллельно протекавшая работа над циклом исследований по военной стратегии не позволили, однако, ему воплотить в действительность наиболее крупное задуманное в этой области предприятие. В письме к Ф. Лассалю от 14 марта 1859 г. он писал по этому поводу следующее: «Но когда целый день занимаешься благородной коммерцией (речь идет о служебной деятельности Ф. Энгельса в конторе фирмы. — Г. К.), то в области такой колоссально общирной науки, как филология, не удается выйти за рамки чистейшего дилетантизма, и если я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич» 22. Впрочем о том, насколько славистические занятия Ф. Энгельса были «чистейшим дилетантизмом», достаточно красноречиво свидетельствует данная в одном из его писем оценка действительно дилетантской обзорной книги Ф. Эйхгофа о славянских языках и литера-Typax 23.

В последующий период лингвистические интересы Ф. Энгельса все отчетливее смещались в сторову истории германских языков, что было непосредственно связано с его многолетними исследованиями в области истории древних германцев. По переписке Ф. Энгельса видно, что начиная с 60-х годов все более заметным становится его внимание к конкретным вопросам сравнительной германистики. Так, в одном письме он сообщает: «Я в последнее время немного занимался фризско-англо-ютско-скандинавской филологией...» ²⁴. В другом говорится: «На этой неделе я основательно занимался голландско-фризским языком и нашел там весьма любопытные вещи с филологической точки зрения» ²⁵. К 1865 г. относится выполненный им немецкий перевод стародатской народной песни «Барин Тилман».

Известно, что Ф. Энгельс достаточно хорошо знал основные германские языки. Немало времени он посвятил и изучению их исторических предшественников. В письме к К. Марксу от 4 ноября 1859 г. содержится нечто вроде программы его занятий в области последних. Здесь сообщается: «Я теперь совсем увяз в Ульфиле; надо же когда-нибудь покончить с проклятым готским языком, которым я до сих пор занимался лишь мимоходом. К своему удивлению, убеждаюсь, что знаю гораздо больше, чем думал; если получу еще какое-нибудь пособие, то рассчитываю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древненорвежскому и англосаксонскому, которыми я тоже всегда владел недостаточно прочно. До сих пор работаю без словаря или каких-либо других пособий:

²¹ См.: там же, т. 29, стр. 23.

²² Там же, т. 29, стр. 477. Имеется в виду: Fr. Miklosich, Vergleichende Lautlehre der slawischen Sprachen, Wien, 1852; его же, Vergleichende Formenlehre der slavischen Sprachen, Wien, 1856.

²³ К. Маркси Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 23. Имеется в виду: F. G. E i chhoff, Histoire de la langue et de la littérature des slaves, russes, serbes, bohèmes, polonais et lettons..., Paris, 1839.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 5.
 Там же, т. 32, стр. 229.

у меня только готский текст и Гримм, но старик действительно изумителен »²⁶.

Следует отметить, что Ф. Энгельс вообще очень высоко оценивал Я. Гримма как основоположника сравнительной грамматики германсиих языков и считал его гениальным ученым. Помимо только что упомянутой работы, он внимательно штудировал «Немецкий словарь», подготовленный под руководством Я. Гримма и особенно — его двухтомную «Историю немецкого языка» ²⁷, которую называл классическим трудом ²⁸. К. Маркс был полностью солидарен с энгельсовской оценкой Я. Гримма; это дало себя знать в критике им взгляда Б. Бауэра, считавшего Й. Добровского гораздо «более выдающимся», чем Я. Гримм, и даже называвшего его «отцом сравнительного языкознания» 29.

Энгельсовская концепция сравнительной грамматики германских языков в какой-то мере находит свое отражение в его исследовании «Франкский диалект», в котором Ф. Энгельсом вносятся существенные коррективы в традиционную классификацию древнегерманских диалектов, ос-новы которой были выдвинуты еще Я. Гриммом. Немало высказываний по отдельным вопросам сравнительной грамматики германских языков разбросано и в письмах Ф. Энгельса. Так, например, характеризуя медленные по сравнению с другими германскими языками темпы развития желандского языка, он отмечал, что исландец и в настоящее время «... говорит еще на том же самом языке, на каком изъяснялись... викинги 900 года» ³⁰. В другом контексте он касается языковой принадлежности ютов, мигрировавших вместе с англами и саксами в Англию 31.

Как известно, преимущественным объектом внимания Ф. Энгельсагерманиста была проблема диалектного членения древнегерманской языковой области и его последующего преобразования. Во «Франкском диалекте» он продемонстрировал во всей исторической конкретности сложность процесса языковой филиации, определяющегося не только явлениями дивергенции, но и фактами параллельного и, наконец, контактного развития. Едва ли возможно сомневаться в том, что уже самый факт сосредоточения данного исследования на разносторонней характеристике этого процесса служит очевидным свидетельством неприятия Ф. Энгельсом прямолинейной схемы языковой дифференциации, популярной во многих компаративистических работах того времени. Конкретную характеристику концепции сравнительной грамматики германских языков, которой придерживался Ф. Энгельс, мы оставляем здесь в стороне, поскольку она составляет уже предмет специального германистического исследования 32.

В наследии Ф. Энгельса встречается несколько указаний на то, что в известной степени он был знаком и со сравнительной грамматикой романских языков; ср., например, его довольно подробные замечания об историческом соотношении фонетического и грамматического строя провансальского языка и северноитальянских диалектов Пьемонта и Ломбардии ³³. Как сообщается в одном из писем Ф. Энгельса, со «Сравнитель-

²⁶ Там же, т. 29, стр. 406. Имеется в виду: J. Grimm, Deutsche Grammatik I—IV, Göttingen, 1819—1837. 27 J. Grimm, Deutsches Wörterbuch, I, Leipzig, 1854; его же, Geschichte

der deutschen Sprache, I-II, Leipzig, 1848.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 483. ²⁹ См.: там же, т. 28, стр. 389. ³⁰ Там же, т. 27, стр. 71.

³¹ Там же, т. 31, стр. 4.

⁸² См. в этой связи: В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М., 1956, стр. 45-63; е г о ж е, Введение в сравнительно-историческое изучение германских стр. 43—00, м.—Л., 1964, стр. 11—52 и др., а также: Т. Фрингс, Энгельс как филолог, сб. «Немецкая диалектография», М., 1955.

38 См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 619—620.

ной грамматикой романских языков» Ф. Дица — очевидно, имеются в виду два ее первых тома ³⁴ — он познакомился около 1840 г. ³⁵.

Коротко остановимся на некоторых общих положениях компаративистики, разпелявшихся Ф. Энгельсом. В энгельсовском понимании путей формирования лингвистических семей прежде всего подчеркивается роль процесса языковой дивергенции. Об этом красноречиво свидетельствуют, например, несколько хорошо известных высказываний из его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь указывается, в частности: «На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в пелые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального елинства...» ³⁶ (в этой питате сопержится и фактическое признание неограниченности процесса языковой дивергенции). Характеризуя политическое объединение ирокезских племен, сложившееся не позднее начала XV в. в Северной Америке, Ф. Энгельс отмечает, что их «общий язык, имевший различия только в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения »37. В соответствии с этим в истории германских языков он прежде всего подчеркивал факт их генетической зависимости от общеиндоевропейского состояния. Он отмечал, в частности, что в готском языке «формы флексий в спряжении настоящего времени (изъявительного наклонения) еще тесно примыкают к формам искони родственных языков, особенно греческого и латинского, с соблюдением передвижения согласных» ³⁸.

Выше уже говорилось о том, что Ф. Энгельс не принимал прямолинейной схемы языковой филиации, выдвинутой А. Шлейхером. Судя по ряду высказываний, он видел различный удельный вес процессов языковой дивергенции и конвергенции в разные эпохи. Для ранних общественно-экономических формаций характерен первый. Об этом говорит высказывание Ф. Энгельса, согласно которому «... новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и теперь» 39. Вместе с тем для более поздних этапов развития общества, особенно же начиная с эпохи капитализма, классики марксизма подчеркивают усиление в языках роли всякого рода центростремительных процессов, обусловленных как экономической, так и политической концентрацией. На фактах контактной природы языковых явлений Ф. Энгельс неоднократно останавливается при рассмотрении вопросов древнегерманской диалектологии. Аналогичные явления отмечаются им и в другой связи. Например, в контексте, посвященном про**ва**нсальскому языку, который имел в прошлом блестящую литера**туру,** Ф. Энгельс пишет, что после трехсотлетней борьбы он оказался фактически низведенным до уровня французского диалекта 40.

Имеются два замечания Ф. Энгельса о румынском языке, по-видимому, указывающие на то, что он разделял тезис об односторонней генетической принадлежности языков. Так, несмотря на то обстоятельство, что носители этого языка, по его образному выражению, «... с одинаково оча-

³⁴ Fr. Dietz, Grammatik der romanischen Sprachen, I, Bonn, 1836; II, Bonn, 1838

³⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 41, стр. 459.

³⁶ Там же, т. 21, стр. 97. ³⁷ Там же, стр. 96.

³⁸ Там же, т. 19, стр. 493.

³⁹ Там же, т. 21, стр. 93.

⁴⁰ Там же, т. 5, стр. 378; ср. также: т. 13, стр. 619.

ровательной небрежностью обращаются с латинским и со славянским (из которого восприняли много слов и звуков)», он рассматривал румынский язык как одно из современных продолжений латинского ⁴¹. Согласно его другому замечанию, румыны представляют собой сильно смешанный народ, говорящий на языке, который происходит от латинского ⁴².

Ф. Энгельс безоговорочно разделял тезис о тесной связи языка и общества, истории языка и истории народа, отчетливо сформулированный уже в работах Я. Гримма. Наличие такой связи он констатировал, например, когда, характеризуя терминологию родства в северноамериканском языке сенека, подчеркивал, что «...это — не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства....» 43. На этом убеждении и основано его неоднократное обращение в своих работах к популярной в то время методике «слов и вещей» («Wörter und Sachen»), позволяющей на основе анализа конкретного лингвистического материала реконструировать соответствующие реалии общественной жизни. В одном месте он прямо пишет: факт, «что германцы принесли с собой со своей азиатской родины знакомство с употреблением металлов (подобно большинству индоевропеистов своего времени Ф. Энгельс придерживался гипотезы об азиатской прародине индоевропейских языков. — Γ . K.), доказывает сравнительное языкознание» ⁴⁴. В другом месте он присоединяется к известным выводам культурно-исторического порядка, сделанным индоевропеистикой на том основании, что «у европейских и азиатских арийцев домашние животные имеют еще общие названия, культурные же растения — почти никогда» 45. В третьем — он замечает, что самоназвания бедуинских племен типа Бени-Салед, Бени-Юсуф и т. д. обязаны своим происхождением древнепатриархальному способу их существования 46.

Приведем в этой связи следующее рассуждение Ф. Энгельса, связанное с предпринятой им реконструкцией структуры родового общества у древних германцев: «Латинское слово гех соответствует кельтско-ирландскому righ (старейшина племени) и готскому reiks; что последнее слово, как первоначально и немецкое Fürst (означает то же, что по-английски first, по-датски förste, то есть "первый"), означало также старейшину рода или племени, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника своего народа: thiudans. Артаксеркс и Ирод в библии, перведенной Ульфилой, никогда не называются reiks, а только thiudans, государство им-

ператора Тиберия — не reiki, a thiudinassus» 47.

Вместе с тем можно привести некоторые высказывания Ф. Энгельса, свидетельствующие о понимании им тех трудностей, с которыми нередко сталкивается компаративист при использовании этой методики. Так, в одном контексте он говорит, в частности, о том, что «памятники языка оставляют перед нами открытым вопрос относительно того, существовало лиу всех германцев общее выражение для обозначения рода—и какое именно» 48. В этом отношении особенно интересно его следующее высказыва-

⁴¹ Там же, т. 36, стр. 520.

⁴² Там же, т. 9, стр. 7. ⁴³ Там же, т. 21, стр. 34.

⁴⁴ Там же, т. 19, стр. 476. ⁴⁵ Там же, т. 21, стр. 31. ⁴⁶ Там же, т. 28, стр. 209.

⁴⁷ Там же, т. 21, стр. 127 (примеч.). ⁴⁸ Там же, стр. 135.

ние. «Первые общественные установления, которые были введены в действие, - пишет он, - неизбежно были связаны с производством и способами добывания средств к жизни. Вполне естественно, что это подтверждается развитием языка. Но если пойти дальше и вывести из этимологии legere и νέμω (относительно этимологии обоих слов у Ф. Энгельса консультировался П. Лафарг в одном из своих писем. — Г. К.) законченную систему, то это может привести лишь к фантастическим результатам, хотя бы по той причине, что мы не знаем, в какое время образовалось каждое отдельное производное слово, и еще меньше знаем, когда оно получило то значение, в котором дошло до нас. А кроме того, старые этимологи, подобно Вико, плохие советчики... Этимологию, как и физиологию и всякую другую "логию",— заключает Энгельс, — нужно изучать, ее нельзя изобретать» ⁴⁹. Отсюда, между прочим, и вытекал ряд его возражений 50 в адрес некоторых ошибочных этимологических сближений, предпринятых П. Лафаргом в его известной статье о французском языке до и после революции 51.

Ф. Энгельс, по-видимому, вообще сомневался в возможности установления сколько-нибуль прямодинейных корредяций между явлениями языка и общества. Он, например, подчеркивал, что «едва ли удастся комунибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию»⁵².

При характеристике компаративистических взглядов Ф. Энгельса нельзя не учитывать, что многие из его высказываний относятся к тому периоду, когда сравнительно-историческое языкознание по существу еще делало свои первые уверенные таги. Вполне естественно поэтому, что дальнейшее развитие науки о языке внесло существенные видоизменения в некоторые положения компаративистики, разделявшиеся в свое время Ф. Энгельсом. Так, например, такие понятия, как индоевропейский, семитический и т. п., имеют в настоящее время исключительно лингвистический, а не сколько-нибудь более широкий смысл, что было общим местом компаративистики прошлого столетия. В современном индоевропейском языкознании по существу оставлена и гипотеза об азиатской прародине индоевропейских языков, разделявшаяся Ф. Энгельсом ⁵³ (вслед за авторитетами индоевропеистики прошлого он признавал факт продвижения индийских языков в область Пятиречья и в долину Ганга из смежных районов Средней Азии). Следует отметить, впрочем, что, как правило, это были взгляды, стоявшие на переднем крае современной ему компаративи-

В плане истории науки наиболее важным представляется то обстоятельство, что в период почти безраздельного господства в языкознании натуралистической и позднее младограмматической доктрин Ф. Энгельс и в компаративистике последовательно отстаивал принципы социальноисторического рассмотрения языка.

⁴⁹ Там же, т. 36, стр. 256—257.
⁵⁰ Там же, т. 37, стр. 37—39.
⁵¹ Fergus, La langue française avant et après la Révolution, «Nouvelle revue», 51, Paris, 1888 (русский перевод: Поль Лафарг, Язык и революция. Французский язык до и после революция, М.— Л., 1930).
⁵² К. МарксиФ. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 395.
⁵³ Ср.: там же, т. 19, стр. 329, 444—445, 450, 476; т. 20, стр. 645; т. 21, стр. 57; т. 37, стр. 38

т. 37, стр. 38.

дискуссии и обсуждения

н. ю. шведова

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОТЕНЦИЯХ ФОРМЫ СЛОВА*

1. Синтаксическая наука имеет дело с разными объектами. Эти объектя принадлежат разным уровням 1 синтаксиса как внутриязыковой системы. Можно выделить следующие уровни: 1) синтаксические возможности слова, правила его дистрибуции и те единицы, которые образуются в результате реализации этих дистрибутивных возможностей; 2) синтаксис простого предложения: его структурные схемы, правила их наполнемия и распространения, их синтаксическое поведение (формы, регулярные реализации, функции); коммуникативные формы простого предложения; его семантическая структура; его синтакпатика; формальные и смысловые соотношения типов в системе простого предложения; 3) синтаксис сложного предложения как единицы, совмещающей в себе свои собственные грамматические качества со свойствами элементарного сегмента текста; 4) синтаксис текста, т. е. такого построения и соединения коммуникативных единиц, которое опирается на определенные языковые законы и правила.

Ко всем этим уровням обращен синтаксис формы слова, т. е. правила синтаксического поведения форм слов, система их синтаксических потенций и значений. Эти правила реализуются на всех названных уровнях, так как форма слова, во-первых, является той элементарной единицей, которая конструирует словосочетание и предложение и участвует в их распространении, и, во-вторых, имеет свою собственную сферу употребления: с одной стороны, все, что связано с областью номинаций (независимая и относительно независимая позиции формы слова), с другой стороны,

матического строя языка и их взаимодействие», М., 1969).

^{*} Настоящая статья представляет собою обобщение и систематизацию тех наблюдений над синтаксическими потепциями формы слова, которые содержатся в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970) в главах о связях слов и о простом предложении. Раздел «Синтаксис формы слова» в «Грамматике» отсутствует. Между тем, описательный синтаксис необходимо должен заключать в себе систематическую характеристику всех функций форм слов и определение зависимостей этих функций от лексической семантики слов. Здесь мы попытаемся, опираясь на теоретические положения, лежащие в основе синтаксического раздела «Грамматики», в конспективном виде изложить один из возможных путей построения раздела «Синтаксис формы слова» в описательном синтаксисе современного русского литературного языка.

Термин «уровень» употребляется здесь в значении подсистемы, но не в значении части пелого, входящей в иерархическую организацию частей, из которых каждая последующая, более сложная, формируется на основе более простых компонентов предмествующей (ср. понимание уровней языка как иерархической организации в статьст офр. Д а н е ш, К. Г а у з е н б л а с, Проблематика уровней с точки зревия структу ры высказывания и системы языковых средств, в кн.: «Единицы разных уровней грам-

все, что связано с функционированием формы слова как относительно самостоятельного высказывания (в условиях речевой или неречевой ситуа-

В дальнейшем изложении будут рассматриваться прежде всего формы слова в словосочетании и в предложении, а также в позиции называния; синтаксические потенции формы слова в позиции отдельного выскавывания рассматриваться не будут, отчасти потому, что это - особая область, со своим собственным кругом проблем, а отчасти также и потому, что функции формы слова в позиции отдельного высказывания произволны от их функций в строе словосочетания и предложения. Не булет элесь также рассматриваться вопрос о форме слова в позиции нерегулярного замещения, так как такая позиция возможна для любой формы — и не только слова, но и словосочетания и предложения.

2. Итак, первый вопрос состоит в том, каковы могут быть функции разных форм слов, во-первых, при образовании некоммуникативных синтаксических единиц, во-вторых, при образовании единиц собственно коммуникативного плана и, наконец, непосредственно в самом акте коммуникации 2. На первых ступенях анализа следует оперировать формой слова как собственно грамматической категорией, т. е. в отвлечении от ее конкретного лексического наполнения. Это требование диктуется задачей единого подхода к разным формам слова и к формам разных слов. Между тем часто приходится наблюдать ту непоследовательность (имеющую, впрочем, свое основание), что если по отношению, например, к инфинитиву, к личной форме глагола или к номинативу исследователи довольствуются их собственно грамматической характеристикой, констатапией их самого отвлеченного грамматического значения и затем непосредственно обращаются к анализу их функций, то по отношению к косвенным падежам имени намечается опасная для грамматиста тенденция рассматривать в качестве элементарной и первичной синтаксической единицы форму слова сразу в ее конкретном лексическом наполнении и противопоставлять ее той же форме в другом лексическом наполнении или в другой функции как особую формальную единицу 3.

3. Значение формы слова как синтаксической категории образуется на основе ее употреблений и абстрагируется от этих употреблений. В результате этого абстрагирования первично выделяются три круга значений: присловные, уровня предложения и опирающиеся на первые два значения номинативные. Так, например, у косвенно-падежной формы имени существительного с предлогом выявляются значения, свойственные ей в сфере присловных связей — сильных и слабых, в сфере предложения (его схемы и ее распространения) и в сфере номинации (ниже это будет показано на анализе одной предложно-падежной формы). Эти значения

² Интересные соображения о полифункциональности форм и о перекрещивании их функций см. в статье Н. Д. Арутюй овой «Означимых единицах языка», в кн.:

[«]Исследования по общей теории грамматики», М., 1968.
3 Яркий пример такого подхода— статья Г. А. Золотовой «О синтаксической форме слова» (сб. «Мысли о современном русском языке», под ред. В. В. Виноградова, М., 1969). Первичными синтаксическими единицами здесь полагаются «синтаксические формы слова» (речь идет только о косвенно-падежных формах), разграничиваемые на основе морфологического вида, лексического наполнения и функции; грамматически и лексически совпадающие, но функционально различающиеся формы считаются омонимами. По существу, те формы, которые Г. А. Золотова называет «свободными», в подавляющем большинстве представляют собою не что иное, как адъективные и адвербиальные падежи; поэтому они и могут выступать в называющей или определяющей функциях; «связанные формы» — это грамматические падежи, т. е. формы, реализующие сильную связь; в «конструктивно-обусловленных» формах автор объединяет такие, которые, как формы, расходятся по первым двум классам, но выступают в функции обязательного форманта предложения.

могут быть или не быть связаны с определенными лексико-семантическими ограничениями и запретами: это фактор чрезвычайно существенный.

Определив в целом систему функций для той или иной формы слова как синтаксической категории, мы должны обратиться к конкретным условиям функционирования и, соответственно, - к выявлению значений форм. Анализ с этой точки зрения всех форм внутри того или иного разряда слов (части речи или грамматического класса) выявит определенные закономерности, с одной стороны, их синтаксического поведения, с другой стороны, их отношения к другим формам и позволит построить иерархически организованные классы противопоставлений. Таким образом, намечаются следующие ступени анализа: 1) изучение форм слов с точки эрения их значений, порождаемых, во-первых, присловными связями, во-вторых, синтаксическими позициями в предложении, и, в-третьих, позицией номинации; 2) систематизация этих значений в их отношении к лексико-семантическим факторам (семантически и лексически обусловленные или необусловленные синтаксические значения): 3) сопоставление систем значений разных форм — внутри одного класса и разных классов — и выявление черт общности и различия; 4) систематизация всех значений форм слов по степени их абстрактности и конкретности.

4. Какова система синтаксических функций форм слова вообще? Эта жистема весьма богата. Функции формы слова могут относиться, во-первых, к сфере присловных (подчинительных) связей; во-вторых, к сфере предложения: а) компонентов схемы и б) связей, возникающих внутри предложения при его распространении; в-третьих, к сфере номинации в широком смысле этого термина; в-четвертых, к сфере конситуативно обусловленных высказываний. Соответственно форма слова может быть: 1) зависимым формантом словосочетания; 2) компонентом структурной схемы предложения; 3) распространителем предложения в целом (детерминантом); 4) распространителем внутреннего состава предложения (при невариативных и вариативных связях, возникающих только в предложении, а также в случаях включения в предложение обособленных форм и групп или союзных введений); 5) формантом сложного предложения или диалогического единства; 6) формантом текста; 7) называющей единицей; 8) отдельным высказыванием, опирающимся на конситуацию (эту последнюю функцию из дальнейшего рассмотрения исключаем, так как она должна изучаться с позиций теории высказывания).

 Рассмотрим — пока в самом обобщенном виле — круг функций личной формы глагола, инфинитива, именительного падежа существительного, косвенных падежей существительного, а также функции наречия. Как видно, на первых шагах анализа мы будем находиться на максимальной ступени обобщения, помня, что лишь через эту ступень грамматист должен идти к более детальному рассмотрению явлений и к более

частным классификациям.

Основной функцией личной формы глагола является функция форманта структурной схемы предложения — сказуемого или главного члена односоставного предложения спрягаемо-глагольного типа ($Hom \partial_b u \partial_b em/ueA$, Ceemaem/-AO). В этой функции verbum finitum является средоточием и узлом морфологических и синтаксических категорий. Vf не может быть зависимым компонентом словосочетания, в предложении - подлежащим; однако он может быть распространителем внутреннего состава предложения — сказуемого или главного члена односо--ставного спрягаемо-глагольного предложения (ср.: *Дети плачут* заливаются; живут — не ссорятся; стоит не шелохнется; Докладчик говорит и говорит; Ты беги снеси записку; Пойду схожу поговорю с председателем; Пускай

себе з в о н я m — н а ∂ р ы в а ю m с s). В разговорной речи личная форма глагола может выступать как детерминант (ср. темпоральную детерминацию: Γ у л я л а зашла в магазии; Погреюсь немножко: овяб x о ∂ и u); впрочем в этих случаях скорее можно говорить о детерминации не словоформой, а целым предложением (бесподлежащная реализация). Vf не может выступать как называющая форма.

Косвенный падеж имени существительного может быть: 1) зависимым формантом словосочетания; 2) компонентом двусоставной структурной схемы предложения — сказуемым; 3) компонентом фразеологизированной именной односоставной схемы предложения (Мне не до тебя, Нам по пути); 4) детерминантом; 5) распространителем внутреннего состава предложения (Дом строится плоти и ками; Мы в деревне не любим лишних разговоров) 6; 6) формантом сложного предложения (Думаю не о себе, а о детях); 7) формантом текста (Тебе — но голос музы томной Коснется ль уха твоего? [Путк.]); 8) называющей формой. Косвенный падеж существительного не может быть подлежащим (случаи замещения позиции, так же, как и явления фразеологизации, сюда, естественно, не относится).

Наречие может быть: 1) зависимым формантом словосочетания; 2) компонентом двусоставной схемы предложения — сказуемым; 3) компонентом односоставной схемы (наречный и наречно-инфинитивный тип); 4) детерминантом; 5) формантом сложного предложения; 6) называющей формой — в составе ряда (заголовки типа Просто и со вкусом. Вдумчиво, по-деловому. Быстро, но плохо). Наречие не может быть подлежащим в двусоставном предложении.

О функциях инфинитива и именительного падежа существительного

см. ниже.

6. По своим синтаксическим потенциям формы слов первоначально ор-

ганизуются в определенные ряды противопоставлений.

Противопоставление первое: формы, которые могут занимать присловную позицию, — формы, которые не могут занимать такую позицию; первый член противопоставления: косвенно-падежные формы имени, инфинитив, деепричастие, наречие, компаратив; второй член противопоставления: личные формы глагола.

Противопоставление второе: формы, которые могут быть компонентами структурной схемы предложения,— формы, которые не могут быть такими компонентами; первый член: личные формы глагола, инфинитив, косвенно-падежные формы имени, наречие, компаратив;

второй член — деепричастие.

Противопоставление третье: формы, которые могут функционировать только в составе предложения (в схеме или при ее распространении),— формы, которые могут быть не только компонентами предложения; первый член: личные формы глагола; второй член: косвенно-падежные формы имени, инфинитив, наречие, деепричастие, компаратив.

Противопоставление четвертое: формы, которые могут быть каждым из двух главных членов двусоставного предложения, — формы, которые могут быть только сказуемым; первый член: инфинитив, именительный падеж имени; второй член: личные формы глагола, косвенно-падежные формы имени.

Противопоставление пятое: формы, которые могут распространять предложение в целом,— формы, которые не могут распро-

⁴ Анализ таких распространителей см.: А. А. Камынина, О синтаксической зависимости падежей, распространяющих предложение в целом, сб. «Исследования по современному русскому языку», М., 1970.

странять предложение в целом; первый член: косвенно-падежные формы имени, наречие, деепричастие, компаратив; второй член: личные формы глагола 5 .

Противопоставление шестое: формы, которые могут распространять внутренний состав предложения независимо от законов сочетаемости слов, — формы, которые не могут так распространять внутренний состав предложения; первый член: личные формы глагола, инфинитив, деепричастие, косвенно-падежные формы имени, наречие; второй член: компаратив.

Противопоставление седьмое: формы, которые могут выступать в называющей функции,— формы, которые не могут выступать в такой функции; первый член: именительный падеж, косвенно-падежные формы, деепричастие, наречие, компаратив; второй член: инфинитив, личные формы глагола.

Перечисленные противопоставления— самые общие. Последующее детальное изучение синтаксических потенций форм слов приводит к построению— внутри этих основных— целых систем более частных противопоставлений.

7. Применительно к более узким классам форм изучение должно быть углублено и расширено. Так, например, формы косвенных падежей имени, как самый общий класс, могут распространять предложение в целом; однако внутри этого класса есть формы, не способные детерминировать предложение (например, нераспространенный родительный беспредложный). Следовательно, с этой точки зрения внутри класса косвенных падежей существует еще одно противопоставление. Внутри этого класса вообще широко развита система внутренних противопоставлений: не все косвенно-падежные формы могут быть детерминантами; не все они могут входить в вариативные связи внутри предложения (соответственно среди существительных выявляется противопоставление «винительный и творительный падежи»: вырастил сына патриота/патриотом — «родительный, дательный и предложный падежи», а среди прилагательных -«дательный, винительный и творительный падежи»: твое право идти первым/первому, на ∂ еюсь застать отца живого/живым — «родительный и предложный падежи»). Если взять класс местоимений, то по функциям падежных форм некоторых своих подклассов он окажется противопоставленным всем другим классам знаменательных слов: падежные формы местоимений этих подклассов могут выступать в качестве связующих формантов между частями сложного предложения.

Изучение форм слов со стороны их синтаксических возможностей ставит перед исследователем ряд важных проблем. Среди них прежде всего нужно назвать следующие: 1) изучение форм слов разных частей речи с точки зрения их участия в создании коммуникативных и некоммуникативных единиц; 2) выявление всех существующих противопоставлений: для всех вообще форм идля форм слов определенных классов и подклассов; 3) синтаксические потенции собственно формы и семантического класса слов в этой форме.

8. На основе синтаксических функций форм слов складываются их абстрагированные синтаксические значения. Эти значения могут быть обобщены и систематизированы по ряду общих признаков. Общность этих признаков для разных форм разных классов слов оказывается большей, чем это кажется на первый взгляд. Как уже сказано, в соответствии с назваными выше функциями значения всех вообще форм слов первоначаль-

⁵ Это противопоставление снимается, если считать случаи типа озяб x о ∂ u s (см. выше) детерминацией предложения средствами глагола, а не предложения.

но группируются в три цикла: 1) присловные, 2) уровня предложения и 3) номинативные (называющие). Присловные значения могут быть более абстрактными (объектное, восполняющее 6, субъектное и их контаминации) и менее абстрактными (определительные: собственно-определительные, обстоятельственно-определительные и их контаминации с одним из более абстрактных значений) 7. Значения уровня предложения — это, во-первых, значения компонентов схемы (предикативные; под предикативным значением здесь имеется в виду значение любого компонента схемы: подлежащего, сказуемого, главного члена односоставного предложения), во-вторых, детерминирующие, которые в свою очередь распадаются на ряд более конкретных значений, в-третьих, полупредикативные и, в-четвертых, определительные. К уровню сложного предложения относятся значения форм слов как формантов его частей. Что касается номинативного (называющего) значения, то этот вопрос требует специального исследования. Ясно одно: номинативное значение формы — это нечто совсем другое, чем номинативное значение слова (см. об этом ниже).

9. Обратимся к конкретному анализу некоторых форм слов и попытаемся показать возможный путь изучения их синтаксических значений и те обобщения, которые можно сделать на основе этих изучений.

1) Ha+винительный падеж. Эта предложно-падежная форма имеет все названные выше значения: присловные, уровня предложения и номинативное.

Соответственно с присловными функциями, на основе сильных и слабых связей, у этой формы выделяются следующие присловным в на в на в на чения: во-первых, значения объектное (намекать на соседа, напасть на человека, курс на сотрудничество, запрет на воз, сердитый на сына, согласный на отъездв в на восполняющее (поступить на службу, перейти на диету, мастак на выдумки); во-вторых, значения определятельное с необходимыми дальнейшими конкретизациями (двигаться на восток, приехать на неделю, жить на гроши, дорога на Берлин, деньги на театр, рыцарь на час, позади на шаг) и объектно-определительные: объектно-целевое (испытывать мотор на прочность, необходимый на постройку), объектно-каузальное (смеяться на [чил-и.] слова) и объектно-характеризующее (установка на изоляцию, скупой на похвалы).

⁶ Объектное значение возникает на основе объектных отношений, характерных для сильной подчинительной связи; эти отношения характеризуются: а) обратимостью «правой интенции» в клевую интенцию» при помощи тех же лексем или их лексических конверсивов; сюда же относятся все случаи, когда обратимость (по не-синтаксическим причинам) отсутствует, однако налицо аналоги таких отношений, подтверждаемые наличием у слов, предопределяющих связь, плентичных диференциальных элементов значений (ср. восхищаться картиной и любоваться картиной, достигать успеха и добиваться успеха и под.); б) формальной и смысловой соотнесенностью семантической приставки слова с показателем предложной связи (зацелиться за крючок, наскочить на столо, укутаться в платок и под.). Восполняющее (смысловосполняющее, комплетивное) значение возникает на основе комплетивных отношений, характерных для сильной подчинительной связи, длущей от информативно енростаточных слю, т. е. таких слов, которые в силу специфики своей семантики обязательно требуют содержательного восполнения и абсолютивное употребление которых в случае конситуативной необусловленности может быть только окназиональным (стать начальником, выглядень больным, сойти за иностранца, род недуга и под.).

⁷ Подробную характеристику значений и тех связей и отношений, на основе которых они формируются, см. в кн.: «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 486—538.

⁸ Эдесь и далее даются не перечни, а лишь отдельные примеры. Те оттенки значения, которые могут быть установлены не на основе факторов собственно лексико-синтаксических, а на основе «глубинных» ситуационных соотношений и преобразований, во внимание не принимаются: синтаксис есть грамматика.

Для всех присловных значений первостепенен вопрос о лексико-семантических ограничениях, идущих как от слова, предопределяющего связь, так и от слова, занимающего в данной форме определенную присловную позипию.

Не-присловные (уровня предложения) значе**ни**я « $\mathit{ha}+$ винительный падеж» — это значения предикативное, детерминирующее и определительное. Предикативное значение формируется на основе следующих функций: 1) собственно сказуемостной (Наши окна — на набережную; Это пальто — на мальчика; Вся надежда — на yрожай); 2) регулярного позиционного представления сказуемого ($H - \mu a$ стадион; Он от меня ни на шаг; Оружие на стол! На свидание — как на казнь; Когда же на дачу?); 3) регулярного позиционного представления инфинитивного или наречного компонента структурной схемы предложения в случаях типа: Хочется на пляж; Мне тебя на пять минут; Ему на работу; Вам необязательно на осмотр; 4) замещения позиции N₁ в схеме N₁(quantit) Gen (Дел на полчаса; Работы на двоих); 5) форманта сложного предложения, союзного введения, второй реплики диалога или форманта текста (Уехал на юг, а говорил, что на дачу; Кричит на меня, как на мальчишку; Куда ты? — На свидание). Детерминирующее значение «на 🕂 винительный падеж» формируется на основе его функций детерминанта темпорального (На первое декабря план перевыполнен; На третьи сутки был получен ответ), включения/исключения (На тысячу один такой найдется), ограничения, уточнения (На ту беду лиса бли**зех**онько бежала; На прощанье — и такие слова!), предназначенности (На обед ничего нет). Определительное (на уровне предложения) значение «на + винительный падеж» формируется на основе возникающих в предложении связей — аналогов подчинения, например: На тебя на чучело и смотреть не хочется; На собраниях на заводе не бывает (т. е. на заводских собраниях); $\Gamma \partial e$ ты был? — На лекцию на выставку ходил (т. е. на лекцию, которая была на выставке).

В характеристику всех не-присловных значений, так же, как и значений присловных, обязательно должны входить указания, касающиеся лексико-семантической свободности/несвободности значения, и, там, где есть несвободность, источника несвободности (ограничения, идущие от семантики самого слова, выступающего в данной форме; от семантики другого компонента схемы; от семантической структуры предложения и т.д.)9.

Номинативное значение «на + винительный падеж» выявляется в его независимой позиции (называющая функция). Однако независимость этой позиции относительна. Следует помнить, что называющая функция словоформы всегда конситутативно обусловлена: рядом присутствует предмет (ситуативная обусловленность) или текст (контекстная обусловленность). Верно, что в номинациях типа На статую играющего в бабки; На счастие или На прием к врачу (табличка), На торжества (подпись под фотоснимком) присутствуют значения повода, назначения или локальное, а в номинациях типа На врага; На бой (подписи под изображениями) — объектное или объектно-целевое. Однако такие характеристики недостаточны. Для формы слова в номинативной функции характерна своеобразная комплексность значения, так как за ней могут стоять не одна, а сразу несколько синтаксических позиций этой формы и ее функций. Так, за указательной надписью На выставку могут стоять

⁹ Все эти ограничения в дальнейшем должны быть обобщены. В основу обобщения должен лечь характер ограничения (источник несвободносты) и тип ограничения (семантическая несвободность и лексическая закрытость) — со всеми необходимыми для синтаксиса лексико-семантическими дифференциациями; см. об этом ниже.

следующие позиции (и соответственно — функции и значения) формы ϵ на — винительный падеж»: присловная определительная (∂ орога, еход на выставку), предикативная (∂ та дорога [этот еход] — на выставку), детерминирующая (Hа выставку — сход»). За названием стихотворения Hа статую играющего в бабки могут стоять позиции этой формы: присловная определительная (стихотворение на статую играющего в бабки или написано на статую играющего в бабки) и предикативная (∂ то стихотворение — на статую играющего в бабки) — и соответствующие значения. Определить, на какое из этих значений (именно данное, одно) опирается форма в своей номинативной позиции, очень часто бывает невозможно, для нее характерна диффузность, нерасчлененность значения 10 . Во всех подобных случаях простое указание на способность формы выступать в заголовочной функции мало что объясняет.

2) И менительный падеж имени существительного (номинатив). Эта форма также имеет все те обобщенные синтаксические значения, свойственные формам слов, о которых говорилось

выше: присловные, уровня предложения и номинативное.

Соответственно с присловными функциями, на основе слабых связей, у номинатива выделяется одно присловное значение — определительное. Это значение (семантически не ограниченное) отвлекается от присловных позиций зависимого номинатива: согласованного (дочь-красаещца, руководитель как организатор) и несогласованного (на озере Байкал; с челеком по фамилии [по кличке, по имени, по прозвищу] Орел; начавши как ассистент; в составе ряда: на ракете «Земля—Земля», по схеме «лабора-

тория — завод — потребитель»).

Не-присловные (уровня предложения) значения номинатива — это значение предикативное, детерминирующее и полупредикативное. Предикативное значение номинатива абстрагируется от его функций подлежащего двусоставного предложения, именного сказуемого такого предложения, главного члена невопросительных и вопросительных именных односоставных (однокомпонентных и двукомпонентных) схем — нефразеологизированных и фразеологизированных, а также от функций форманта сложного предложения, союзного введения, второй реплики диалога или форманта текста. Полупредикативное значение свойственно номинативу, входящему в состав вариативного ряда в случаях распространения (семантически ограниченного) внутреннего состава предложения (типа И я родился мещанин [Пушк.]; Брат вернулся калека/калекой). Детерминирующее значение номинатива формируется на основе его функции (редко реализуемой) обстоятельственно-характеризующего детерминанта (Дитя сама, в кругу детей Играть и прыгать не хотела [Пушк.]) (это значение также ограничено лексической семантикой слова). Определительное значение в предложении у номинатива формируется на основе возникающего в предложении аналога подчинительной связи в случаях типа: Мы студенты народ веселый; Он чудак нам не поверил; Сам дурачок напросился.

Что касается называющего значения номинатива, то к нему полностью относится то, что было сказано выше о комплексности, нерасчлененности такого значения формы слова: это никогда не «обозначение понятия». Именительный падеж существительного имеет пять функций в сфере называния (и соответственно — пять значений): собственно номинативную (названия, заголовки), номинации контактирования (внутри ряда; ср. заго-

 $^{^{10}}$ Ср. диффузность значения формы дательного беспредложного в случаях типа: Teбe, nesųy, me δe , герою! Не удалось мне за тобою При громе пушечном, в огне Скакать на бешеном коне! (Пушк.).

ловки типа: Москва — Неаполь; Земля — Луна — Земля), источника или предмета информации (Англия: бастуют почтовики) и номинативно-вокативную. Ни одно из этих значений не является конситуативно необусловленным. Все они — сложные по своим внутренним качествам: даже самое простое из них — собственно номинативное — опирается одновременно на значения определительное и предикативное.

3) И н ф и н и т и в. Как и другие рассмотренные выше формы, инфинитив имеет все три вида синтаксических значений: присловные, уровня предложения и номинативное. Все его значения свободны со стороны лек-

сической семантики инфинитива.

Соответственно с присловными функциями инфинитива выделяются следующие его присловные значения: во-первых, значения объектное (велеть [кому] прийти, научить [кого] читать, хотеть учиться, любитель выпить, готовый помочь) и восполняющее (умудриться упасть, намерен ехать); во-вторых, значения определительные: определительно-характеризующее (счастье любить, манера спорить) и целевое (прийти обедать, снести [сапоги] починить). Предикативное значение инфинитива абстрагируется от его функций подлежащего двусоставного предложения, сказуемого (собственно сказуемого и его позиционной замены в случаях типа $\mathcal{A} = \mathit{гилять}$), главного члена невопросительных и вопросительных инфинитивных односоставных (собственно инфинитивных и двукомпонентных наречно-инфинитивных и глагольно-инфинитивных) предложений — нефразеологизированных и фразеологизированных, а также от функций форманта сложного предложения, союзного введения, второй реплики диалога или форманта текста. Летерминирующее значение инфинитива абстрагируется от его функции условно-темпорального и условнопричинного детерминанта (Глядеть сердце надрывается; Озябнешь сто*ять*). Полупредикативное значение обнаруживается во всех случаях акпентирования (писать не пишет, обедать-то обедали, гулять не гулять, а пройтись нужно). Определительное значение в предложении абстрагируется от случаев неприсловного определения (Дай карандаш расписаться). Что касается номинативного значения инфинитива, то в собственно называниях оно практически отсутствует: заголовочный инфинитив (типа: Жить по-коммунистически; Дерзать) всегда реализует одно из значений инфинитивных предложений.

10. На отдельно взятых примерах мы попытались показать возможный путь максимально обобщенных характеристик значений форм слов, отвлеченных от их функций. Как видно, эти обобщенные значения совпадают у форм слов разных классов. Это подтверждает ту мысль, что вопрос о синтаксических потенциях и синтаксических значениях форм слов на первых ступенях анализа может ставиться безотносительно к категориальной принадлежности соответствующих слов. Под этим углом зрения предстоит рассмотреть все формы слов. Такое изучение форм с точки зрения их функций (и — соответственно — значений), с учетом лексико-семантического фактора (значения семантически не ограниченные, или свободные, семантически ограниченные, или несвободные, и лексически закрытые) должно привести к первичному объединению всего многообразия синтаксических значений форм в крупные синтаксико-семантические блоки.

Однако далее встанет вопрос о новом аспекте характеристик и систематизации — во-первых, как уже сказано, в связи с наличием или отсутствием ограничений, накладываемых на функционирование формы лексической семантикой слова, и, во-вторых, в связи с внутренними дифференциациями самих функций, идущими от этой семантики; иными словами — вопрос о взаимодействии синтаксического значения формы и лексической семантики слова, выступающего в этой форме, и об образовании на основе

этого взаимодействия нового качества — значения конкретной словоформы.

Охарактеризованная выше система общих синтаксических значений присловных, уровня предложения и номинативных - по-разному соотносится с лексической семантикой слов. Так, например, все названные в п. 9 функции инфинитива безразличны к его лексической семантике: они свободны. У номинатива свободны значения присловные (в отношении так называемого «приложения» это требует проверки), предикативные, полупредикативные и называющее; значения детерминирующее и определительное (в предложении) ограничены со стороны лексической семантики существительного. Наибольшие сложности представляют взаимоотношения синтаксических функций форм и лексической семантики слов в системе падежных и предложно-падежных форм ¹¹ (отчасти также наречий). С каких бы позиций мы ни подходили к изучению синтаксических потенций этих форм, отрыв изолированно взятых словоформ от всей системы функций соответствующей формы и противопоставление этих функций друг другу в плане синтаксической омонимии представляется неправомерным. Такой отрыв не может быть оправдан лексико-семантической несвободностью формы в той или иной функции. Так, в нашем примере «на + винительный падеж» в системе присловных значений свободны значения объектное и собственно сказуемостное; все остальные значения так или иначе ограничены со стороны лексической семантики существительного. На основе этой ограниченности формируются постоянные семантико-синтаксические соединения предлога и падежной формы типа на час, на восток, на дачу, на обед, на память, на килограмм и т. д., высокочастотные в присловных определительных значениях, но вполне обычные и в других значениях — объектном, сказуемостном, детерминирующем, номинативном и др. В случаях типа прийти на час, двигаться на восток, окна на набережную и т. п.— это формы со значением присловным определительным; дальнейшая дифференциация значения (определительно-темпоральное, определительно-локальное и т. д.) целиком опирается на лексическую семантику слов. В случаях типа Работы на час, Паши окна — на набережную синтаксические значения этих форм — предикативные, а их более конкретные значения, абстрагируемые от лексики, могут иметь значение или для установления системы соотношений и преобразований (если они в этих случаях имеются) или для определения условий заполнения предложно-падежной формой предикативной позиции (если такие условия существенны). В других случаях та же форма слова выступит в других позициях и с другими синтаксическими значениями: [Я] рассчитываю на час [твоего времени], рыцарь на час и др. Однако из этого не следует, что перед нами — разные формы: это одна и та же форма, в разных позициях реализующая разные свои — весьма богатые и сложные — синтаксические потенции, причем некоторыми из этих позиций на форму накладываются те или иные лексико-семантические ограничения, а другими — не накладываются; роль-«ограничивающего фактора» принадлежит тому слову, которое определяет связь, или тому, которое вступает в связь. Позиции с лексико-семантическими ограничениями — та питательная среда, в которой образуются лексико-синтаксические спайки, ведущие к качественным преобразованиям и «переходам» конкретных словоформ в другие лексико-грамматические классы слов (ср. все явления образования наречий из косвенно-падежных форм имени).

¹¹ Наиболее полные критико-библиографические обзоры см. в работах З. Д. Поповой, К. И. Ходовой, Е. В. Чешко, Д. С. Станишевой.

Таким образом, при характеристике синтаксических функций и значений форм в их синхронном состоянии следует, на наш взгляд, идти от самых общих значений, определяемых собственно синтаксической позицией формы, к тем ограничениям, которые в этой позиции накладываются на форму лексической семантикой, и финсировать характер этих ограничений. Особым объектом исследования в дальнейшем должна явиться сама типология таких ограничений и тех качественных преобразований словоформ, которые могут предопределяться лексико-семантической несвободностью их позиций.

11. В соответствии со всем сказанным можно было бы предложить следующий план построения раздела «Синтаксис формы слова» в описательной грамматике современного русского языка:

I. Форма слова как синтаксическая категория.

II. Форма слова в присловной позиции.

III. Форма слова в предложении.

IV. Форма слова в номинативной позиции.

V. Форма слова в связующей функции (в сложном предложении).

VI. Обобщающая характеристика форм слов на основе систем их функций.

VII. Типология значений форм слов.

VIII. Система противопоставлений форм слов по их синтаксическим потенциям.

В пп. II и III материал должен располагаться по формам слов, внутри — по конкретным позициям (соответственно — по общим синтаксическим значениям), далее — по признакам лексико-семантической свободности/несвободности (включая закрытость) и, для лексически несвободных и закрытых позиций, по конкретным значениям группирующихся в определенные блоки словоформ.

В п. IV материал должен располагаться по формам слов, далее — по признакам лексико-семантической свободности/несвободности, внутри — по характеру специфических для номинативной позиции значений.

В этот план пе включены пункты «Форма слова в тексте» и «Форма слова как относительно самостоятельное высказывание», которые должны быть включены в план, ориентированный на исчерпывающую полноту описания синтаксиса формы слова.

г. фогт

индоевропейские языки и сравнительные методы

Проблема родства кавказских языков между собой и их возможных связей с некавказскими языками является старой проблемой, которая не

перестает привлекать внимание многих компаративистов.

Для того чтобы приблизиться к решению этой проблемы, необходимо прежде всего обладать наиболее полными сведениями об изучаемых языках. В этом отношении были достигнуты громадные успехи, начиная с замечательных работ Услара, особенно в последние двадцать лет. Нет ни одного кавказского языка, используемого в наши дни на Кавказе, который был бы полностью неизвестен. Обо всех этих языках, носителями которых являются большие и малые народы, мы располагаем достаточными сведениями, чтобы составить общую картину о структуре их фонемной и морфологической систем. Это особенно бросается в глаза, если сопоставить книгу А. Дирра «Введение в изучение кавказских языков» (1928) с описаниями, содержащимися в томе V серии «Языки народов СССР» (1967). Для многих из этих языков мы располагаем монографиями, содержащими детальное описание их строя, а также тексты и словари. Таким образом, мы находимся в несравненно лучшем положении, чем наши предпоственники 50 лет назад.

Вполне естественно поэтому, что такой журнал, как «Вопросы языкознания», взял на себя инициативу обсуждения основных точек зрения специалистов в отношении этих языков. Ниже будут сформулированы некоторые наблюдения, не претендующие, конечно, на какие-либо окончатель-

ные выволы.

Проблема, обсуждающаяся в журнале, имеет сторону, которая, видимо, не привлекала должного внимания. Авторитет сравнительных методов в лингристике опирается главным образом — и вполне заслуженно — на блестящие результаты, полученные при изучении древних индоевропейских языков. Изучение этих языков позволило нам не только убедительно доказать, что они имеют общее происхождение, но и реконструировать в общих чертах с большой степенью вероятности систему общеиндоевропейского — протоиндоевропейский (ПИЕ). Вопрос, который хотелось бы здесь поставить, следующий: можно ли использовать эти методы с такими же шансами на успех во всех случаях, где есть основание предполагать общее происхождение изучаемых языков? Или: можно ли считать, что указанные методы дали замечательные результаты только потому, что в случае индоевропейских языков существовали особо благоприятные условия исследования, которые вряд ли можно ожидать во всех других случаях?

Имеется много примеров удачного использования этих методов за пределами индоевропейского, например, в области финно-угорских, семитических, дравидийских языков, языков Северной Америки и т. д., хотя результаты не всегда отличаются такой ясностью, как в отношении индо вропейского. Однако есть также факты самых разнообразных языков, которые заставляют нас серьезно рассмотреть вторую возможность.

В индоевропейских языках можно констатировать, что несмотря на все инновации, характеризующие каждый из них, все они сохраняют с давнего времени, часто даже в наши дни, именные и глагольные формы, родство которых настолько очевидно, что предположение об их общем происхождении напрашивается само собой. Даже в тех случаях, когда система того или иного из них претерпела глубокие изменения, они сохраняют архаизмы, «нерегулярные формы», которые позволяют нам восстановить первоначальную систему. Это относится не только к фактам структурного характера, но также к материальной стороне выражения, к фонемной форме корней и к элементам флексий. В отношении морфем, принадлежащих к основным слоям лексики, можно, переходя от языка к языку, установить регулярные фонемные соответствия в количестве, достаточном для исключения всех сомнений в их правомерности. Приведем небольшой известный пример: тот факт, что в древнеармянском мы находим erku «два», erkotasan «двенадцать» и erkic's «два раза» с единственным даже в ПИЕ чередованием гласных $\bar{o}/o/i$ делает очевидной этимологию ($erku < *dw\bar{o}, er\hat{k}o - < *dwo$, erki- < *dwi-), которая с первого взгляда кажется странной.

В индоевропейском имеется много фактов (регулярных и нерегулярных) такого же порядка, которые облегчают задачу компаративиста, например, структура корня, явление апофонии, синкретизм и асимметрия именных парадигм, особое положение основ на -o-, чередование -г/n- в некоторых основах среднего рода, противопоставление первичных и вторичных окончаний в глагольном склонении, существование носовых инфиксов и аугмента и т. д. Именно наличие в хеттском и тохарском языках особенностей такого рода, не оставляет никакого сомнения в индоевропейском характере

этих языков, несмотря на расхождения в их словарном составе.

Восходящая к глубокой древности разбросанность индоевропейских языков, от Атлантики на Западе до Индийского океана на Востоке, также является благоприятным фактором с определенной точки зрения. Замечательные совпадения в религиозном словаре санскрита и латыни можно объяснить лишь их общим происхождением. Гипотеза о возможности заимствований из одного языка в другой представляется абсурдом в связи с большим расстоянием, которое их разделяет. Иное дело, когда речь идет о соседних языках, которые имели оживленные контакты между собой в течение веков или тысяч лет. Здесь различие между унаследованными и заимствованными элементами с трудом поддается определению.

Наконец, единственная в своем роде структура общеиндоевропейского, замечательный архаизм языков, засвидетельствованных в историческую эпоху, и физическая распыленность их, часто ведущие к нарушению непосредственных контактов,— вот особо благоприятные условия, дающие возможность доказать общее происхождение и реконструировать, по крайней мере частично, ПИЕ. Такие условия встречаются не часто.

Вернемся к кавказским языкам. Эти многочисленные языки (в указанном сборнике «Языки народов СССР» перечисляются 36 таких языков) распространены на относительно небольшом ареале. Важно подчеркнуть, что такая языковая раздробленность не является недавней. Древние авторы, особенно Страбон и Плиний, указывают на цифры, превосходящие современное число кавказских языков. Изучение древних источников говорит о том, что раздробленность была еще больше, особенно в западном районе. Если, таким образом, указанные языки признать родственными, т. е. если все они восходят к одному языку-основе или к нескольким таким языкам, то исследователю потребуется заглянуть очень далеко в прошлое, чтобы обнаружить первоначальное единство, возможно во второе или

третье тысячелетие до нашей эры. Для всех этих языков, которые, за исключением грузинского, известны лишь в своей современной форме, компаративисты должны были бы исследовать период существования соответствующих языков, равный четырем или пяти тысячелетиям. Можно себе представить трудности, с которыми нам пришлось бы столкнуться для доказательства общего происхождения языка бенгали и современного ирландского языка, если бы у нас не было древних текстов, представляющих промежуточные стадии развития между ПИЕ и современным состоянием.

Наряду с важностью фактора времени большое значение приобретает фактор пространства: эти разноязычные народы с незапамятных времен кивут бок о бок в тесном симбиозе, включающем регулярные контакты, как мирные, так и военные. Билингвизм (и даже трилингвизм), видимо, всегда был обычным, по крайней мере, для мужского населения. Какими бы ни были родственные исторические связи, подобное положение создает идеальные условия для взаимных языковых интерференций, идеальную почву для распространения инноваций, для заимствований, словом, для конвергенции или параллелизма в развитии этих языков, для создания языкового союза (Sprachbund). Влияние языкового окружения поразительно даже в случае такого сравнительно педавнего «пришельца», как осотинский язык.

Природа лингвистических систем этих языков, как представляется, не благоприятствует исследованию общего происхождения и предположению, что таковое вообще имелось. Не входя в подробности, рассмотрим несколько аспектов именного склонения. Оно фактически не существует в северозападных языках, отличается сравнительной простотой в картвельских языках, еще большей простотой в общекартвельском, очень развито в северо-восточных языках, в нахских и дагестанских языках. Если сравнить именное склонение этих последних с именным склонением древних индоевропейских языков, то разница бросается в глаза. В индоевронейском первоначальная система падежей претерпела значительные изменения во всех языках в процессе их истории, а в большинстве языков подверглась радикальному упрощению. Это, однако, не мещает нам реконструировать в общих чертах первоначальную систему и первоначальную форму большинства окончаний. Подобная задача была бы невозможной для дагестанских языков. Даже в случае очень похожих систем аварского и лакского языков, каждая из которых имеет от 40 до 50 падежей, мы не можем подойти к их общему гипотетическому происхождению. Во всех северовосточных языках падежное окончание -s, может, в зависимости от языка, выражать дательный, эргативный, творительный и отложительный падежи (в картвельских языках — дательный). Можно было бы допустить, что все эти очень сложные системы возникли сравнительно педавно, что они представляют результат большого количества частных инноваций по отношению к очень простой первоначальной системе. Такая гипотеза весьма вероятна, но при отсутствии материальных соответствий ее очень трудно, а может быть, и невозможно доказать. Следовательно, мы имеем дело с более или менее изоморфными системами, выражаемыми различными фонемными средствами. Таким образом, общая или частичная идентичность структуры не означает исторического родства и может отражать конвергенцию систем самого различного происхождения.

Этимологий, охватывающих весь кавказский ареал, немного, и они отличаются от индоевропейских этимологий. Прежде всего они строятся, как правило, на основе сопоставления одного консонаптного элемента, реже на основе двух таких элементов, что, видимо, увеличивает риск чисто случайного сходства; кроме того, фонемные соответствия, вскрываемые при изучении одних из этих этимологий, не всегда покрываются фонемными

соответствиями, вытекающими из других этимологий. Возьмем известный пример: во всех кавказских языках слово, обозначающее «сердце», содержит общий элемент — задний смычный, т. е. в зависимости от языка, постпалатальный или велярный, лабиализованный или палатализованный, глоттализованный или сонорный. Эти соответствия не обнаруживаются в

других из предложенных этимологий.

Мы имеем здесь дело скорее с фонетическими соответствиями, чем с фонемными. Эти трудности возникают даже тогда, когда мы сопоставляем языки внутри более узкого ареала, например, языки Дагестана. Вот что говорит грузинский лингвист Ш. Г. Гаприндашвили: «При изучении фонетических соответствий дагестаноких языков необходимо отметить тот факт, что мы располагаем очень небольшим количеством примеров, в которых соответствия имеют регулярный характер во всей совокупности изучаемых материалов. Более часты случаи, когда для того или иного звука соответствие имеет регулярный характер лишь в части лексики родственных языков, тогда как в другой части лексики таких соответствий не обнаруживается или мы находим там совершенно иные соответствия. Это обстоятельство является причиной спорадического характера значительного числа фонетических соответствий: если такие соответствия обнаруживаются в ряде слов, то мы не находим их в другом ряду родственных слов» 1.

Если положение таково в группе языков, родственность которых несомненна, вполне понятно, что оно не будет более легким в языках, принадлежащих и трем или четырем группам, общее происхождение которых мы понытались бы доказать. Но отказавшись от установления регулярных фонемных соответствий, то мы в то же время откажемся от использования

классических компаративистских методов.

По указанным выше причинам представляется маловероятным, что в результате анализа можно прийти к основному доказательству общего про-исхождения изучаемых языков. Речь идет о протокавказском, который можно было бы датировать третьим тысячелетием до нашей эры. Если исходить из возможности наличия протокавказского, то можно надеяться свести кавказские языки к трем или четырем группам, картвельские языки — к южнокартвельским, абхазско-адыгские— к языкам северо-запада, нахские и дагестанские — к языкам северо-востока. Историческое родство двух последних групп является соблазнительной гипотезой, а предположение о родстве двух первых групп в равной мере естественно.

Представляется, однако, что упорный поиск общего происхождения, увлечения «протоязыками» создают опасность заслонить от нас другие направления исследований, видимо, более плодотворные. Мы рискуем запутаться в массе гипотез, которые нельзя проверить, т. е. рискуем вращаться в сфере абсолютной произвольности. Нужно, несомнечно, продолжить уже начатые работы, посвященные связям языков, родство которых почти очевидно; однако необходимо спросить себя, не пришло ли время самым последовательным образом воспользоваться методами ареальной лингвистики. Создание карт и лингвистических атласов могло бы нам указать на области распространения фонемных, морфологических, синтаксических и лексических признаков.

При изучении этих карт и пучков изоглосс можно надеяться установить наиболее важные центры инноваций и маргинальные ареалы и получить более ясное общее представление о процессах лингвистической интерференции, которые, вероятно, происходят в течение тысячелетий и, очевилно, лежат в основе относительного единства языков, называемых кавказвилно, лежат в основе относительного единства языков, называемых кавказвилно в произветным произвет

III. ▼Г. Гаприндашвили, О нахско-даргинских звукосоответствиях, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», VI, 1954, стр. 282 (на груз. языке).

словари языков Дагестана и других групп языков.

Изучая изоглоссы, которые пересекаются в кавказском ареале, можно было бы обнаружить, что определенное количество среди них выходит за пределы Кавказа и соединяет кавказские языки с соседними некавказскими языками. Как известно, осетинский и некоторые армянские диалекты, распространенные в Грузии, имеют много кавказских черт как в морфологии, так и в синтаксисе ².

Это заставляет сказать несколько слов о южнокавказских языках, а именно картвельских. Среди кавказских языков эти языки запимают особое положение, ибо историю одного из этих языков, грузинского, можно проследить шаг за шагом, от одного века к другому, в течение 1500 лет. До того, как появились первые тексты, грузины имели контакты с цивилизованными народами, носителями таких языков, как греческий, персидский, армянский, не говоря уже об азианических языках типа халдского, курритского, хеттского и т. д. Нет сомнения в том, что древнег рузинский отличается от других кавказских языков целым рядом особых черт, которые в то же время сближают его с соседними индоевропейскими языками — греческим и армянским. Можно указать на оппозицию актива и нассива в глаголе, которая наслаивается на оппозицию непереходности — переходности, характерную для кавказских языков; можно указать на поразительное отсутствие эргативной конструкции в настоящем времени, на оппозицию изъявительного — сослагательного наклонений, практически идентичную оппозиции, существовавшей в классическом арминском (в обоих языках сослагательное наклонение использовалось для выражения будущего); можно указать на различение в 3-м лице глагольных окончаний настоящих и прошедших времен (-s, мн. число -en в настоящем времени и в сослагательном наклонении, -а, мн. число -ез в прошедших временах) — это различие напоминает оппозицию первичных и вторичных окончаний в индоевропейском; в области имени можно указать на существование целой системы относительных местоимений и на оппозицию главных и придаточных предложений.

По отношению к общекартвельскому эти черты могут быть вторичными, обусловленными влиянием соседних индоевропейских языков, особенно греческого. Имеются другие более глубокие структурные сходства, которые, очевидно, восходят к общекартвельскому. Эти сходства были освещены в работе «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» (Тбилиси, 1965) Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани 3. Указанная работа возбудила значительный интерес за пределами узкого круга кавказоведов. Следует подчеркнуть, что большая часть книги (стр. 1—365) посвящена общекартвельскому и тем инновациям, которые характеризуют более поздние диалекты — сванский, мингрело-лазский и грузинский. Паблюдения и выводы авторов представляют собой огромный шат вперед для понимания диахронического развития картвельских языков. Типологические сопоставления с индоевропейским даются лишь в виде приложения к книге

³ Я выразил принципиальное согласие с тезисами авторов в своей рецензии в журнале «Вопросы языкознания» (1966, 6), где также сформулировал несколько частных

критических замечаний.

² Cm.: H. V o g t, Substrat et convergence dans l'évolution linguistique. Remarques sur l'évolution et la structure de l'arménien, du géorgien de l'ossète et de turc, «Studia Septentrionalis», II, Oslo, 1945. Шведский лингвист Н. Холмер задалея целью установить такой тип языкового единства, который охватывал бы кавилаемие ялыки, баскский и шумерский (см.: N. H o l m e r, Ibero-Caucasian as a linguistic type, сб. «Studia linguistica», I, 1, Lund, 1947).

и занимают всего несколько страниц (стр. 365—378). Авторы считают, что класс сонантов, который они установили пля общекартвельского, и структура комплекса «корень — суффикс» поразительным образом напоминают индоевропейские факты, которые были интерпретированы Э. Бенвенистом в его известной работе «Origines de la formation des noms en indoeuropéen» (Paris, 1935). Параллелизм поразителен, и большая заслуга авторов состоит в том, что они так наглядно показали этот «изоморфизм». Какое значение следует придавать этому изоморфизму? Думается, не следует преувеличивать его важность. То, что сонанты имеют вокалические и консонантные формы в языке, характеризующемся аффиксами и подвижным ударением, объясняется прежде всего физической природой этих звуков. Параллелизм с индоевропейским здесь не является столь разительным, как это можно было бы предполагать. В нашей рецензии на эту работу обращается внимание на различия с индоевропейским, которые никак нельзя игнорировать (видимое отсутствие в картвельских языках или, во всяком случае, редкость чередований i/ei/oi, u/ew/ow, столь характерных для $\Pi M E$). Вокалические чередования типа dér-k/dr-ék-/dr-k-, представляющие собой архаизм, играют определенную роль только в глагольной системе (в системе имени они неизвестны), причем эти чередования встречаются в очень ограниченном числе глаголов 4. Что же касается роли этих чередований в самом ПИЕ, то выражалось сомнение в их общем характере. Представляется, что они покрывают лишь небольшую часть индоевропейского словаря, как это убедительно доказывает Р. Анттила в своей недавней работе ⁵.

Если учесть, что этот изоморфизм общекартвельского сочетается с наличием значительного слоя лексических заимствований из картвельского в один или несколько индоевропейских языков, можно сделать вывод о длительных и тесных контактах этих языков, происходивших в очень древнюю эпоху, предшествовавшую контактам с иранскими языками. Показательно, что археолог Г. А. Меликишвили допускает наличие таких контактов, относимых им к концу третьего и началу второго тысячелетия до нашей эры ⁶. То, что такое древнее индоевропейское влияние должно было быть достаточно сильным, кажется весьма вероятным, независимо от того, идут ли исследователи настолько далеко, что говорят о Sprachbund, или не делают этого. Такое влияние могло бы объяснить несколько периферийное положение картвельского среди других кавказских языков. С другой стороны, число изоглосс, которые связывают картвельские с другими кавказскими языками, редственными или неродственными, вероятно, больше, чем число изоглосс, образующих этот Sprachbund.

Перевел с французского М. М. Маковский

⁴ Большинство этих глаголов указано в ст.: H. V o g t, Les suffixes verbaux du géorgien Ancient, NTS, XIV, 1947.

^{*} R. Anttila, Proto-Indo-European Schwebeablaut, «University of California Publications», 58, 1969.

⁶ Г. А. Меликишвили, Квопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965.

Е. А. БРЫЗГУНОВА

О СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ

Смыслоразличительные возможности русской интонации определяются способностью лексико-грамматического состава предложения ¹ использоваться в коммуникации с разными значениями: Сегодня холодно. Сегодня холодно? Какой у нее голос? Какой у нее голос! и т. п. Возникающие различия создаются в результате взаимодействия лексико-грамматического состава предложения и интонации. В приведенных примерах взаимодействие выражается в наложении различных типов интонационных конструкций на один и тот же лексико-грамматический состав. В других случаях активным членом взаимодействия может быть лексический или грамматический компонент предложения.

Лексико-грамматические составы, которые потенциально допускают более одного способа использования в коммуникации с разными значениями, можно определить как коммуникативно многозначные. Им противостоят однозначные лексико-грамматические составы с одним способом использования их в коммуникации, ср.: Вы были когда-нибуды на Волге?

Какой он тебе Коля! и т. д.

Многозначность возникает в результате нейтрализации различительных признаков лексико-грамматического состава, относящих предложение к вопросительным, повествовательным, оценочным и т. д. Одновначность возникает в результате противоположно направленного процесса ограничения многозначности. Так, различительным признаком оценочного предложения Какой у нее замечательный голос! является слово замечательный. Без этого лексического показателя опеночности лексико-грамматический состав становится многозначным и в употреблении конкретизируется средствами интонации:

Какой и нее голос. (ИК-1, повествовательное предложение).

Какой у нее голос? (ИК-2, нейтральный вопрос).

Какой у нее голос? (ИК-3, повторение вопроса при ответе).

Какой у нее голос? (ИК-4а, вопрос-припоминание).

Какой у нее голос! (ИК-4а, оценочное предложение: легкое восхищение). Какой у нее голос! (ИК-5, оденочное предложение: глубокое воскищениз или возмущение).

Какой у нее голос! (И-5а, оценочное предложение: негативная, пренебрежительная оценка 2).

1 В понятие лексико-грамматического состава предложения включается и порядок

Вопрос о смыслоразличительных возможностях интонации выдвигает на первый план функциональный, а не фонетический аспект проблемы. Фонетический аспект ограничен положением о том, что в русском языке можно выделить пять основных типов интонационных конструкций, которые наиболее ярко проявляются в предложениях типа: Он звонил вчера. (ИК-1); Какой сегодня день? (ИК-2); Он звонил вчера? Ваш билет?

Лексико-грамматические составы с местоименными и наречными словами способны выражать наибольшее количество значений, что объясняется не только возможностью нейтрализации различительных признаков, но и многозначностью самих этих слов.

Различительные признаки лексико-грамматического состава могут иметь лексическую, морфологическую и синтаксическую природу. Так, однозначность вопросительного предложения Вы были когда-нибудь на Волгесоздается сочетанием когда-нибудь и глагола в форме прошедшего времени были. Выведение из лексико-грамматического состава когда-нибудь превращает его в многозначный: Вы были на Волге, Вы были на Волге? Точно так же сочетание когда-нибудь с глаголом в форме будущего времени создает многозначный лексико-грамматический состав: Когда-нибудь вы приедете к нам. З Однозначный состав: Какое там ресторан! при выраженности согласования: Какой там ресторан! становится многозначным. В свою очередь изменение порядка слов: Там какой ресторан? ориентирует этот лексико-грамматический состав на вопросительность.

Различительные признаки могут относиться ко всему лексико-грамматическому составу и отдельным его компонентам. Так, в предложениях: Когда-нибудь вы приедете к нам? передвижение центра ИК-1 и ИК-3 выразит различное осмысление их компонентов: ремы в повествовательном и предиката вопроса в вопросительном. Однако и здесь введение союза и ограничит возможности выделения различных компонентов: Когда-нибудь и вы приедете к нам.? Когда-нибудь вы приедете и к нам.?

Уже приведенные примеры показывают, что в условиях многозначности интонация является основным различительным признаком, а в условиях однозначности — фонетическим, сопроводительным. При этом однозначные лексико-грамматические составы, как и многозначные, могут взаимодействовать с несколькими интонационными конструкциями, но результат этого взаимодействия будет качественно иным: обычно при этом возникают оттенки эмоциональных различий. Так, в предложении: Какое там спокойно! ИК-2 выразит наиболее нейтральное возражение, ИК-5а — пренебрежение, ИК-5— наиболее резкое возражение. В предложении: Вы были когда-

(имеется в виду: или не ваш?) — (ИК-3); А Наташа? Ваш билет? (вопрос контролера в автобусе) — (ИК-4); Какой сегодня дены (ИК-5). Типы интовационных конструкций выделены на основе двух признаков — фонетического и семантического. Каждый тип ИК обладает характерным звучанием и способен различать коммуникативное значение предложений с многозначным лексико-грамматическим составом. При этом возникающие смысловые различия нельзя подставить одно вместо другого.

Каждый тип ИК может быть представлен в четырех фонетических позициях, различающихся количеством составных частей: предударной — ударной — заударной, ударной, траударной, ударной, образа в кимо? Вы были в кимо? Вы? (ИК-3) (место центра, различающее смысл, обозначается в статье буквой полужирного шрифта, синтагматическое членение — к осой чертой).

Из различных компонентов интонационной конструкции (тона, длительности, интенсивности, тембра) в нейтральной интонации, передающей смысловые различия, ве-

дующую роль играет изменение тона.

Кроме основных типов ИК, в статье упоминаются фонетические варианты: ИК-4а, в котором ровное повышение тона начинается уже на ударной части, и ИК-5а, в котором отмечается попижение тона сразу после ударной части. ИК-4а наиболее ярко проявляется в оценочных предложениях, относящихся к житейскому обиходу: Какие туфли в купила! предложениях с эмоциональным перечислением (не восклицанием!): Цветвы, /поздравления/, объяпила, /иль бки/—еотосноеное содержание этого есчера. ИК-5а наиболее ярко проявляется в предложениях с пренебрежительной оценкой: Какой он врач! (имеется в виду: плохой специалист). Подробнее см.: Е. А. Б р ы з г у н о в а, Звуки и ингонация русской речи, М., 1969.

⁸ Здесь и дальше знаки препинания, стоящие рядом (Например: .?.?!), сигнализируют конкретизацию лексико-грамматического состава как повествовательного, вофосительного или оценочного предложений.

нибудь на Волге?, кроме ИК-3 с центром на были, возможно также ИК-2 с центром на Волге, возможна фонетически сложная интонационная конструкция с двумя центрами: слабым центром ИК-3 на были и основным центром ИК-2 на Волге; наконец, возможно употребление ИК-5, которое придаст пафос звучанию. Однако эти типы ИК липь варыруют звучание

предложения и не снимают вопросительности.

Нейтрализация различных признаков характерна для коротких предложений, функционирующих в диалогической речи и в разговорном монологе. В распространенных же повествовательных предложениях (простых и сложных) преобладает ограничение многозначности. Так, ограничение многозначности проявляется в насыщении лексико-грамматического состава развернутыми характеристиками действий, явлений, свойств предметов и т. п.: Очень плодомеорной была эта многоленняя дружба двух замечательных русских живописцев. Использование подобных лексико-грамматических составов в качестве вопроса обычно происходит в более согращенном виде: Плодотворной была эта дружба? Дальнейшее расширение лексико-грамматического состава будет уменьшать возможности функционирования его как вопроса: Очень плодотворной была эта дружба двух замечательных русских живописцев?

Ограничение многозначности проявляется также в объединении в одно целое нескольких лексико-грамматических составов, каждый из которых может быть многозначным: Долг — это то, что человек должен делать, к чему его обязывает общественная мораль или собственное сознание. (Л. Леонов, Дорога на океан). Многозначный лексико-грамматический состав: Долг — это то, что человек должен делать.? может конкретизироваться с помощью ИК-1 и ИК-3 и передвижением центров этих интопационных конструкций. Лексико-грамматический состав: К чему его обязывает общественная мораль в конкретном употреблении может иметь до 5-6 коммуникативных значений. Кроме того, с помощью передвижения интопационных центров возможно различное выделение компонентов предложений. Подобные возможности лексико-грамматических составов обнаруживают структурную основу для активного проявления смыслоразличительной

роли интонации.

В русском языке можно выделить по крайней мере пять видов многозначности лексико-грамматического состава, различающихся особенностями взаимодействия с интонацией и результатами этого взаимодействия. Конкретизируется состав в целом как вопросительное, повествовательное или оценочное предложение, конкретизируются отдельные компоненты предложения, части сложного предложения, семантико-синтаксические связи слова на границе синтагматического членения, служебное или собственно лексическое значение слова в предложении. При этом возникают неоднородные и неравноценные с точки зрения смысла различия: смысловые и эмоциональные. Так, в смысловом противопоставлении Какой у нее голос? (ИК-2) — Какой у нее голос! (ИК-4a, ИК-5, ИК-5a) избыточность интонации используется для выражения эмоциональных различий оценочного предложения: легкая оценка ИК-4а, серьезная оценка ИК-5, негативная оценка ИК-5а. Аналогично ИК-3 и ИК-4 в пределах вопросительного предложения различают два вида вопроса: Ваш билет? (ИК-3); Ваш билет? (ИК-4). Эти же интонационные конструкции в неконечных синтагмах повествовательного предложения выражают незавершенность, а между собой различаются как средства интонации разговорной (ИК-3) и официальной, дикторской (ИК-4) речи. Неравноценные смысловые различия возникают при передвижении центра ИК-3 в вопросительном предложении и в неконечной синтагме повествовательного: —Вас об этом просили? — Меня. Вас об этом просили? — Об этом. Если вас об этом просили, /идите. Если вас об этом просили, /идите. Передвижение центра в вопросе влияет на ответ, возникающие смысловые различия нельзя подставить одно вместо другого. В повествовательном же предложении передвижение интонационного центра создает смысловые различия, из которых одно можно подставить вместо другого без существенного нарушения понимания контекста. Подобная неоднородность и неравномерность присуща смысловым и эмоциональным различиям, возникающим в результате взаимодействия интонации и лексико-грамматического состава предложения 4. Переходим к анализу различных видов многозначности.

I. Многозначность лексико-грамматического состава, проявляющаяся в возможности использования его как повествовательного, оценочного предложения. Многозначность конкретизируется в результате взаимодействия одного и того же лексико-грамматического состава с разными типами ИК. Здесь характерны следующие противопоставления:

1. Сообщение — вопрос: Это дом.? (ИК-1, ИК-3); Он приедет осенью (ИК-3) / или зимой.? (ИК-1, ИК-2); Ему журналы за октябрь, ноябрь и декабрь.? (ИК-1, ИК-3); Он идет в театр.? На «Евгения Онегина».? (ИК-1,

ИК-3).

2. Вопрос с вопросительным словом—переспрос: —Я скоро ухожу.—

Когда? (ИК-2) — Через два часа. — Когда? (ИК-3, реже ИК-4).

3. Вопрос—повторение вопроса при ответе: — Когда он вернется? (ИК-2) — Когда он вернется? (ИК-3) Думаю, месяца через два.; — Вы идете? — Иду. — А Наташа? (ИК-4) — А Наташа? (ИК-3) Она остается дома. При повторении вопроса, в котором нет вопросительного слова: — Он знает о телеграмме? (ИК-3) — Знает ли он о телеграмме? (ИК-3) Кажется, еще нет., — в качестве различительного признака используются лексико-синтаксические средства: частица ли, порядок слов.

4. Вопрос — вопрос с оттенком требования: Ваш билет? (ИК-3) — Ваш билет? (ИК-4). Вопросы с оттенком требования употребляются в «ситуации анкеты», например, при записи к врачу: Ваше имя? Фамилия? Возраст? (ИК-4). Употребление ИК-3 в подобных предложениях возмож-

но лишь при повторении вопроса отвечающим.

5. Сообщение-название — вопрос: Какая будет погода.? (ИК-1, ИК-2).

Mn-2).

- 6. Сообщение-название оценочное предложение: Как важно быть серьезным. (ИК-1, название пьесы). Как важно быть серьезным! (ИК-4а, ИК-5).
- 7. Вопрос оценочное предложение: Какой у нее голос?!(ИК-2 выражает вопрос, ИК-4а, ИК-5, ИК-5а виды оценок).

8. Нейтральный вопрос — эмоциональный вопрос:

- 1) Нейтральный вопрос вопрос с досадой. Зачем ты это сказал?! (ИК-2, ИК-5).
- 2) Нейтральный вопрос вопрос с сожалением: Зачем ты это сказал? (ИК-2, ИК-4а).

В статье рассматриваются эмоциональные различия, противопоставленные смысловым средствами основных типов ИК и их вариантами, например, виды оценок, нейтральный вопрос — вопрос с сожалением и др. Такие противопоставления характерны для речи, в которой преобладает смысловое содержание.

С другой стороны, при увеличении эмоционального содержания (радость, разочарование, испуг, нетерпение и другие чувства) становится более характерным выражение эмоциональных различий, вериее, эмоциональной окрасии речи средствами фонетических изменений различных компонентов ИК: тона, длительности, интенсивности, тембра. Здесь важно учитывать степень выраженности каждого из компонентов, возможность их различных комбинаций. Анализ такого рода изменений ИК остается за пределами статьи. См. об этом подробнее: Е.А. Брызгунова, указ. соч., стр. 229—334.

3) Нейтральный вопрос — вопрос-припоминание: Какой у него номер? (ИК-2, ИК-4а).

9. Нейтральный ответ — эмоциональный ответ (например, с вызовом): — Читали эту книгу?—Конечно, читала. (ИК-1, ИК-4); —Купила пальто?

— Купила. (ИК-1, ИК-4).

Список противопоставлений остается открытым. Возможна, например, дальнейшая детализация нейтральных и эмоциональных сообщений: А мы сегодня в зоопарке были. (ИК-1); А мы сегодня в зоопарке были! (ИК-4. ИК-4a) и т. п. ⁵.

II. Многозначность лексико-грамматического состава, проявляющаяся в возможности выделения различных компонентов вопросительного и повествовательного предложений. Такая возможность возникает при наличии в предложении нескольких слов, допускающих противопоставление, и при отсутствии лексико-синтаксических ограничителей выбора. Многозначность конкретизируется в результате передвижения интонационного центра на выделяемое слово. При этом в зависимости от лексико-грамматического состава и типа ИК различаются три вида семантики противопоставления: 1) семантика противопоставления «да или нет» существенна для ИК-3 в вопросительном предложении: Вы приедете к нам? 2) семантика противопоставления «именно это» или «это, а не то» существенна для ИК-2 в вопросительном предложении с вопросительным словом и в односинтагменном повествовательном: Когда вы приедете к нам? Вы приедете к нам! 3) семантика сопоставления «это одно, а это другое» существенна для ИК-3 или ИК-4 в неконечной семантически незавершенной синтагме повествовательного предложения: Если вы приедете к нам, / я буду рад.

 Утверждение «Грамматики» на стр. 545: «... любое повествовательное предложение может стать вопросительным, если оно будет произноситься с соотистствующей (вопросительной) интонацией...» - справедливо лишь по отношению к предложениям с многозначным лексико-грамматическим составом. Процесс превращения не односто-

ронний, а взаимообратимый. 2. Из приводимых «Грамматикой» на стр. 571—572 специальных структурных схем вопросительных предложений лишь часть предназначена для вопроса, папример: Куда поставить чемодан? От кого? Какую? Многие из приведенных схем относятся не только к вопросительным предложениям, например: Кто примел?! (ИК-2, ИК-4а); Сколько народу собралось?! (ИК-2, ИК-5, ИК-4а); Как отеу?. (ИК-2, ИК-1); Как гдоровье?. (ИК-2, ИК-1). Примеры в контексте: Буду инженером. Как отсу.; Как гдо-ровье. Поправлюсь — поеду.

3. Согласно утверждению «Грамматики» на стр. 545, «как невопросительные, так и вопросительные предложения средствами дополнительных интонационных изменений могут стать восклицательными: этим достигается экспрессивность высказывания». Действительно, в повествовательных предложениях, а также в вопросительных с однозначным лексико-грамматическим составом: Автобус идет! Куда поставить чемодан? интонация может придать экспрессивность высказыванию. Употребление ИК-5 в вопросительном предложении не снимает вопроса. В многозначном же составе ИК-4а или ИК-5 снимают вопрос, предложение выражает позитивную информацию: Сколько

народу собралосы! т. е. много народу собралось.

Возможности структурной схемы, построенной на грамматической основе, видимо, будут неодинаковы в разных языках в зависимости от соотношения однозначности многозначности лексико-грамматического состава предложения. В русском 7языке структурные схемы простых предложений оказываются работоспособными в условиях однозначности лексико-грамматического состава, но неспособны отразить равличие таких типичных для русского языка предложений, как: Вы были на Волге. ? Вы были когда-нибудь на Волге? Он приедет осенью или нет? Он приедет осенью или зимой.? Какой у нее голос.?! и др. В сложных предложениях, где однозначность распространена больше, чем в простых, работоспособность структурных схем должна возрасти.

Б Первый вид многозначности необходимо учитывать при разработке структурных схем предложения. С этой точки эрения отдельные положения «Грамматики современного русского литературного языка» (М., 1970), касающиеся связи питонации и структурной схемы простых невопросительных вопросительных предложений, вызывают сомнения. Вот основные из них:

Противопоставление возникает из постоянного смыслового ряда, который имеет то или иное слово, например, n-m = 0 n, κ нам — κ еам — κ ним или из контекста. Противопоставления, создаваемые контекстом, более разнообразны. Так, Л. С. Выготский, заключая свои рассуждения о связи мысли и слова, пишет: «"Вначале было слово"— на эти евангельские слова Гете ответил словами Фауста: "Вначале было дело". С точки зрения истории развития: "Вначале было дело". Слово образует скорее конец, чем начало развития. Слово есть конец, который венчает дело» ⁶.

В результате передвижения интонационного центра на какое-либо слово возникают следующие противопоставления:

1. Выделение различных предикатов вопроса в предложении без вопросительного слова: Вы были у врача? (ИК-3). В подобных предложениях передвижение интонационного центра — основной способ выделения предиката вопроса. Кроме интонации, показателями предиката вопроса могут быть единичные лексико-синтаксические средства, например, порядок слов, ср.: Этот автобус идет в парк? Идет этот автобус в парк?; слова что, как в предложении с двумя возможными предикатами вопроса, ср.: Он приедет? Он что, /приедет? Он как, / приедет? При этом предложение обязательно становится двусинтагменным, ср.: Вы смеетесь? Вы что смеетесь? Вы что, / смеетесь?; показателем предиката вопроса может быть частица -то: ср.: Вы идете? Вы-то/ идете?

Выделение различных предикатов вопроса отражается в ответе; это те смысловые различия, из которых одно нельзя подставить вместо другого без

нарушения понимания диалогического единства.

2. Различное выделение уточнений предиката, выраженного вопросительным словом: $Koz\partial a$ вы приедете к нам.? Уточнения предиката вопроса не влияют на основное содержание ответа, хотя они и могут быть отражены отвечающим: A? $Koz\partial a$ я приеду? (ИК-3) Hedeau через дее.; K вам? $Koz\partial a$ я K вам приеду? (ИК-3) Hedeau через дее.

3. Различное выделение нового (ремы) в простом повествовательном предложении. Противопоставление двух осмыслений нового можно наблюдать в небольшом отревке речи одного и того же говорящего. Вот отрывок из радиопередачи:Какого вы мнения о моей игре? И профессор ответик: — У вас высокая техника, но ваша игра говорит: Я играю Шопена! (ИК-2). Своих студентов я учу другому: Я играю Шопена! (ИК-2). Здесь противопоставление поддерживается смысловым рядом личных местоимений, собственных имен и контекстом.

Новое в сообщении может также выделяться с помощью ИК-1: Я играю Шопена. Я играю Шопена. Сибирь я знаю хорошо. Сибирь я знаю хорошо. Однако ИК-1 обычно констатирует, указывает новое, но не противопоставляет.

4. Выделение различных компонентов в составе данного (темы) в простом повествовательном предложении. Это возможно при интонационном отчленении состава данного от состава нового. Так, в предложении: Глаеной чертой его характера / была аккуратность. центр ИК-3, ИК-4, ИК-4а—другими словами, центр интонационной незавершенности на слове характера выделяет состав данного как единое целое. Передвижение центра на глаеной или его выразит еще более тонкую градуировку смысловых отношений в составе данного.

Приведенный материал в некоторой степени раскрывает специфику участия интонации в актуальном членении: она способна показывать гра-

⁶ Л. С. Выготский, Избранные психологические исследования, М., 1956, Глава VII (в тексте сохранены смысловые выделения слов, обозначенные автором).

ницу составов данного - нового и производить градуировку смысловых отношений в этих составах.

5. Выделение первой или второй пары членов сопоставления в повествовательном предложении. Так, в предложении: Мой младший брат учится в институте,/ а старший уже работает. отсутствие членения после брат сигнализирует выделение второй пары членов сопоставления: учится в институте — работает; наличие членения после брат: Мой младший брат /учится в институте, / а старший уже работает. сигнализирует выделение первой пары членов сопоставления младший брат — старший. На выбор членов сопоставления влияет ударность или безударность брат, что влечет за собой изменение синтагматического членения.

Список противопоставлений остается открытым 7. Возможно более подробное описание типов предложений, допускающих различное выделение компонентов, например, Закройте окно! Закройте окно! и т. д.

Необходимо отметить, что для русского языка характерно сочетание в одном лексико-грамматическом составе двух видов многозначности: Он был в кино.? Так, в приведенном примере с помощью ИК-1 и ИК-3 конкретизируется повествовательное и вопросительное предложение, с помощью передвижения центра ИК-1 конкретизируется новое, а с помощью центра ИК-3 — предикат вопроса. В конкретных случаях можно говорить о многозначности по отношению к вопросу—сообщению и однозначности по отношению к компонентам: Когда-нибудь и вы приедете к нам.?; о многозначности по отношению к компонентам и однозначности по отношению ко всему составу: Закройте окно! Закройте окно! и т. д.

 Многозначность лексико-грамматического состава предложения, проявляющаяся в особенностях функционирования его в качестве простого и части сложного. С точки зрения взаимодействия интонации и лексикограмматического состава особенностями функционирования обладают предложения со словами mam, mak, $my\partial a$ и т. п. и предложения информативно достаточные, т. е. относительно независимые от контекста. Вот при-

меры типичных противопоставлений:

1. Простое предложение со словами mam, mak, $my\partial a$ и др. — часть сложного предложения с соотносительными словами там, так, туда. В простом предложении эти слова обладают двумя смысловыми связями, направленными на предшествующий или последующий контекст. В первом случае слова $mam, mak, my\partial a$ находятся в составе заударной части ИК-1 или ИК-2, во втором случае перетягивают на себя интонационный центр: Я знаю эти места. Я живу там. Я живу там,/за лесом. В простом предложении эти слова соотносятся с контекстом, в сложном — с союзным словом: Я живу там, / где раньше был пустырь. Связь становится однонаправленной, семантико-синтаксической, при членении сложного предложения главная часть является семантически незавершенной синтагмой. Аналогично: Он поехал туда. Он поехал туда,/ направо. Он поехал туда,/ где работает его брат.

Такое понимание актуального членения не противоречит определению, которое дает ему В. Матезиус: «... актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст ...» («О так называемом актуальном членении», сб. «Праж-

ский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 239).

⁷ Нетрудно заметить, что некоторые смысловые противопоставления, возникающие в результате конкретизации второго и третьего вида многозначности, к явлениям актуального членения предложения. Актуальное членение входит в ряд явлений, определяемых различными коммуникативными возможностями лексико-грамматического состава предложения. Разграничение актуального и синтаксического членения, возможности их несовпадения основаны на способности лексико-грамматического состава предложения использоваться в коммуникации с различным осмыслением его отдельных компонентов и частей.

2. Главная часть сложного предложения как новое — главная часть сложного предложения как данное. Реализация подобных противопоставлений возможна при информативной достаточности главной части, которая при трансформации в простое предложение окажется относительно независимой от контекста: В новом здании будет библиотека. (ИК-1). В новом здании будет библиотека. (ИК-1). В которой разместится до десяти тысячкиг. Ср. примеры с информативной недостаточностью главной части: До конца работы оставалось десять дисй. Самых трудных,/ так как все очень устали. Для достижения информативной достаточности главной части потребовалось бы ее преобразование: Последние десять дней работы были самыми трудными,/так как все очень устали.

Употребление интонации завершенности (ИК-1) выразит осмысление главной части как самостоятельного нового, новое сообщается и в главной, и в придаточной части. Употребление же интонации незавершенности (ИК-3, ИК-4, ИК-4а) выразит изменение актуального членения: главная часть осознается как состав данного, новое содержится в придаточной части: В новом здании будет библиотека, (ИК-3)/ в которой разместится до десяти тысяч книг. Последние десять дней работы были самыми трудными, (ИК-3)/ так как все очень устали. Невозможность передвижения интонационного центра незавершенности в неконечную позицию свидетельствует об отсутствии дальнейшей градуировки смысловых отношений в составе данного. При осмыслении же главной части как нового внутри нее возможно выделение состава данного: В новом здании (ИК-3)/ будет библиотека, (ИК-1)/ в которой разместится до десяти тысяч книг.

Те отношения, которые устанавливаются интонацией незавершенности, могут быть выражены и лексико-синтаксическими средствами, например, соотносительными словами и расчленением союза. В новом здании будет такая библиотека, (ИК-3)/ в которой разместится до десяти тысяч книг. Последние десять дней работы были самыми трудными потому, (ИК-3)/ что все очень устали. Употребление ИК-3 или ЙК-4 в подобных случаях обусловлено семантико-синтаксической незавершенностью синтагмы и является сопроводительным признаком. В некоторых сложно-подчиненных предложениях, например, с союзами так как, чтобы, возможности синтаксических средств преобразования шире, чем интонационных. Так, перестановка частей выразит противоположное соотношение данного и нового: новое переместится в главную часть: Так как все очень устали,/ последние десять дней работы были самыми трудными. Чтобы к осени закончить диссертацию, он собирался заниматься все лето. Подобная перестановка возможна при условии информативного равновесия обеих частей, что может выражаться в относительно равном количестве понятий.

3. Два самостоятельных простых предложения — две части бессоюзного сложного. Так, в предложениях: Я жила там два года. Все меня знают. интонация завершенности выразит констатацию двух фактов, а интонация незавершенности передаст осмысление причинно-следственной связи между первой и второй частью единого целого. В однозначном лексикограмматическом составе такая связь может быть выражена с помощью союзов: Так как я жила там два года, все меня знают. Я жила там два года и поэтому все меня знают.

 $^{^8}$ В речи дикторов радио иногда можно услышать: В Москве (ИК-3)/пятнадцать часов. В эфире (ИК-3)/ «Маяк». Сиптаксическое строение этих стоящих рядом предложений создает нежелательную возможность сомысления их как едимого целого, как предложения с сопоставлением. Ср. более удачное выражение этого содержания в других синтаксических конструкциях: Московское время/ пятнадцать часов. В эфире «Маяк».

⁴ Вопросы языкознания, № 4

Список противопоставлений остается открытым. Возможна дальнейшая детализация функционирования простых предложений в составе сложного, например, Если бы я знал об этом раньше! Если бы я знал об этом раньше, / я бы приехал. В данных предложениях конкретизируется если бы как желательность и если бы как условие.

IV. Многозначность лексико-грамматического состава, проявляющаяся в возможности использования различных семантико-синтаксических связей слов на границе членения. В результате конкретизации связей слова возникают два разных лексико-грамматических состава. Основным средством конкретизации является синтагматическое членение. Основные противопоставления:

1. Связи слова перед границей членения — связи слова после границы членения: Оля, чувствовала мать, / не зря вызвала ее. Оля чувствовала: / жать не зря вызвала ее. Возможности подобных противопоставлений в русском

языке ограничены флективностью.

2. Лексико-грамматические составы со словами что, как, какой, где, когда как одно целое и как два вопросительных предложения: Какой он высокий! Какой он? Высокий? Для предложений с какой, где, когда такие преобразования возможны, если в исходном лексико-грамматическом составе имеются слова, которые обладают семантикой противопоставления «да или нет» и грамматически могут соотноситься с вопросительными словами, например, какой — еысокий, где — здесь, когда — еечером. Какой у нее голос приятный! (ИК-3, ИК-4а) — Какой у нее голос?(ИК-2) Приятный? (ИК-3); Где здесь можно поставить чемодан? (ИК-2) — Где? (ИК-2) Здесь можно поставить чемодан? (ИК-3); Когда вечером будете дома? (ИК-2) — Когда? (ИК-2) Вечером будете дома? (ИК-3). Выведение из исходного лексикограмматического состава слов приятно, здесь, вечером снимает возможность подобных преобразований. Данное проявление многозначности не связано с флективностью.

В предложениях со словами как, что аналогичные преобразования распространены значительно шире. Слова как и что при вычленении по своим функциям приближаются к частицам: Как вы достали билеты?; Как далеко они живут!—Как? Далеко они живут?; Что она сказала вам? — Что? Она сказала вам? 9.

Таким образом, при конкретизации семантико-синтаксических связей слов возникают разные лексико-грамматические составы. Степень разли-

чия этих составов неодинакова.

Список противопоставлений остается открытым. Однако дальнейшая детализация возможна за счет описания единичных противопоставлений, например, агрибутивных и предикативных связей слов: Грош цена. Грош — /цена. (название фельетона в газете). Обычно в русском языке функционирует какой-либо один член подобного противопоставления. В индивидуальном произношении возможно сближение вопросительного и повествовательного предложений: В июле он уезжает? (ИК-3); В июле (ИК-3) / он уезжает. (ИК-1).

V. Многозначность лексико-грамматического состава, проявляющаяся в возможности реализации лексического или служебного значения некоторых слов. Такого вида многозначность мало распространена в русском языке, поэтому возникающие различия можно дать словарным списком.

⁹ Такого рода преобразования можно наблюдать в новогодней шутке Л. Утесова в его диалоге с сердцек: «— Сердце? — Чего тебе? — Тебе не хочется покоя? — Да нет вроде. — Сердце? — Ну чего еще? — Как? Хорошо на свете жить? — Вполне. — Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить (Изв. 1 I 71).

1. Результативное u — сопоставительное u: Никто не открыва. И она ушла. (ИК-1); Все ушли. И она ушла. (ИК-1).

2. Это как обобщающее слово — это как определение: Мы в темном уголке,/ и кажется, что в этом? (ИК-2); Мы в темном уголке,/ и кажется, что в этом (ИК-1) 10 .

3. Просто как наречие — просто как частица: А ларчик просто откры-

вался. (ЙК-1); А ларчик просто открывался (ИК-1).

4. Одна в значении только — одна в значении одна из 11: Среди однообразных букв на листе бумаги/ одна клякса умеет сохранить свою индивидуальность: (ИК-2)/ она никому не подражает, / у нее свое лицо/, и прочитать ее не так-то просто. (Ф. Кривин). В этом предложении выделение
одна клякса в самостоятельную синтаку с ИК-3 сигнализировало бы другое значение: одна из, какая-то. С другой стороны, перенос центра ИК-3
на одна создало бы значение одна — другая, что для данного контекста
неприемлемо.

5. Шутка, шутишь в прямом лексическом значении—шутка, шутишь в противоположном значении серьевно: Шутишь, (ИК-1)/ он уже вернулся, / все в порядке; Шутишь, (ИК-2)/ он уже вернулся, , что будет, когда увилет. и т. п. Двузначность слов шутка, шутишь может конкретизироваться с помощью частиць ли: Шутка ли, он уже вернулся. В таком употреблении эти слова входят в один ряд со случаями типа: Долго ли до беды? Много ли

ребенку надо? и т. п.

Список противопоставлений остается открытым. Возможно продолжение

его за счет введения новых слов.

Итак, смыслоразличительные возможности интонации наиболее ярко проявляются в условиях многовначности лексико-грамматического состава предложения. Природа смыслоразличительности интонации иная, чем у фонем. Не касаясь спорного понятия интонемы, которое требует специального обсуждения с привлечением фонетического аспекта интонации, покажем отдельные линии возможных аналогий. И фонемы, и интонация (тип ИК в целом, передвижение центра, синтагматическое членение) создают противопоставления, «минимальные пары»: $\partial om - mom$; $\partial mo^*_{\bullet}\partial om$? и т. п. Особенность противопоставлений, создаваемых интонацией, заключается прежде всего в их неоднородности и неравноценности: возникают смысловые и эмоциональные различия, одни из которых не могут быть взаимозаменимы (вопросительные - повествовательные - оценочные предложения и т. п.), другие могут быть взаимозаменимы без существенного нарушения понимания текста, состоящего из двух-трех предложений или диалогического единства (уточнения предиката вопроса, данное — тновое в сложноподчиненном предложении и т. п.). Важно также отметить, что смыслоразличительность интонации тесно связана с лексико-грамматическим составом препложения.

Многозначность лексико-грамматического состава предложения — явление не только русское или славянское. Однако соотношение однозначности — многозначности, структура различных видов многозначности их комбинации могут быть принципиально иными в русском — болгарском — польском, русском — немецком — английском языках и др. Отсюда видится подход к решению таких вопросов, как отнесение интонации (вер-

¹⁰ Эти примеры приводит В. Н. А к с е н о в в кн. «Искусство художественного слова», М., 1954, когда разбирает логические ошибки при чтении текста «Горе от ума».

11 Еще А. М. Пешковский говорил о возможности различать значение слова одна с помощью интонации: в одной рубашке, в одной рубашке (А. М. П е ш к о в с к и й., Интонация и грамматика, «Избр. труды», М., 1959, стр. 177).

нее, различных ее явлений) к языку или речи, соотношение функций интонации и порядка слов, национальные особенности актуального членения, шире — соотношение интонационных и лексико-грамматических средств языка ¹².

¹² Определение смыслоразличительных возможностей интонации на основе однозначности — многозначности лексико-грамматического состава предложения в целом не противоречит принципу замены А. М. Пешковского: «Чем яснее выражено какоедибо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть его грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)» (А. М. П е ш к о в с к и й, Интонация и грамматика, «Избр. труды», М., 1959, стр. 181). Действительно, в предложениях с мнолексико-грамматическим составом можно говорить **ГОЗНАЧНЫМ** монкоп» о исчезновении» грамматических средств выражения того или иного значения. И наоборот: в таких предложениях, как Вы были когда-нибудь на Волге? смыслоразличительные возможности интонации сводятся к нулю, хотя возможности интонационного оформления предложения расширяются (ИК-3, ИК-2, ИК-5, интонационная конструкция с двумя центрами). Таким образом, характеристики «полное исчезновение», «сильнее — слабее» объективно относятся прежде всего к функциональной, а не физической стороне интонации. Однако примеры, в которых, по мнению А. М. Пешковского, проявляется принцип замены, свидетельствуют как раз о том, что речь идет об ослаб-лении или усилении физической стороны интонации: Читал ли ты это? Читал ты это? Ты читал это? Здесь требуются существенные оговорки. Степень выраженности одного и того же типа интонации (интонационной конструкции) может быть различной и зависит не только от синтаксических условий. Большая или меньшая степень повышения тона может характеризовать различные типы интонационных конструкций, каждая из которых обладает относительно равной функциональной нагрузкой, например для ИК-2 и ИК-5: Какой у нее голос?! Лингвистическое содержание формулировки принципа замены шире и объективнее, чем конкретная аргументация. Об отклонениях от принципа компенсации см.: Т. М. Николаева, Интонация сложного предложения в славянских языках, М., 1969, стр. 233—237.

в. в. колесов

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНЕТИЧЕСКИХ ПИАЛЕКТНЫХ ПРИЗНАКОВ

Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского

Описание диалекта на данном этапе развития диалектологии требует последовательного разграничения явлений языка и речи, явлений продуктивных и непродуктивных, явлений центральных и периферийных, функционально важных и второстепенных. Только такое описание позволит адекватно представить диалектную систему как целое, а не некий набор экзотических «диалектных черт». Сложность описания такого типа увеличивается в связи с необходимостью учитывать факторы междиалектного общения и интенсивного воздействия на говоры со стороны литературного языка. Эта проблема неоднократно обсуждалась 1. Сделаны удачные попытки классификации диалектных различий, в частности звуковых 2. Олнако для некоторых типов исследования результаты подобных работ оказываются недостаточными.

Если подходить к изучению диалекта с точки зрения его места в составе национального языка, то оказывается необходимым в конкретной диалектной системе разграничивать основные диалектные и вторичные диалектные признаки. Такое разграничение позволит глубже понять специфику и динамику диалектной системы.

Предварительно различие между основным и вторичным диалектным признаком можно сформулировать следующим образом. Основной признак характеризует конкретную диалектную систему как замкнутое целое, не затронутое внешними воздействиями. В этой системе имеются некоторые типы фонологических противопоставлений, основанные на определенных фонетических коррелятах. Вторичный признак возникает на основе столкновения пиалектной системы с качественно иной системой и отражает промежуточный этап субституции нового фонологического противопоставления диалектными фонетическими средствами. На этом временном противоречии между фонологическим отношением и фонетическим выражением строятся все фонемные преобразования диалектной системы. Из основных признаков складывается стабильная часть преобразующейся системы, вторичные признаки составляют ее динамическую часть. Последующее изложение позволит пояснить и уточнить это определение.

² См. коллективный труд «Вопросы теории лингвистической географии» (под ред. Р. И. Аванесова), М., 1962.

¹ См.: Р. И. Аванесов, Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1947, 3; А. Н. Гвоздев, К вопросу о влияния. междиалектного общения на фонетические системы русских говоров, ИАН ОЛЯ, 1948, 3; В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова, Закономерности развития диалектов русского национального языка, ИАН ОЛЯ, 1961, 5, и др.

Правда, при этом возможны некоторые технические затруднения, связанные с тем, что диалектная система обычно изучается не изнутри, а исхоля из представлений исследователя о соответствующих литературных явлениях. Примеры заблуждений, связанных с этим, хорошо известны. Длительное время считалось, например, что севернорусское изменение /а > е/ в положении между мягкими согласными всегда является позиционным (произношение [3'éт'] «зять», [гр'éс'] «грязь» и под.). Слушая диалектную речь, диалектолог фиксировал только те изменения, которые он мог уловить, исходя из осознаваемых им различий его собственного (литературного) произношения. Таким образом, диалектологами отражались лишь некоторые особенности диалектной речи, каким-то образом связанные с возможностями эталонной литературной системы. В данном случае упредненная и повышенная артикуляция /а/возможна в литературном произношении, но только под ударением между мягкими согласными; лишь в этой позиции и записывается диалектное /ä/ как [e] (и как [ä] и как [æ]). Последние работы хорошо показывают своеобразие севернорусской фонемы /ä/ и ее отличия от русского литературного эквивалента во всех позипиях 3. В другом случае севернорусское [e°] воспринималось и записывалось как /о/ — на том основании, что вместо диалектного [н'é°с] наблюдатель слышал свое собственное [н'oc]. В приведенных примерах [a'er'] представляет собою неточное отражение диалектного признака (фонема /а/ наряду с фонемой /а/), а [н'ос] — искаженное и ошибочное толкование диалектного признака. Первое затушевывает реальное соотношение фонем в говоре, тогда как второе приписывает говору несуществующие отношения. 続

Вторичные признаки обычно возникают на основе столкповения диалектной системы с литературной или инодиалектной системой как результат некоторых расхождений между ними. Это хорошо известное сналичие таких членов соответственного явления, один из которых является в собственном смысле диалектным, другой — свойственным не только диалектам, но, что особенно важно, и литературному языку. С точки зрения генетической, это может быть результатом влияния литературного явыка... или результатом взаимодействия диалектов» 4. Приводимый пример (фонема /г/ литературного языка соответствует /г/ в северных и /у/ в южных говорах) — это только самый простой и бесспорный случай, связанный с наличием в контактирующих системах двух эквивалентных фонем, которые отличаются друг от друга признаком, нерелевантным для них. Возможное преобразование системы не должно здесь встретиться с особыми затрупре-

ниями.

Все значительно усложняется там, где такое преобразование связано с отработкой нового (или утратой старого) различительного признака, а также с изменением позиционного разграничения. На конкретном примере

удобно показать возникающие при этом сложности.

Характерной особенностью среднерусских говоров на всей территории их распространения является палатализованная фрикация после варыва, т. е. произношение типа [т'c'n] хо, [д's'eн'] и т. д. Взрывной элемент здесь преобладает, определяя характер звучания, и имеет множество оттенков; фонологически это не аффрикаты, как в белорусском, а очень палатализованные зубные, варывные. Более слабая палатализация зубных в южно-

³ См.: Р. Ф. Пауфошима, Гласные фонемы переднего и среднего ряда в позиции между мягкими согласными под ударением в одном северновеликорусском говоре, ФН, 1964, 3; М. Н. Преображение и е кая, Чередование и е как фонетическое явление в вологодских говорах, ИАН ОЛЯ, 1965, 4.
4 «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 14.

русских и севернорусских говорах никогда не приводит к такому результату. Вместе с тем, в северных говорах на пограничье со среднерусскими, например, во владимирских говорах, подобное произношение постепенно распространяется — и наоборот, в среднерусских говорах, окончательно отошедших от прежней севернорусской системы (некоторые калининские, смоленские, псковские и др.) прежде отмечаемая там фрикация /т' / л'/ теперь не регистрируется. В сибирских говорах среднерусского типа независимо от европейских среднерусских развивается подобная же фрикация палатализованных смычных зубных согласных.

На всей территории распространения среднерусских, а также в некоторых соседних с ними северных и южных говорах на месте палатализованных /c'/, /з'/ слышится мягкий, переходящий в шепелявое [${
m c}^{,{
m m}}$, [${
m s}^{,{
m R}}$,] (в транскрипции [c"] [з"]): ко[с"ил] [с"е]но, [д"ес"ат]ый, в[с"о], [с"л'е]пой и т. д. Такое произношение возможно только в говорах с отвердевшими типящими, поэтому указанные фонемы не пересекаются с ними, однофокусные альвеолярные /с"/, /з"/ всегда отграничены от двуфокусных шипяших /ш/, /ж/ и от зубных /с/, /з/. Отличие от палатализованных свистящих типа литературных /c'/, /з'/ заключается в отсутствии «йотовой артикуляции». Поэтому-то наблюдатели часто воспринимают /c"/, /з"/ как полумягкие или даже твердые. Такое расхождение между действительным и реально воспринимаемым носителем литературного языка произношением обратным образом указывает на попытку выработать какой-то новый, ранее несвойственный диалектной системе более четкий принцип различения «мягких» и «твердых» согласных: в литературном языке это действительно различие по мягкости — твердости, а в говоре различение тех же фонем идет по другому признаку (по месту образования).

Наконец, в тех же среднерусских говорах вместо характерного для архаических говоров севернорусского типа произношения [кы]слый,

[гы]бель распространяется произношение [т"и]слый, [д"и]бель.

Как бы мы ни относились к различным принципам составления диалектных карт Московской диалектологической комиссии и нового академического Атласа, сравнение границ среднерусских говоров на карте 1915 г. и теперь ⁵ показывает, что за половину века территория распространения говоров со среднерусскими особенностями неуклонно увеличивалась и притом премущественно за счет севернорусского наречия.

Если иметь в виду даже самые северные говоры Европейской части РСФСР, не имеющие непосредственного контакта с южворусским наречием, и даже севернорусские по происхождению говоры Сибири и Дальнего Востока (все они отражают тот же путь изменения), окажется, что исконные севернорусские говоры на всем пространстве их распространения независимо от типа контактирующих систем имеют общую тенденцию к пе-

реходу в среднерусский тип.

Среднерусские говоры справедливо не получили статуса самостоятельного наречия, потому что внешним образом они напоминают просторечие, а внутренне представляют собою наиболее динамичную сферу национального языка. В среднерусских говорах, подобно просторечию, больше, чем в севернорусских или южнорусских, чуждых литературной норме продуктивных диалектных особенностей, которые утратили связь с определенными территориями и стали в некотором смысле общерусскими; они и отражают общерусские тенденции фонетического изменения. Динамичность среднерусских говоров определяется постоянным движением диалектной системы в сторону изменяющей за общерусской нормы. В деталях эта норма не совпадает с канонической литературной, поскольку гораздо последова-

⁵ См.: «Русская диалектология», М., 1964.

тельнее реализует общерусские тенденции фонологического развития. Например, в соответствии с этими тенденциями древнерусская аффриката /m'т'm'/, в современном русском языке ставшая сочетанием двух фонем, во всех типах говоров дает именно /mш/ ([mшýк'и] [ummés'л'и]), а не со-

храняет, подобно литературному канону, позиционные (или факультатив-

ные) варианты типа [ш'ш'] и особенно [ш'ч'].

В этом смысле характерны и приведенные выше субституты палатализованных фонем литературного языка. В среднерусских говорах с противопоставлением /т/ —/т'c'/,/д/ —/д"з'/,/с/ —/с"ш'/,/з/ —/з"*/,/к/— —/т"/,/г/ —/д"/ отражено становление общерусской корреляции согласных по мягкости — твердости, которая до недавнего времени отсутствовала в севернорусских диалектных системах 6, определив, между прочим, все синтагматические особенности вокализма. Реализации /т'/ как [т'c'],/с'/ как [с'm'] и т. д.— это и есть вторичные диалектные признаки, характерные для развивающейся диалектной системы.

Вторичный признак включается в конкретную диалектную систему и приобретает фонологические характеристики. В одном и том же фонетическом контексте одинаково отличная от литературной особенность может реализоваться как основной или вторичный или даже просторечный признак. Произношение среднеязычных [ħ] [ħ] на месте /к/, /г/ после исконно палатальных согласных — основной диалектный признак; произношение заднеязычных средненебных [к'] [г'] в том же сочетании — вторичный диалектный признак; произношение заднеязычных задненебных [к] [г] с продвижением последующего гласного вперед — признак просторечия;

	«Олька»	«Ольга»
Основной признак	[ол'hà]	[ол'ђа]
Вторичный признак	[ол к а]	[ол'г'а]
Признак просторечия	[ол'ка]	[ол'га]

Среднеязычные на месте /к'/, /г'/ фонетически представляют собою палатализованные [т"] [д"]. Можно предполагать и диалектное произношение среднеязычных [с"] [з"] на месте литературных /с'/, /з'/. Однако собиратели пишут о шепелявом произношении этих свистящих, отмечая даже их полумягкость, т. е. подчеркивают вторичные фонетические признаки, ничего не говоря о возможных основных, присущих диалектной системе. Не исключено, что на каком-то этапе развития говора все обсуждаемые здесь согласные являлись палатальными, т. е. среднеязычными по месту образования. Косвенно на это указывает не только произношение типа [бл'ђ'а], но и наличие палатальных /н"/, /л"/ при отсутствии йота в наиболее архаических диалектных системах 7. Это основные диалектные признаки, но они не всегда отражаются в записях, потому что диалектолог не делает различия между основными и вторичными признаками: различение /н/ -- /н'/ как/н/ —/н"/ и различение/с/ —/с'/ как/с/ —/с' m / он ставит в один ряд, хотя в первом случае сохранилось старое различие, а во втором произошло изменение в средствах различения.

Таким образом, палатальные [ħ h] соотносятся с общей системой диалектного консонантизма, тогда как заднеязычные [к'r'], являясь субститутами литературных/к'/, /r'/, уже разрушают целостность исходной диалектной

⁶ См.: К. В. Горшкова, Очерки исторической диалектологии Северной Руси, М., 1968.

⁷ См. также: «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров», М., 1969, стр. 64 и сл.

системы и включают в нее новый признак, связанный с дополнительной йотовой артикуляцией. Это постепенно приводит к разрушению палатального ряда, следовательно, является преобразованием на фонологическом уровне. В отличие от этого, литературному [о́л'ка], [о́л'га] в просторечии может соответствовать [о́л'ка], [о́л'га]. Аллофон [а], возможный в системе литературного языка, встречается в позиции, в которой он недопустим согласно литературной норме — после прежнего среднеязычного, а не между двумя мягкими согласными. Исходная диалектная особенность выражена факультативно и притом возможностими самого литературного языка и по этой причине не является ни фонологической, ни диалектной.

Далее, сопоставляя фонетические эквиваленты литературным /т'д', /с' з'/, /к' г'/, видим, что их противопоставление непалатализованным парным согласным осуществляется по разным признакам: /т/ — /т'/ противопоставлены по способу образования ([т] — [т'с']), /к/ — /к'/ — по месту образования ([к] — [т"]), $\hat{/}c/$ — /с'/ также по месту образования, но с двумя смещенными точками ([c'] — однофокусный альвеолярный). Место образования как основной признак, субституирующий литературную йотовую артикуляцию, избрано по той причине, что в самой диалектной системе по этому признаку уже строились сходные исконные противопоставления типа/н/ — /н"/ или /л/ — /л"/. Кроме того, в исходной системе имелись и другие противопоставления по месту и способу образования (ср. /к/ — /т/ и под.), но они не охватывали конкретно данных, интересующих нас здесь элементов системы, т. е. [т] — [π] (так как перед этим/ π)/ π /), [c]—[c' $^{\text{m'}}$] (так как несколько раньше/ $^{\text{m'}}$ / $^{\text{m'}}$), [к]—[т] и пр., а различие между альвеолярным и дорсальным образованием являлось чисто фонетическим.

Когда же возникла потребность в реализации нового противопоставления, диалектная система на первых порах использовала собственные возможности. Отработка нового различительного признака происходит путем совмещения фонетически различных, но фонологически непротиворечивых признаков. Это не что иное, как фонетическая субституция, определяемая возможностями самой диалектной системы, усиление различительной силы прежнего аллофона или, говоря столь же описательно, сосредоточение внимания на признаке, прежде несущественном. Если рассматриваемым вторичным признакам или части их действительно предшествовали пиалектные единицы палатального ряда, то фонетически ассибиляция представляет собою разложение палатальных («сверхмягких») в интересах их совпадения c позиционно смягченными («полумягкими», которые становятся «мягкими») 8 . В таком случае этот первый этап фонематического изменения представляет, собою не просто совмещение прежних аллофонов [с] и [с"] в фонеме /с,ш'/, противопоставленной /c/ (ср. нель[з"а] — [з а]бнуть — [за]втра > нель['з ·ж'а] и [з^{,ж}'а]*бнуть*, но [за]*втра*), но и разрушение палатального ряда, без чего невозможно в дальнейшем образование общего различительного признака по «йотовой артикуляции». Объективно, таким образом, противопоставление фонем имеется с самого начала, поскольку указанные единицы употребляются в одинаковых фонетических условиях: [зат] — θ [з^жат], [так] — [т.с'ак] «тяг» и т. д.

Так как в данном случае постепенно образуется коррелятивная цепь, должны быть и объективные проявления вновь образующихся отношений.

⁸ Эту фонетическую сторону изменения представители разных фонологических школ могли бы обработать терминологически самым различным образом. В данной статье намеренно принята традиционная для диалектологической литературы форма изложения.

Они и появляются в виде нейтрализации противопоставления по признаку, лежащему в основе оппозиции: в слабой позиции (в конце слова и церед передними гласными) возможен только немаркированный член оппозипии. В литературе хорошо описано несколько среднерусских говоров с «отвердением» /т'/, /с'/, /к'/ в слабой позиции. Фонологически это нейтрализация вновь возникающей оппозиции. Новое для диалектной системы влесь в том, что возникает позиция неразличения фонемного противопоставления — объективное указание на то, что такое противопоставление действительно возникло. Особенностями диалектной системы диктуется и установление типов слабой позиции: в литературном языке неразличение /т/ — /т'/ возможно только перед /е/ и перед некоторыми согласными, а в говоре — перед всеми немаркированными гласными, т. е. перед передними гласными и перед вокалическим нулем (= конец слова). Строго говоря, это еще не завершенная корреляция, поскольку коррелятивные пепи организуются на основе общего для всех пар различительного признака, а вновь возникшее диалектное соотношение согласных такого признака пока не имеет 9.

Особенно выразительно это показывают губные согласные, которые позже всех остальных включаются в корреляцию по мягкости — твердости. Происходит это потому, что у губных по сравнению с язычными дольше сохраняется преобладание слабых позиций над сильными (например, повиция конца слова). Фонетическим эквивалентом литературному противопоставлению /п/ - /n'/ в такой системе является [n:] - [ni] [na]na - [ni]a]тый. Поскольку в говоре с палатальным рядом (а все севернорусские говоры в конечном счете восходят к такой системе) йот не является самостоятельной фонемой, при образовании корреляции по данному признаку йот используется в качестве линейного различительного признака, субституирующего «йотовую артикуляцию» литературного языка. Для губных согласных — это и есть единственная возможность субституции, опредедяемая диалектной системой, она и используется, пополняя инвентарь возможных фонетических средств субституции одного и того же фонемного противопоставления, средства, как и все прочие, не выходящего за пределы возможностей самой диалектной системы. Запаздывание противопоставлений типа / π / - / π / связано с характером субституции: не один элемент, а два элемента, линейное сочетание. Впоследствии, после отработки общего различительного признака, эта субституция разрушается, вернее, лишается своей различительной силы, уходя в область фонетического варьирования, потому что и в литературном языке мягкость губного фонетически определяется характером перехода к следующему гласному 10. Следовательно, уже сама отмеченность различения двух единиц ([n]) — [ni]), его осознанность делает его фонематическим фактом — с точки зрения пиалектной системы.

Описанное здесь изменение зафиксировано, например, в пустошенском говоре Владимирской собласти: еще Д. В. Бубрих отмечал дифтонгоиды і.й., і.й ій после «мягких» согласных, а повторное изучение этого говора 45

10 См.: Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке,

«Вопросы фонетики», Л., 1964.

⁹ По указанным причинам квалификацию вторичных диалектных признаков как собственно фонетических, а не фонологических следует признать недостаточной (см. «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 40 — о [с.^{ш.}], [з.^ж], дли «Экспериментально-фонетические исследования русских говоров», стр. 86 — о цеканье — дзеканье, и т. д.). По-видимому, в диалектной системе вторичный признак всегда определяется (по сравнению с литературным языком) иным позиционным распределением, а иногда и иным набором ДП, т. е. синтагматически и парадигматически отличается от литературных эквивалентов.

лет спустя обнаружило полное соответствие литературной норме, т. е.

противопоставление типа $/\pi/-/\pi'/$ 11.

Соединяя все типы «мягкостной субтитуции» говора в одну систему, можно выявить общее для всех них свойство: они действительно нацелены на реализацию нового фонемного противопоставления, которое уже имеется в изменившейся диалектной системе, и с этой точки зрения они фонематичны. Чтобы отработать общий для всего коррелирующего ряда различительный признак, сначала необходимо разрущить сходный с ним или адекватный ему старый признак, который в изменившихся условиях становится узколокальным и ограниченным по своей различительной силе. В приведенном примере: на пути образования общего различительного признака по мягкости — твердости стоит противопоставление среднеязычных согласных другим группам согласных.

Общий признак противопоставления появляется на следующем этапе в результате отработки аллофонного варьирования. В данном случае речь идет о дополнительной йотовой артикуляции, которая представляет собою обычный для литературного языка коррелят противопоставления по мягкости — твердости. В среднерусских говорах, утрачивающих фрикацию палатализованных зубных, наряду с [т'с'] и под. позиционно возможны [т'] и под. Например, в слабой позиции становится возможным палатализованный вариант соответствующего согласного; по своему признаку именно он и является общим для всех противопоставлений:

Общий фонетический коррелят нового дифференциального признака формируется в слабой позиции — парадоксальный факт, уже замеченный спепиалистами по исторической фонологии. Только после этого происходит перераспределение позиций по общерусскому типу с одновременным ограничением числа слабых позиций. Изменение завершается утратой (сначала, может быть, факультативной) вторичных диалектных признаков и на фонетическом уровне.

Дальнейшие изменения касаются уже обогащения коррелятивной цепи. В корреляцию включаются все новые и новые пары. Разная степень развития говора определяется, между прочим, и количеством таких пар. При этом характерно, что отличающиеся по своим признакам эквиваленты литературных фонем изменяют свое качество сначала у палатализованного парного согласного. Хорошо известно, например, что в противопоставлении билабиальных /w/ — /w'/ губно-зубную артикуляцию раньше всего получает /w'/: образуется противопоставление /w/ - /в'/. То же самое в оппозиции /1/-/1': она может замениться на /1/-/n'. В южнорусских говорах замена / у/ на / г/ также начинается с парного падатализованного, и в переходных системах возможно отношение /ү/ — /г/. Замена апикальной артикуляции на дорсальную у переднеязычных согласных также преж-

¹¹ Д. В. Бубрих, Фонетические особенности говора с. Пустошей, ИОРЯС, XVIII, 4, 1913, стр. 334—335; А. С. Бедия ков, О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустошей, «Уч. зап. МОПИ», 48, Труды кафедры русского языка, 4, 1957.

де всего касается палатализованных членов противопоставления. Став всеобщей коррелятивной связью, противопоставление по мягкости — твердости перекрывает многие другие диалектные особенности и направляет развитие диалектной системы по общерусскому типу. Однако последовательность изменения имеет общую закономерность: никогда одновременно не изменяется больше, чем один признак, и всегда сначала изменяется более важный признак.

Рассмотренную здесь последовательность развития можно иллюстрировать и на других особенностях среднерусских говоров, а также на говорах, отражающих начальные стации отхода от севернорусской системы. Приведенные примеры развития вторичных признаков в фонемном составе отдельных слов (произношение слов типа Олька, Ольга) или в образовании новых для говора коррелятивных ценей (формирование оппозиции по мяткости — твердости) представляют собою крайние по важности типы развития отдельной конкретной системы: наиболее существенны вторые, тогда как первые — наименее значительны.

Аналогично происходит развитие вторичных признаков при синтагматических изменениях фонем, при замене ДП в одиночном противопоставлении, при изменении принципов аллофонного варьирования и т. д. Все это — частные случаи образования коррелятивного ряда, они повторяют один из этапов этого изменения.

Примером синтагматического изменения фонем является распространение аканья. В безударных слогах в положении после твердых согласных неверхние гласные получают позицию неразличения: /о/ и /а/ совпадают в /а/. В отличие от предыдущего изменения, здесь преобразование начинается сразу со второго этапа; это и естественно, потому что при образовании коррелятивного ряда вторым этапом является синтагматическое изменение. Пример с развитием аканья в среднерусских говорах показателен в том отношении, что оканье относится к числу наиболее устойчивых диалектных черт. Особый характер ударения и принципиально иное, чем в акающих говорах, соотношение между гласным и согласным в слоге препятствует воздействию акающего говора на окающий. Развитие аканья также определяется последовательными изменениями самой окающей системы вокализма.

Прежде всего, происходит изменение характера ударения с образованием относительно слабых и относительно сильных слогов (редукция). Такое положение наблюдается в среднерусских говорах с неполным оканьем. На этой основе развивается редукция заударного, а затем и предударного /o/, которая не нарушает принципа оканья, потому что /o/ и /a/ попрежнему различаются в безударных слогах. Однако редукция подготавливает переход к неразличению /а/ и /о/, потому что старое противопоставление [а] — [о] сменяется фонетически более слабым противопоставлением [а] — [ъ] ([ъ] и [а] близки артикуляторно и акустически и в некоторых позициях могут чередоваться друг с другом). Неопределенность такого коррелята фонемы /о/ приводит к колебаниям в записях: его обозначают иногда как [ъ], [аъ], [оа]. Говоры с таким «ослабленным» противопоставлением безударных /а/ и /о/ отмечены в южной части Вологодской области, на юге Кировской и Пермской областей, в Костромской и Ярославской областях, в Удмуртской АССР. В более южных частях восточных среднерусских говоров наблюдается следующий этап изменения — появление [а] на месте /о/ только перед ударным /а/ (шатурский тип ассимилятивного аканья, распространенный в говорах к востоку от Москвы, в Калининской области, в Саратовском Заволжье и т. д.). Говоры Псковской области дают и другие типы возможной отработки аллофонного варьирования, т. е. другие этапы развития нового аканья. Полновское и гловское аканье также образуют позиции неразличения в предударном слоге в зависимости от следующего гласного: в Гдовском районе перед верхними и нижним, в Полновском — перед верхними. В некоторых сибирских говорах среднерусского типа /o/ и /a/ различаются только в слоге перед ударным /o/. На основании диалектологических данных можно предполагать, что и более южные псковские говоры совсем недавно характеризовались аканьем гдовского типа, но теперь здесь распространено уже сильное аканье. Другими словами, в этих говорах окончательно сформировалось неразличение /o/ и /a/ во всех безударных слогах. В начале века отмечалось различение предударных /o/ и /a/ как [å] и [а] в говорах Калининской области, а теперь эти говоры — акающие.

Таким образом, на основе качественной редукции безударных гласных (вторичный диалектный признак) постепенно утрачиваются качественные различия между гласными в этой позиции. Раньше всего совпадение /о/ и /а/происходит в заударной позиции, но и здесь не может быть речи о чисто количественной репукции заударного /о/, несмотря на его записи как [ъ]: [с'йлам] — [хл'ебом]. Количественная редукция последовательно охватила бы все гласные в данной позиции, а не только /о/. Еще О. Брок показал. что [ь] в такой записи обозначает ненапряженное [о], но все-таки $/o/^{12}$. Качественная редукция уменьшает напряженность артикуляции, а это приводит к последующим изменениям безударных гласных, начиная с широкого аллофонного их варьирования (/o/ как $[o^y]$, [o] $[o^a,]$ $[a^o]$). Фонологический смысл этого изменения достаточно ясен: ни в одной позиции невозможна утрата сразу двух признаков, дифференцирующих /о/ и /а/ -- сначала нейтрализуется более важный для системы признак лабиальности (качественная редукция в оппозиции [ав] — [а]), затем — подъема (аканье: [a] — [a]). Обаяние графического знака не должно приводить к ведоразумениям: [ъ] — это только более или менее удачная попытка передать нелабиализованный гласный среднего образования и среднего ряда.

же особенностями, которые характеризуют начальные этапы становления коррелятивного ряда. Пределы аллофонного варьирования также ограничиваются характером и системой дифференциальных признаков. В севернорусских говорах нейтрализация $\frac{a}{\kappa} > \kappa$ выделяет /х/ из числа фонем, парных по признаку голоса, что приводит к широкому варьированию /х/, к большому разбросу факультативных и позиционных аллофонов, а вместе с тем и к позиционным изменениям согласных в соседстве с ним. Наоборот, в южнорусских говорах нейтрализация $\frac{\gamma}{x} > x$ выделяет из коррелятивного ряда по данному признаку фонему /к/ — с аналогичными последствиями.

При замене ДП в одиночном противопоставлении сталкиваемся с теми

ряда по данному признаку фонему /к/ — с аналогичными последствиями. Эти последствия оказываются существенными в дальнейших преобразованиях оппозиции. Севернорусские говоры в южнорусском окружении дают [γ] как аллофон фонемы /г/; южнорусские говоры в севернорусском окружении дают [г] как аллофон /γ/. Однако в обоих случаях аллофонное распренение подчиняется общим правилам: [г] — аллофон фонемы в сочетании с согласным, [γ] — аллофон фонемы в сочетании с гласным (иногда также в сочетании с сонорным), ср. [үадък] — [үладък] — [гд'е]. Особенно интересны южнорусские говоры с заменой /ү/ на /г/: общерусский эквивалент появляется здесь прежде всего в слабой позиции. Это вторичный диалектный признак, на котором строится все дальнейшее фонемное преобразование, приводящее в конечном счете к появлению оппозиции /г/ — /к/. При этом

¹² См.: О. Б р о к, Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда, Сб. ОРЯС, LXXXIII, 1907, стр. 11.

в качестве просторечной особенности еще долго может сохраняться старый член оппозиции /x/ — /r/ в позиции неразличения, r. e. /x/.

Этот пример снова возвращает нас к разграничению основных и вторич-

ных диалектных признаков.

Таким образом, фонологические признаки говора входят в одну из двух групп признаков, не совпадающих с орфоэпической нормой общенационального языка — основных или вторичных. Приведенные выше примеры возможных изменений диалектной системы показывают, что в результате таких изменений сохраняется специфически диалектная система, отличающаяся от литературной. Она определяется свойственной ей суммой основных и вторичных диалектных признаков, указывающих на разные пути и различную интенсивность разрушения исходной диалектной системы. Премущество такого подхода к синхронному описанию диалектной системы заключается в возможности совместить в описании ее архаические особенности и признаки, указывающие на сближение говора с литературной нормой, не ограничиваясь (в зависимости от целей исследования) только теми или другими. Различение основных и вторичных признаков позволяет описать систему изнутри и вместе с тем представить основные линии ее фонологического развитии.

Названные типы фонологических признаков имеют существенные раз-

личия, которые можно сформулировать следующим образом.

Основной диалектный признак— особсиность исходной фонологической системы с характерным для данного говора фонетическим выражением этой системы. Пример: различение /o/ и /a/ во всех позициях (оканье) или противопоставление /к/ — /г/ в севернорусских говорах— с характерными для этих оппозиций фонетическими коррелятами и вытекающими из этого правилами аллофонного варьирования.

Вторичный диалектный признак— новый элемент фонологической системы, выраженный старыми, свойственными диалекту, фонетическими средствами. Пример: утрата ДП по лабиализации в противопоставлении /o/ — /a/, но отсутствие нейтрализации в пользу одного из

членов оппозиции.

На всех этапах анализа необходимо строгое разграничение фонемного и аллофонного уровней и одинаковое внимание к ним обоим. Их выделение облегчается фактом совмещения двух самостоятельных систем с характерными для каждой из них различительными средствами; нужно иметь в виду, это аллофонное варьирование одной системы может оказаться противопоставлением фонем в другой и наоборот. Конкретное описание таких особенностей удобно вести на уровне дифференциальных признаков и их фонетических коррелятов — их наличие или отсутствие определяет и пределы аллофонного варьирования, и фонемный статус отдельных единиц системы. Именно в таком смысле и существенно разграничение вторичных в основных признаков диалекта.

Основные признаки определяются фонологической системой данного говора и имеют свое аллофонное варьирование (легко обнаруживаемое при сопоставлении с аллофонным варьированием в литературной системе). Вторичные же признаки, возникая из столкновения с другой системой основных признаков, представляют собою результат субституции вновь образующихся фонологических отношений. Это определяет важнейшее отличие вторичного диалектного признака: масса переходных фонетических вариантов, в том числе и позиционно обусловленных, и факультативных. Так, утрата мягкого цоканья происходит в говорах различными путями, но общим в отработке оппозиции /ч'—/ц/ является то, что данное противопоставление, войдя в систему говора, фонетически выражается отличным от литературного языка образом, например, противопоставлением в сильной

позиции [т"] — [ц'] или [т"] — [ц] или [ч'] — [ц']. Неопределенность субституции объясняет многообразие вариаций и в слабых позициях. В столкновении с литературной нормой происходит не простое «павязывание» говору новой системы противопоставлений — литературная система как авторитетный представитель национального языка определяет характер оппозиций, а диалектная система выявляет возможности выражения этой новой системы.

Не должно возникнуть впечатления, будто вторичные диалектные признаки возникают только под влиянием внешних факторов, в результате столкновения двух систем. Сама диалектная система продолжает развиваться, в новых условиях спонтанно образуя «внутренние» вторичные признаки. Пересечение основных и вторичных признаков — сложная сеть фонологических и фонетических факторов изменяющейся системы. Стержем, объединяющим разного происхождения вторичные признаки, являются общерусские тенденции языкового развития.

Сказанным определяется еще одна особенность вторичных диалектных признаков: они не имеют четких синхронных изоглосс. Если тем не менее большинство таких признаков,— хотя и не компактно, с разрывами, укавывающими на различную интенсивность изменения,— сосредоточено на территории распространения среднерусских говоров, это не противоречит сказанному. Среднерусские говоры в массе своей представляют собою переходные к общерусской системе говоры. В этом, между прочим, их особое значение в образовании общенационального эталона — литературного языка. Среднерусскими являются не только подмосковные или калининские говоры — такими же среднерусскими следует считать все прочие, например, сибирские или дальневосточные говоры со сходной суммой вторичных признаков. Историческая тенденция достаточно ясна: все большее число севернорусскихи по происхождению говоров становится и будет становиться среднерусскими.

Отсутствие изоглосс вторичных признаков объясняется разнонаправленностью и разновременностью развития отдельных сторон конкретной диалектной системы. Данной особенностью вторичные признаки также сближаются с просторечными, которые и пополняются в основном за счет вторичных признаков говора. Однако с фонологической точки зрения основные и вторичные диалектные признаки одинаково противопоставлены признакам просторечия и литературной нормы, которые не формируют диалектную систему. Если последовательно развить эту мысль, окажется, что все описанные выше этапы диалектного изменения объясняются и контролируются не столкновением говора с литературной нормой или с соседним говором, как обычно признается ¹³, а общеруеской тепденцией к определенной системе противопоставлений. Выявление вторичных диалектных признаков как частный случай всегда связано с осуществлением общерусских тенденций развития.

Якающие говоры переселенцев с юга, длительное время находившиеся в севернорусской екающей среде, развивают не ожидаемое в таком случае севернорусское еканье, а иканье. Хотя в некоторых случаях в качестве переходного этапа и отмечается «еканье», но это скорее переходное различение

¹⁸ В других случаях указывается на результат столкновения русских говоров с неславянским субстратом как на возможную причину соответствующих изменений (шепелявого произношения /с²/, /з²/, фрикации при /т²/, /д²/[и под.). Ср.: Р. И. А в ан е с о в, Вопросы лингвогеографии русских говоров центральных областей ИАН ОЛЯ, 1952, 2, стр. 170. Те же изменения как результат столкновения южнорусских и севернорусских говоров объясляет В. Г. О р л о в а в статье «Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов» («Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, II, М., 1961, стр. 7).

/а/-/и/ в безударном слоге 14. Так же изменяется и севернорусский говор в соседстве с южнорусским или даже с украинским 15 — развитие безударного вокализма после мягких согласных идет в сторону иканья, т. е. к полной утрате всякого различения безударных гласных в положении после маркированного по основной оппозиции согласного. Изменения вокализма начинаются после окончательной отработки новых консонантных различий, в любой конкретной системе русского языка являющихся основными. Другими словами, последовательность субституций в говоре диктуется относительной важностью изменения --- механическое «влияние» литературного языка не требовало бы такой избирательности со стороны фонологической диалектной системы. Приведенные в статье примеры свидетельствуют о том же: общее направление диалектного развития и последовательность этапов этого развития заданы общерусской тенденцией.

При разграничении основных и вторичных признаков говора не всегда можно довольствоваться сведениями об общем направлении диалектного развития в связи с общей линией развития фонологической системы общенационального литературного языка 16. Приходится проводить и ряд дополнительных исследований. Исходная система говора довольно точно определяется на основе изучения исторических памятников, старых диалектных записей данного говора, на основе внутренней реконструкции современого говора в его сопоставлении с родственными. Каждая из этих проблем может стать темой самостоятельной статьи. Совпадение всех полученных таких образом данных оказывается существенным в установлении важ-

ных особенностей исходной фонологической системы.

Имеется еще одна возможность определения интенсивности в развитии вторичных признаков: статистическое обследование говора. В. Дорошевский видел в таком исследовании даже возможность определить «диахронический коэффициент» говора (на фонематическом уровне) и предлагал метод картографирования статистических данных 17. Статистический подсчет аллофонного варьирования в диалектной речи ряда носителей говора в разных условиях говорения с позиционным разграничением и при учете фонологической системы говора в целом дает количественные характеристики разных диалектных признаков, их функциональное отношение друг к другу, определяет их относительную дифференцирующую силу, -- другими словами, позволяет представить реальную систему говора с тенденциями ее развития. Не случайно Л. И. Баранникова, интересуясь путями диалектного развития, не смогла пройти мимо статистической обработки диалектных записей и дала удачный образец подобного исследования 18.

рии Башкирии, «Русский язык в Башкирии», Уфа, 1968; Ф. П. Се р геев, Южно-русский говор Сарпинского и Красноармейского районов Волгоградской области. Автореф. канд. диссерт., М., 1956; М. Н. Шабалин, Русский говор на юго-востоке

Кубани. Автореф. канд. диссерт., М., 1952, и мн. др.

16 См.: К. В. Горшкова, Основные тенденции развития фонетической системы русского языка, «Р. яз. в шк.», 1964, 5.

17 W. Doroszewski, Pour une représentation statistique des isoglosses, BSLP, XXXVI, 106, 1, 1935, стр. 28—42.

18 Л. И. Баранникова, Русские народные говоры в советский период, Са-

ратов, 1967.

¹⁴ См.: В. А. Лебедева, Говоры восточной части Дергачевского района Саратовской области. Автореф. канд. диссерт., Саратов, 1952; Б. В. Попов, О судьбах южнорусских фонетических диалектизмов в севернорусской среде, «Уч. зап. Пензенск. пед. ин-та», 5, 1958; В. Н. Светлова, Фонетические особенности говоров Исстского района Тюменской области, «Уч. зап. Тюменск. пед. ин-та», 21, 3, 1963; Е. Н. Стрепкова, Переселенческий говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении. Автореф. канд. диссерт., М., 1954; Е. С. Ф е т и с о в а, Развитие южновеликорусского говора в северновеликорусском языковом окружения, «Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы», XXIX, 1968, и мн. др. работы.

15 См., например: З. П. З д о б н о в а, К типологии русских говоров на террито-

Описание единиц диалектной системы в их иерархии кажется персиективным еще в одном отношении: последовательно и всесторонне проведеное, оно позволит решить вопрос о квалификации многих диалектных явлений, в последние годы так плодотворно зафиксированных в научной литературе. Многие недавние открытия преимущественно касаются именно вторичных диалектных признаков, т. е. свидетельствуют о современном этапе развития говора. Поразительный факт их обнаружения в наши дни объясняется не невнимательностью прежних собирателей, а тем, что современные говоры находятся на ином этапе развития.

и. п. сусов

К ОЦЕНКЕ КОНВЕНЦИОНАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Современное языкознание еще не располагает единой и целостной научной картиной языковой действительности, в которую органически вписывалась бы теория языковых единиц, удовлетворительно объясняющая их природу и сущность.

Построение такой теории может даже показаться ненужным в свете того, что многие лингвисты склонны подвергать сомпению или даже отрицать объективную реальность единиц языка. Так, А. А. Леонтьев пишет: «Очевидно, что, признавая за системой тот или иной модус существования, утверждая ее бытие в той или иной конкретной форме, мы совершенно не обязательно должны переносить то же утверждение и на единици... Вообще проблема единиц является вторичной по отношению к проблеме системы языка: система языка объективна, она существует и до лингвиста и независимо от него; номенклатура же системы, совокупность единиц, хотя бы соответствующим образом организованных, есть построение лингвиста. Система языка обусловлена предметом исследования, слиницы в громадной степени зависят от мето да исследования, хотя, конечно, не определяются только им» 1.

Любонытно, что Ф. де Соссюр, который по существу первым в мировой лингвистике дал развернутое изложение проблемы явыковых сдиниц, посвятив ей всю вторую часть (под названием «Синхроническая лингвистика») своего «Курса общей лингвистики», был далек от таких сомпений, хотя и отдавал себе отчет в необычайной сложности проблемы. По его словам, «язык является системой, исключительно основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Нельзя ни отказаться от их обнаружения, ни сделать ни одного шага, не прибетая к ним, а вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально. Странным и поразительным свойством языка является, таким образом, то, что в нем не дапы различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так какаменно их взаимодействие и образует язык» ².

Утверждение или отрицание объективной реальности языковых единиц связано определенным образом с той или иной философской концепцией, хотя такая связь и не всегда очевидна. Разумеется, нельзя механически сводить специальные методы конкретных наук к общим философским принципам, отождествлять философское видение мира и конкретное содержание той или иной лингвистической теории. Но вместе с тем не стоит закрывать глаза на явные совпажения идей и принципов, на общность хода рассуждений, на прямые заимствования из философских работ.

 ¹ А. А. Л е о н т ь е в, Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности, М., 1965, стр. 36—37.
 ² Ф. д е С о с с ю р, Курс общей мингвистики, М., 1933, стр. 108—109.

Это и понятно. Любое направление языкознания, как о том свидетельствует его история, формируется в конкретных исторических условиях, вырастая не только из потребностей решения задач, которые выдвигаются логикой развития самой науки, но и из общенаучных вяглядов и устремлений, находящих свое наиболее конденсированное выражение как раз в философии. Каждое лингвистическое направление связано не только с тем, что оно наследует в самом языкознании, но и с родственными по духу направлениями в смежных науках. Лингвистика сама по себе, вне контекста общенаучных тенденций и интердисциплинарных связей, невозможна. Эти связи объясняются наличием определенных общих законов бытия и развития всех сторон материальной действительности, единством объективного мира при всем его разнообразии.

Не надо забывать и о том, что идеи и принципы, получившие развитие в языкознании, могут в свою очередь оказывать влияние на общенаучные тенденции своего времени. Так, например, обстояло дело с распространением сравнительно-исторического и структуралистского принципов за пределы языкознания 3. При рассмотрении любой лингвистической проблемы следует поэтому учитывать и ее возможные философские выходы.

Однако при этом достаточно четко должны разграничиваться собственно лингвистический (т. е. конкретно-научный, онтологический) и философский (т. е. по преимуществу теоретико-познавательный и общеметодологиеский) аспекты рассматриваемой проблемы. Такая двуплановость должна
иметь место, в частности, и при анализе проблемы реальности языковых
единиц. При философском подходе к этой проблеме в центре внимания
оказывается вопрос о действительном содержании понятия «языковая
единица», о его отношении к объективной языковой действительности.
Исследователя интересует в этом случае, существует ли объективно то явление, которое мы именуем единицей языка, или же эта единица конструируется логически, представляет собой символ, интерпретация которого
целиком определяется принятой в давном научном коллективе теоретической системой, «конвенцией». Этим, в основном, и исчерпывается философский подхол.

Вопрос о том, какова конкретная природа языковой единицы (разумеется, при условии, что на вопрос о ее объективном существовании уже дан положительный ответ ⁴), принадлежит онтологической (конкретно-научной) плоскости анализа. В этом случае ставится цель выяснить, в какой конкретной материальной форме существуют языковые единицы, являются ли этой формой звуковые колебания, движения произносительных органов или некие нейрофизиологические процессы в коре головного мозга ⁵,

³ На использование сравнительно-исторического и структуралистского принципов не только в лингвистике, но и в других науках указывает, в частности, В. А. Звегинцев, считая, правда, что первый принцип заимствован языкознанием извне. См.: В. А. З в е г и н ц е в, Очерки по общему языкознанию, [М.], 1962, стр. 91 и сл. См. также: А. С. М е л ь и и ч у к, Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма, ВЯ, 1970, 1, стр. 22.

я е, М. Я. К о в а л ь в о н, Курс исторического материализма, М., 1969, стр. 6, 14).

В Нейрофизиологической концепции природы реальности языковых единиц придерживается, между прочим, В. М. Иавлов. См. написанную им гл. 2 «Наыковая способность человека как объект лингвистической науки» в кн.: «Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики»)», М.,14968. Более широкой трактовки природы существования языка придерживается В. Я. Мыркин. Бытие языка в физиологической форме он рассматривает только как потенциальное, противополагая его реальному существованию языка в речи (см. его статью «Различные толкования соотношения:
язык — речь», «Ин. яз. в шк.», 1970. 1).

68

каков набор этих единиц и система взаимосвязей между ними в данном языке и т. п. Как ни важен этот аспект для решения проблемы реальности языковых единиц, ключевым является все-таки первый аспект. От того, как будет решен вопрос об объективном существовании языковых единиц, зависит направление последующих научных поисков.

Как известно, в современном теоретическом языкознании интерес к вопросу о конкретной онтологической природе языка и его единиц сравнительно невысок. Это объясняется не только тем, что соответствующие исследования уводят далеко в сферу исихологии, физиологии и т. п., но и главным образом тем, что сейчас в работах ряда видных лингвистов явно или неявно проводится конвенционалистская концепция реальности языковых единиц.

Принцип конвенционализма заключается в признании того, что понятия и теории, которыми мы пользуемся, должны удовлетворять лишь принятому нами соглашению (конвенции) о какой-то системе и не противоречить ей. Вопрос же о действительном содержании этих понятий и теорий, о их соответствии тем явлениям, которые они призваны отражать, объявляется псевдопроблемой. Единицы языка оказываются тем самым только научными фикциями, логическими конструктами, элементами теоретических моделей, а лингвистика превращается в эквилибристику ума ⁶.

Трудно сказать, когда впервые конвенционалистские идеи стали проникать в языкознание. Можно лишь сказать, что одним из первых представителей этого принципа был Ф. Боас, поставивший под сомнение объективное существование слова как естественной единицы (natural unit) языка ⁷. Большую роль в утверждении конвенционалистского подхода сыграли идеи В. Ф. Тводелла, рассматривавшего фонему как научную фикцию 8. Конвенционализм в сильной степени характеризует взгляды ведущего представителя «эквилибристической лингвистики» З. С. Харриса, который и говорит соответственно не о языковых, а о липгвистических единицах, нонимая последние как «чисто логические символы, с которыми можно производить различные операции математической логики» 9. На конвенционалистском подходе со всей категоричностью настаивает М. Бирвиш: «Морфема должна пониматься как единица теории языка и определяться в ее рамках» 10. По его мнению, и такие понятия физики, как электрон и мезон, не могут быть определены вне рамок физической теории. Иными словами, он оспаривает наличие прямой корреляции понятия и его коррелята в действительности. Аналогия с физикой используется и в «Тевисах о теоретических основах научной грамматики», явившихся своеобразным манифестом берлинской группы структурной грамматики: «Подобно тому как понятие "нейтрон" есть единица физической теории и вне ее лишено какого бы то ни было смысла и не может быть отнесено к данным наблюдения, так и понятие "падеж" является только единицей теории и вне

⁶ См. характеристику «эквилибристической лингвистики» в статье: П. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова, Американский структурализм,

²⁴ п сл. ⁸ W. F. T w a d d e l l, On defining the phoneme, «Language monographs,», XVI, Baltimore. Позиция В. Тводелла нашла поддержку у ряда лингвистов. См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 50 и сл.; С. К. Шаумян, Про-

блемы теоретической фонологии, М., 1962, стр. 55 и сл.

⁹ Цит. по ки.: В. А. 3 вегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очернах и извлечениях, ч. II, М., 1965, стр. 221.

¹⁰ M. Bierwisch, Über den theoretischen Status des Morphems, «Studia grammatica», I, Berlin, 1966, crp. 52.

этой теории не имеет отношения к данным наблюдения» 11. Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что конвенционалистская концепция, в соответствии с которой единицы языка признаются лишь элементами научной теории, логическими конструктами, получает все более широкое распространение.

В чем же причины этого явления?

В первую очередь здесь сказалось воздействие общенаучных и философских веяний времени. Известно, что возникновение конвенционалистского принципа имело своей конкретно-научной основой положение дел в физике. которая еще на пороге ХХ в. подошла к изучению микрочастиц, не поддающихся непосредственному наблюдению, и обратилась за помощью к математике, предоставившей в ее распоряжение свой аппарат, где место материальных микрочастиц заняли символы. Успехи математического моделирования поведения микрочастиц, вполне объяснимые в свете современных представлений о моделировании и его возможностях ¹², побудили некоторых теоретиков к тому, что они заявили об «исчезновении материи» и о возможности обойтись только научными фикциями, лишенными реального содержания. Сокрушительную критику этого подхода дал уже В. И. Ленин в сеоей работе «Материализм и эмпириокритицизм». Да и позднейшее развитие физики либо подводило объективную основу под гипотетические конструкты, либо побуждало к отказу от понятий, лишенных реального содержания, и к поиску новых объяснений. Эмпирическая данность физического материала, успехи экспериментальных исследований, принципиальная возможность опытной проверки самых сумасбродных идей (пусть и в далеком будущем) поневоле ограничивают базу для конвенционализма в физике.

Но конвенционализм упрочился зато в философии неопозитивизма, сумевшей использовать кризис в физике, и через нее оказал значительное влияние на языкознание, тем более, что в этой философской системе конвенционалистский принцип связывается, как правило, с логическим анализом языка, представленным в форме логического синтаксиса и логической семантики ¹³. Для конвенционалиста-философа понятие существования оказывается тождественным понятию выводимости, т. е. выход за пределы теории объявляется ненужным, необязательным. Решающее значение придается не адекватности понятия и действительности, а его согласованности с другими понятиями в рамках данной теорической системы. Вопрос о реальном содержании научного понятия объявляется лишенным смысла. Поскольку научная теория считается способом систематизации неупорядоченного, хаотичного опыта, то выбор ее становится делом вкуса или, в лучшем случае, определяется принадлежностью исследователя к той или иной научной школе.

Одним из путей внедрения конвенционализма в языкознание оказалось использование математических методов в исследовании языка. Г. П. Мельников верно указывает, что «лингвисты, понявшие полезность использования точных методов в языкознании и освоившие необходимый логико-математический аппарат для описания пискретных отношений в структуре

^{** &}quot;Thesen über die theoretischen Grundlagen einer wissenschaftlichen Grammatik*,

там же, стр. 10.

¹² См.: В. А. III тоф ф, Моделирование и философия, М., 1967.

¹³ См.: R. Сагпар, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934; Р. Карнап, Значение и необходимость, М., 1959; К. Ајdukie wicz, Sprache und Sinn, «Erkenntnis», Hf. 2, 1934. См. критические замечания о логическом анализе языка в работах: «Логика научного исследования», М., 1965; А. Шафф, Введение в семантику, М., 1963; E. Albrecht, Sprache und Erkenntnis, Berlin, 1967. Cm. Takke: B. A. 3 Beгин цев, Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления, ВФ, 1961, 12.

сложных лингвистических объектов, восприняли, вместе с плодотворными математическими идеями, и философские заблуждения» ¹⁴.

Разумеется, что языкознание, если оно действительно хочет понять свой объект, не может идти по такому пути. Языковед не может возводить в абсолют субъективную сторону исследования, считая, что он только систематизирует хаотичный сам по себе, неорганизованный поток речи. «Человеческие понятия,— указывал В. И. Ленин,— субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» 15.

В языковой действительности дана объективно не только целостность языка, но и его расчленен пость, т.е. даны объективно и единицы языка. То, что границы между ними не всегда одинаково четки (ср., например, соотношение русских фонем [t]: [t'] и [k]: [k'] 16) и получение инвентаря единиц требует определенных теоретических усилий, отнюдь не означает, что единицы языка являются только продуктом исследования и их разграничение субъективно, произвольно. Нужно различать (это тривиальное требование!) фонемы, морфемы, слова, конструкции в самом языке и соответствующие им, отражаю плова, конструкции и у прощенно и лингвистические понятия. Нужно не смешивать действительное множество единиц конкретного языка и фиксирующий его приближенно список, полученный исследователем, который сознательно илет на определенные допущения, отдавая себе отчет в несовершенстве избранной метолики.

Вот почему нельзя не отнестись сочувственно к словам Р. Якобсона и М. Халле, содержащим отрицательную оценку подхода к фонеме как абстрактной, фиктивной единице языка: «Если это понимать лишь как утверждение о том, что любое научное понятие является конструктом, то такая философская сторона дела не может никоим образом влиять на фонологический анализ. В этом случае фонема является фикцией в той же мере, что и морфема, слово, предложение, язык и т. д. Если, однако, исследователь противопоставляет звуку фонему и ее компоненты как простое ухищрение, не имеющее обязательных соответствий в конкретном опыте, то при таком допущении анализ, несомненно, приведет к искаженным результатам» ¹⁷.

Разумеется, что между единицами разных уровней языка имеются существенные различия в том, что касается их субстанциальных свойств, их воплощения. Ближе всего со звуковой материей связаны фонемы. Связь других единиц с материальной субстанцией оказывается, как правило, многократно опосредованной. Отсюда и бблыше возможности произвола в их выделении и разграничении, и бблыший простор для конвенционалистских ухищрений. Очевидно, необходим постоянный учет многочисленных переходов, опосредствований и т. п. в самой языковой действительности, чтобы не создалось впечатление об исчезновении реального содержания понятия единицы языка.

Распространение конвенционалистских взглядов в языкознании может объясняться также односторонним пониманием природы языка и предмета лингвистической науки. Так, оно обусловлено в определенной степени признанием в качестве единственного объекта лингвистики языковой системы (языка в узком смысле, слова, langue Ф. де Соссюра) и реляционистским пониманием природы языковых единиц. Языковая система не дана в непосредственном восприятии, не обладает собственной субстанциальной фор-

¹⁴ Г. П. Мельников, Азбука математической логики, М., 1967, стр. 96. 15 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 190.

 ¹⁸ См. об эгом: Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, [Л.], 1980, стр. 64—55.
 ¹⁹ Р. Якобсон, М. Халле, Фонология и ее огношение к фонетике, сб.
 4Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 240.

мой бытия. Она постигается как инвариантное, общее, существенное в многообразной и изменчивой языковой действительности путем опосредствованного, логического познания. Как абстрактный предмет ¹⁸ она в принципе не может быть подвергнута прямому эксперименту, ибо по существу мы экспериментируем не с фактами языковой системы, а с речевыми произведениями и психолингвистическими реакциями носителей языка.

Но утверждать на этом основании, что языковые единицы суть только концепты, а не объективно существующие явления, значит, игнорировать тот факт, что языковая система не есть единственный (пусть и важнейший) объект лингвистики, что ее подлинным объектом является вся языковая действительность в целом, т. е. язык в широком смысле слова, включающий в себя и речевые акты, и речевые произведения, и языковую способность, которым присуща та или иная субстанциальная данность. Единицы языка представляют собой соответственно не просто реляционные и дематеррамизованные элементы системы, а многоаспектные образования, воплощающиеся в каждом из указанных аспектов в определенную субстанцию.

Из этого не следует, что система языка не существует объективно, что она представляет собой лишь классификационную схему, накладываемую лингвистом на неупорядоченный речевой опыт. Такая точка зрения, являющаяся отражением физикалистских идей в языкознании, также ведет к конвенционализму: ведь общее, существенное объявляется в этом случае продуктом субъективной исследовательской деятельности. Языковая система как форма взаимосвязи и взаимодействия единиц существует независимо от субъекта-исследователя.

Кстати, следует заметить, что материальность не должна пониматься в узком, «житейском» смысле, т. е. как вещность, предметность, непосредственная данность. По словам В. И. Ленина, «...единственное "свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» 19.

Объективный характер языковой системы вытекает, между прочим, и из того обстоятельства, что она представляет собой взаимодействие объективно существующих единиц. Вряд ли можно утверждать, что единицы вторичны по отношению к системе, которую они составляют. Система языка в целом никогда не реализуется в отдельном речевом акте, она находит свое реальное существование только во всей совокупности речевых актов, во всем объеме созданных и создаваемых речевых произведений, во всем множестве индивидуальных речевых систем. Единицы языка, напротив, имеют более конкретное проявление. Так, для фиксации какойлибо отдельной единицы отнюдь не нужен весь речевой материал, а достаточен какой-то его фрагмент.

Тенденция к конвенционализму в определенной степени заложена также и в признании того факта, что в принципе возможны различные решении одной и той же лингвистической проблемы, одинаково претендующие на истинность ²⁰. Но, по всей очевидности, такая возможность возникает в силу того, что исследуемый объект слишком сложен и многосторонен, и лингвист сосредоточивает свое внимание лишь на одной или нескольких его сторонах, признавая их наиболее существенными. Истиные сами по себе, частные теории начинают, однако, противоречить друг другу и оказываться нередко несовместимыми, как только ставится задача

¹⁸ Д. П. Горский, Проблемы общей методологии наук и диалектической логики, М., 1966, стр. 43, 25.

19 В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритициям, М., 1969, стр. 255.

²⁰ Cm.: Yuen-Ren Chao, The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems, «Readings in linguistics», New York, 1958.

построить на их основе более общую теорию. Вероятно, принцип неединственности (или множественности) лингвистических решений справедлив только по отношению к анализу отдельных сторон языковой действитель-

ности, но не для построения пелостной научной картины.

Распространению конвенционалистской концепции способствует и то обстоятельство, что в современном языкознании возрос интерес к проблемам теоретического обоснования самой науки о языке, к вопросам построения лингвистической метатеории или метанауки. Это вполне естественная тенденция развития науки. Но если языковед замыкается только в рамках метатеории, то он неизбежно отрывается от эмпирической основы языкознания, поневоле становится конвенционалистом. Очевидно, что лингвистические понятия должны обладать двоякой соотнесенностью: вопервых, с отражаемыми в них объектами и, во-вторых, с другими понятиями в рамках данной теории. Только при таком условии можно говорить об алекватности понятий.

Утверждению конвенционализма в известной мере способствует существование в современном языкознании огромного терминологического развобоя, отсутствие единого, общепринятого метаязыка лингвистики и вытекающая отсюда необходимость волей-неволей принимать имеющееся положение вещей. Нередко оказывается возможным «переводе о одного лингвистического «метадиалекта» на другой. Но выбор одной из терминологических систем не всегда, очевидно, означает выбор соответствующей теории. Иногда это вызывается лишь стремлением говорить на одном и том же метаязыке, не прибегая к переводу. В лучшем случае здесь можно видеть своеобразный терминологический конвенционализм, который не следует смешивать с конвенционализмом в собственном смысле слова как метолологическим принципом.

Такова ситуация в современном языкознании. Наличие тепденции к принятию на вооружение конвенционалистской концепции ощущается в некоторых лингвистических направлениях и особенно в теоретических построениях имманентного структурализма, стремящегося к изучению системы языка в отрыве от способов ее манифестации. Эта тенденция опасна тем, что она ведет к значительному произволу в построении лингвистических моделей, способствует процветацию эквилибристического подхода и ослабляет внимание к непосредственному анализу языковой действительности, адекватное познание которой является высшей и единственной целью лингвистики. Не подлежит никакому сомнению, что преодоление тенденции к конвенционализму при трактовке реальности языковых единиц и языка в целом является одной из наиболее актуальных задач лингвистики на современном этапе ее развития.

материалы и сообщения

г. к. венедиктов

ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И БОЛГАРСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В основе современного болгарского литературного языка лежат, как известно, говоры восточноболгарского наречия. Роль западноболгарских элементов в структуре современного литературного языка, однако, полностью никем не отрицается, хотя место этих элементов в ней определяется современными учеными по-разному, при этом обычно отмечается и постепенное их увеличение в структуре литературного языка. Бесспорно, что главенствующая роль Софии в общественно-политической и культурной жизни страны накладывает и, надо думать, будет накладывать и впредь отпечаток на соотношение западно- и восточноболгарских элементов в структуре литературного языка. Отражением постепенного возрастания элементов западного наречия — более заметных в устной речи. чем в письменном языке интеллигенции из западных областей Болгарии, являются, между прочим, требования многих современных деятелей культуры признать некоторые особенности западных говоров в качестве нормы литературного языка. Несмотря на очевидную тенденцию некоторого усиления роли западных говоров в современной структуре литературного языка, восточноболгарские элементы по-прежнему занимают в ней главное место, и диалектная основа литературного языка остается, таким образом, восточноболгарской 1.

Что касается более точной — в пределах восточного наречия — локализации диалектной основы, то обычно указываются северо-восточные диалекты или один из диалектов (говоров) северо-восточной Болгарии. Так, анализ и обобщение данных, содержащихся в исследованиях по истории литературного языка, позволяют, как отмечает Л. Андрейчин, «яснее, чем до сих пор, увидеть... восточную (северо-восточную) диалектную основу современного литературного языка» ². Большинство ученых в настоящее время считает, что этот язык сформировался на более узкой диалектной основе, а именно на базе балканского диалекта (Л. Андрейчин, С. Стойков, С. Стоянов, Х. Кодов и др.) ³. Иногда указывается и еще

¹ См.: Л. А и д р е й ч и и, Взаимодействие между народен език и книжовни влияния при формирането на новобългарския книжовен език, БЕ, 1963, 4, стр. 346.

² Л. Андрейчин, Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, «Славистичен сборник», София, 1963, стр. 168. См. также: Л. Андрейчин, На езиков пост, София, 1961, стр. 31—32 (на стр. 66 этой книги, впрочем, говорится о «восточных болгарских говорах» вообще, на основе которых возник литературный язык).

³ Нужно отметить, что, по мнению некоторых ученых, термины «северо-восточные говоры», «северо-восточные балканские говоры», которыми обозначаются утвердив-

более узкая диалектная база литературного языка, например, центральный балканский диалект (С. Стойков) или тырновский говор (Л. Андрейчин, С. Б. Бернштейн).

Что же касается причин выдвижения говоров восточного наречия в качестве основы литературного языка, то они имеют внелингвистический характер. Главная из непосредственных причин состоит в том, что большинство писателей и других книжников того времени, когда складывались и утверждались его нормы, были родом из восточной Болгарии. На эту именно причину уже издавна указывают многие историки болгарского литературного языка 4. Правда, есть некоторые различия в определении этого важного фактора. Одни ученые говорят о большинстве писателей или о большей части писателей, другие — о писателях преимущественно из восточных областей Болгарии. В одних случаях речь идет просто о писателях, в других — о наиболее крупных или выдающихся писателях, в третьих — не только о писателях, но и о других деятелях эпохи Возрождения (учителях, авторах учебной литературы, активных участниках перковной борьбы и др.).

Само то обстоятельство, что большая часть писателей и других книжников, прямо или косвенно причастных к устройству литературного языка, была родом из областей восточной Болгария и, следовательно, утверждала восточные (северо-восточные) говоры как язык школ, литературы и т. д., не было случайным. Оно объясняется историко-экономическими условиями, которые сложились на болгарских землях к середине XIX в. и которые характеризуются тем, что именно область центральной части Старой Планины и Средней Горы стала экономическим (торгово-промышленным) центром болгарских земель. Ведущее положение этой области в экономической жизни формировавшейся нации привело к тому, что восточноболгарский элемент постепенно утверждается и в других сферах — культурной и политической — жизни болгар. В таких условиях восточноолгарская речь постепенно и утвердилась в качестве «естественной базы оформления общенациональной литературной системы языка» ⁵.

Однако глубокое и всестороннее исследование всего комплекса внелингвистических причин, обусловивших общий характер и специфические особенности функционирующего ныне литературного языка, в том числе и его восточноболгарскую диалектную основу, остается одной из важных залач не только языковедов — историков литературного языка, но и специалистов в области истории, литературы, культуры эпохи Возрождения. До недавнего времени изучение формирования этого языка было уделом почти исключительно языковедов, которые, однако, исследуя эту проблему, недостаточно глубоко и конкретно разрешали вопрос о связи формирования и развития литературного языка с историей народа и ограничивались, как правило, более или менее общими констатациями историко-культурных факторов, определивших характер и диалектную основу интературного языка. Что касается историков эпохи Возрождения, то они рассматриваемой здесь проблеме почти совсем не уделяли внимания 6, причем и в последние годы в конкретном исследовании внелингви-

шиеся в качестве основы литературного языка говоры, не совсем удачны, ибо территориальное положение этих говоров не вполне соответствует географическому понятию «северо-восточная Болгария». В. Георгиев считает, что более удачен и потому предпочтительнее для обозначения этих говоров термин «центрально-восточные говоры» (см.: В. Геор гиев, И. Дуриданов, Езикознание, 2-е изд., София, 1965, стр. 269).

⁴ См.: Л. Андрейчин, Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзкат с историческите условия на нашето Възраждане, БЕ, 1955, 4, стр. 313.

⁵ Там же. ⁶ См. об этом: там же, стр. 311.

стических причин формирования литературного языка не произошло существенных сдвигов. Однако нельзя не отметить того, что необходимость совместного изучения этих причин в настоящее время осознается и самими историками. Так, В. Паскалева, указывая, что «настало время объединить усилия историков и языковедов в разработке этого важного вопроса», отмечает некоторые общие недостатки в существующей языковедческой и филологической литературе, посвященной данному вопросу, и с полным основанием констатирует, что для его решения «языковедам не хватает во многих случаях исследований в области истории болгарской культуры», а «историкам — исследований в области истории болгарского литературного языка» 7.

Предлагаемый ниже обзор болгарских печатных изданий эпохи Возрождения может послужить одним из материалов для исследования проблемы формирования современного литературного языка и языковедами и историками. Цель этого обзора -- определить территориально-диалектную принадлежность авторов печатных книг эпохи Возрождения, общее количество авторов и изданных ими книг, «приходящихся» на долю отдельных диалектов (говоров). Полученные данные, несмотря на их предварительное и вспомогательное значение, позволят более обоснованно судить о некоторых важных вопросах истории современного болгарского литературного языка. К их числу относится, в частности, и вопрос о более узкой локализации диалектной основы формировавшегося в эпоху Возрождения литературного языка, а также вопрос о том, какими на деле были возможности у отдельных болгарских диалектов утвердиться в качестве его основы в существовавших тогда условиях и каковы были их реальные возможности воздействовать на его развитие.

По вопросу о более узкой локализации диалектной основы литературного языка среди ученых, как известно, нет единого мнения. Указание же просто на восточное или даже на северо-восточное наречие как на основу этого языка, которым нередко, особенно в прошлом, дело и ограничивается, слишком общо и неточно, ибо оно нивелирует вклад отдельных диалектов (говоров) восточной Болгарии в создание норм литературного языка. В свое время С. Младенов ставил в упрек А. Теодорову-Балану то, что, указывая на восточную диалектную основу литературного языка, тот не определял точнее, какие именно говоры восточного наречия имеются в виду 8. Полтора десятилетия назад Л. Андрейчин писал: «Задача будущих более конкретных лингвистических и исторических исследований будет состоять в том, чтобы установить более точно диалектную территорию, на которой возник болгарский литературный язык: указание на восточноболгарские или уже — на северовосточноболгарские или же на балканские говоры — в данном случае очень общо» 9. Эта задача не утратила своей актуальности и в настоящее время, несмотря на то, что за истекшие годы был опубликован ряд ценных исследований Л. Андрейчина и других ученых, в которых рассматривается проблема диалектной основы современного литературного языка.

Относительно роли и места отдельных диалектов и говоров (исключая центральный балканский и некоторые другие) в окончательном формировании современной структуры литературного языка имеются лишь общие утверждения в том смысле, что и другие диалекты (говоры) тоже прини-

Л. Андрейчин, Някои въпроси..., стр. 313.

⁷ В. Паскалева, Занякои особености и фактори в образуването на българската нация през първата половина на XIX в., «Известия [на Института за история при Българската академия на науките]», 16-17, 1966, стр. 432.

⁸ С. Младенов, Основни и второстепенни выпроси из новобытарска граматика, «Списание на Българската академия на науките», 38, 1934, стр. 53.

мали участие в этом важном процессе и что некоторые из них явились источником отдельных элементов этой структуры (например, македонское происхождение деепричастий на -йки). Пожалуй, больше известно о роли западноболгарских диалектов (говоров), которые, однако, рассматриваются обычно недифференцированно и как целое (западное наречие) противопоставляются или сопоставляются с восточными говорами как другим целым (восточным наречием). Не случайно Л. Андрейчин, приступая к характеристике некоторых структурных особенностей современного литературного языка и роли «различных диалектных разновидностей народной речи» в его создании, делает существенную и весьма показательную в этом отношении оговорку, что «понятиями восточные и западные говоры пока приходится пользоваться по необходимости в более общем смыслев 10.

Целесообразность обзора всей книжной продукции эпохи Возрождения в указанном выше плане диктуется и тем обстоятельством, что и утверждение определенной диалектной основы литературного языка, и нормализация его в целом шли главным образом и прежде всего книжным (письменным) путем — через книгу, журнал, газету, через печатное слово писателей, грамматистов, публицистов, издателей и др. Несмотря на существовавший в течение нескольких десятилетий XIX в. значительный разнобой в языке (в грамматике, орфографии и др.) самих печатных изданий, последние вместе с тем были в конечном счете основным средством преодоления этого разнобоя и установления единых и общеобязательных для образованных болгар норм языка. Именно на страницах печатных изданий главным образом ломали копья и оставляли следы приверженцы разных точек зрения («доктрин») на характер и нормализацию литературного языка, здесь одни диалекты теснили другие, здесь же были выработаны и установлены основные положения действующей и ныне «конституции» литературного языка. Кроме книжного пути (через печатную книгу), литературный язык в целом и его диалектная основа, в частности, утверждались также и устным путем. Однако этот путь имел бесспорно второстепенное, гораздо менее существенное значение, чем книжный.

Предпринимая обзор печатных изданий на болгарском языке эпохи Возрождения с указанной выше целью, мы исходим из того, что в условиях складывания единых норм болгарского литературного языка на основе народно-разговорной речи (при том, что с самого начала этого процесса не был выдвинут определенный диалект в качестве общепризнанной основы этого языка) авторы книг и других сочинений, как правило, широко отражают в них особенности своих родных говоров, а нередко и пишут на чистом диалекте. Собственно говоря, включение особенностей тех или иных местных говоров в формировавшийся общеболгарский литературный язык могло происходить прежде всего и главным образом благодаря книжной деятельности уроженцев территорий соответствующих говоров. Авторов печатных книг можно поэтому в принципе рассматривать как своего рода репрезентантов их родных диалектов (говоров), принимавших участие в формировании литературного языка. Имея это в виду и зная, уроженцами каких мест были авторы, можно составить предварительное, но достаточно обоснованное суждение о том, какие диалекты (говоры) нашли или по крайней мере могли найти отражение в письменности данной эпохи, и тем самым выяснить, какие диалекты (говоры) могли реально принять участие в междиалектной конкурентной борьбе за право составить основу литературного языка.

¹⁰ Л. Андрейчин, Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, стр. 155.

Разумеется, даже в условиях складывания единых норм литературного языка и утверждения его диалектной основы само по себе место рождения авторов еще не может или далеко не всегда может говорить о безусловном — пироком или ограниченном — отражении ими родного диалекта (говора) в своих оригинальных или переводных сочинениях. В каждом конкретном случае могут быть свои особенности как в следовании автором родному говору, так и во включении им в язык собственных сочинений (переводов) элементов иных говоров. Сами данные о местах рождения авторов самостоительных или переводных печатных книг, следовательно, могут иметь в некоторых случаях лишь относительное значение для выяспения вопроса о диалектной принадлежности языка (основы языка) этих книг и об утверждении определенной диалектной основы илтературного языка в целом. Здесь необходимо учитывать, прежде всего, следующее.

Во-первых, авторы (переводчики) отдельных книг не могли последовательно отражать особенности говора местности, из которой они происходит, в силу разных обстоятельств. Хорошо известно, например, что, покинув родной город или село и находясь в течение длительного времени за пределами распространения родного говора (нередко и в иноязычном окружении, что было весьма характерно для жизни немалого числа болгарских деятелей эпохи Возрождения), автор мог забыть или знать очень плохо родной говор, точнее — говор места своего рождения. Естественно, что такие авторы, стараясь писать чисто по-болгарски, вносили в язык своих сочинений элементы других говоров, известные им из общения с

болгарами иных областей или из печатных изданий.

Во-вторых, известно, что некоторые авторы обучались в нескольких иколах и у разных учителей, представлявших разные диалектные области Болгарии и придерживавшихся различных взглядов на характер литературного языка вообще и на его диалектную базу, в частности. Естественно, что это обстоятельство накладывало известный отпечаток на отношение таких авторов к особенностям их родного и других (неродных) говоров и к отражению особенностей этих говоров в их сочинениях.

В-третьих, некоторые авторы, как известно, сознательно пытались синтезировать особенности разных говоров, так что основа языка их произведений в большей или меньшей стецени оказывалась полидиалектной. Правда, в языке с подобного рода синтезированной, полидиалектной основой все же особенности одного говора обычно выступают более ярко, создавая впечатление о главенствующем месте этого говора в языке про-

изведений.

В-четвертых, язык отдельных авторов не был неизменным в отражении особенностей их родных говоров. По мере стабилизации норм литературного языка на центрально-балканской диалектной основе некоторые авторы, ранее широко вводившие в язык своих произведений местные особенности, начинают ограничивать употребление или вообще отказываются от употребления специфических, узколокальных элементов родного говора и взамен них начинают использовать элементы системы литературного изыка, утверждавшейся на указанной диалектной основе. Наряду с этим постепенная стабилизация норм литературного языка приводила к тому, что другие авторы уже с самого начала своей литературной (переводческой и др.) деятельности, т. е. в первых своих произведениях, могли, а в известной мере уже и должны были следовать нормам именно этого языка, отказываясь тем самым в большей или меньшей степени от особенностей своих родных говоров.

Следует иметь в виду и такое важное обстоятельство как влияние книжной (письменной) традиции, которое несомненно сказывалось, хотя и не

в одинаковой степени у разных авторов, на известном преодолении (по крайней мере в письменной разновидности складывавшегося литературного языка) отдельных локальных диалектных черт, особенно звуковых.

Мы отдаем себе отчет, таким образом, в том, что диалектную основу языка печатных сочинений эпохи Возрождения не всегда и далеко не в полной мере могут представлять говоры места рождения их авторов, и в том, следовательно, что между местом рождения авторов и утверждением определенной диалектной основы литературного языка в целом нельзя усматривать абсолютно прямой зависимости.

Несмотря на указанные и некоторые другие, не указанные здесь, оговорки, представляется все же целесообразным рассмотреть вопрос о том, какой была реальная доля участия диалектных областей Болгарии в «поставке» авторов разного рода печатных сочинений на болгарском языке и каким был абсолютный и относительный вклад авторов этих областей в издание книг — наиболее существенной сферы функционирования письменной разновидности складывавшегося литературного языка в эпоху

Возрождения.

Общее количество авторов и изданных ими книг было установлено по самому полному библиографическому указателю литературы эпохи Возрождения, составленному М. Стояновым 11. В этом указателе под фамилией каждого «книжника» (болг. «книжовник») — писателя, переводчика, книгоиздателя и пр. - указаны «все материалы (книги, статьи, корреспонденции, художественные произведения, заметки, объявления и др.), о которых известно, что они им написаны, переведены или переработаны или автором которых его как издателя, лица, заботившегося об издании или оплатившего расходы по изданию книги и др., можно счесть в соответствии с принятым расширенным понятием "книжника"» 12.

Нужно, однако, иметь в виду, что, желая «оказать помощь будущим исследованиям», составитель БВК при некоторых авторах «поместил и кое-какие сомнительные работы с соответствующей пометой» (БВК, I, сто. Х). Так, авторство некоторых книг в БВК дано со ссыдкой на мнение других исследователей (А. Теодорова-Балана, В. Погорелова, Н. Начова и др.). Например, перевод Б. Петковым брошюры «Нещо за безграмотните человеци» (1-е изд., Смирна, 1843; 4-е изд., Цариград, 1862) указан со ссылкой на Н. Начова (БВК, I, стр. 283). В редких случаях в БВК указываются разные точки зрения на авторство одной и той же книги, одну из которых принимает и составитель БВК. Так, брошюра «Психология или душесловие за учение на децата» (1-е изд., Смирна, 1844; 3-е изд.,

¹¹ М. Стоянов, Българска в зрожденска книжнина, I—II, София, 1957— 1959 (далее: БВК). После выхода в свет этого указателя было обнаружено еще небольшое количество книг на болгарском языке, изданных до Освобождения Болгарии. О некоторых из таких книг, хранящихся в библиотеках СССР, мы уже имели случай сообщить. О других нам известно, что они хранятся в Отделе рукописсії и старопечат-ных книг в Софийской библиотеке им. Кирилла и Мефодия. Число вновь найденных книг невелико, и поскольку их авторство за редким исключением нам не известно,

они здесь не принимаются во внимание. 12 БВК, I, стр. Х. М. Стоянов, таким образом, несколько расширительно понимает авторство, распространяя его и на такие издания, о которых фактически нет точных данных о бесспорной принадлежности их текста определенным лицам. Действительно, только сведения о том, что данное лицо является издателем книги или что оно финансировало ее издание, не могут быть убедительным доказательством принадлежности его авторства именно этому липу. Это касается прежде всего некоторых изда-ний известных болгарских книгоиздателей— Н. Иовановича, Х. Данова, Д. Манчева и др. Но так как в каждом конкретном случае невозможно установить, когда составитель БВК при определении авторства отдельных книг опирается на совершенно бесспорные данные об авторстве, а когда на менее достоверные, то исключить такие издания из дальнейшего обозрения не представляется возможным, и мы во всех таких случаях следуем за М. Стояновым.

Цариград, 1861), по мнению Н. Начова, переведена Б. Петковым, а по мнению И. Шишманова — К. Фотиновым. Составитель БВК принимает точку зрения Н. Начова. Во всех аналогичных случаях мы принимаем в качестве автора сочинения или перевода того, кто указан в БВК.

Хронологические рамки нашего обозрения ограничиваются 1806—1877 гг.: выходом в свет в 1806 г. первой болгарской печатной книги, какою был известный «Кириакодромион», или «Недельник» Софрония Врачанского ¹³, с одной стороны, и Освобождением Болгарии (1877—1878 гг.), с другой стороны. Таковы хронологические рамки библиографии, содержащейся в БВК ¹⁴. В истории современного болгарского литературного языка это в общем именно тот период, представляющий начальную стадию его развития, когда был определен тип литературного языка, базирующийся прежде всего на народно-разговорной речи, и установлена его диалектная основа и когда стабилизировались его важнейшие нормы (прежде всего в области грамматики и в меньшей мере в области лексики и орфоэпии, а также и орфографии).

При определении круга принимаемых во внимание авторов и изданных

ими книг нами сделаны некоторые необходимые ограничения. В отношении авторов ограничения сводились к следующему.

Во-первых, во внимание принимались только те болгарские авторы, кто издал хотя бы одну книгу или брошюру на болгарском языке, и лишь те из них, родным языком которых был болгарский. Болгары — авторы книг только на иностранных языках (турецком, румынском, русском и др.) из нашего обозрения исключаются, ибо их книги стояли, по понятным причинам, совершенно в стороне от развития болгарского литературного языка. Авторы же, родным языком которых не был болгарский, также не учитываются, ибо болгарский язык их произведений без специального изучения трудно отнести к определенной диалектной территории. Исключение сделано только для родившегося в Мелнике Е. Васкидовича — автора нескольких книг, который, хотя и был, по-видимому, греком по национальности (см. БВК, І, стр. 44), сыграл заметную роль в развитии просвещения в Болгарии в 30-50-е годы. Авторов не болгар, издавших книги на болгарском языке, было четверо: двое сербов - К. Огнянович и Р. Душманова, один русский — Г. М. Владикин и один армянин — Т. Дивитчиан. Наиболее известными среди них были бесспорно К. Огнянович и Т. Дивитчиан, внесшие значительный вклад в болгарское книгопечатание как книгоиздатели и владельцы болгарских типографий. К. Огнянович был известен и как автор-составитель популярных в свое время книг-календарей.

В обозрение включены, во-вторых, только те болгары — авторы книг на болгарском языке, место рождения которых известно, и оно было в пределах болгарской языковой территории. Место рождения принимается то, которое указано в БВК в краткой биографической справке об авторе. При отсутствии соответствующего указания в справке место рождения некоторых авторов условно устанавливается нами на основании содержащихся в книгах (обычно в их полных титульных названиях) данных типа шюменец, панагюрец и под. [ср., например: «Наредил и издал Иван Попдойчов (панагюрец)», «Издава х. Иордан Х. Вълков, пиомении» и пр.] или типа «от Шумен», «от Шип» (ср.: «Мадал Константин

14 Издания 1878 г. нами не учитываются, потому что, как это отмечает и М. Стоя-

нов (см. БВК, І, стр. 496), список изданий за этот год в БВК неполный.

¹³ Впрочем вполне возможно, что фактически первой болгарской печатной книгой, увидевшей свет, был не «Кирвакодромиов» Софрония Врачанского, а вышедший в том же году «Молитвенный крин», в настоящее время известный пока только по библиографическим и некоторым другим, весьма скудным, данным.

Анастасов от Щип» и др.), которые обычно свидетельствуют о происхождении (месте рождения) лиц из соответствующих населенных пунктов

(в данных примерах — из Шумена, Панагюриште и Штипа).

Авторы, место рождения которых неизвестно, и авторы, родившиеся вне пределов болгарской языковой территории, из обзора исключаются. К числу авторов с неустановленным местом рождения отнесены и те. о которых БВК сообщает данные о месте их жизни, общественной и прочей деятельности, например: «живял в Плоещ и Олтеница» (А. Чернев), «учител и книгоиздател в Котел» (Д. Великов), «училищен и читалищен деец в Цариград» (Н. Богданов), «учител и общественик в Пазарджик и Одрин» (К. Василиев), «учител в Аджар (Снежен), Карловско» (С. Маринов), «печатар и журналист в Цариград» (И. Дочков), «ескизагарски економ» (Н. Зафиров) и др.; ср. также и «преселен от Макелония в Търново» (А. Никопит). Такие данные явно недостаточны для установления места рождения упомянутых здесь и некоторых других авторов. К числу авторов неизвестного места рождения относятся и несколько полуанонимных, например: Петър К., Петрович, П. И. Ст-в; ср. также: А. А., А. П., И. К. А., Н. Г. М., С. Г., С. К. и даже «Искренний ваш приятел». Общее число авторов, место рождения которых не установлено, довольно значительно — 55. Их перу принадлежит 80 изданий. Большинство из них издало по одной книге. Это, как правило, малоизвестные или почти неизвестные деятели Возрождения, за исключением, пожалуй. только Василия Неновича и Димитрия Тошковича.

Авторов болгар, родившихся вне пределов болгарской языковой территории, немного — 16. Их перу принадлежит 27 изданий. В числе этих авторов шесть уроженцев Баната, один уроженец Сербии, один уроженец Румынии, семь уроженцев России (Бессарабия, Приазовье), один уроженец Иерусалима. Эти авторы исключаются из обозрения потому, что «привязать» их к определенному пункту метрополии или вообще невозможно без тщательного специального анализа языка их книг, или можно лишь условно (например, М. Пашова, родившегося в Иерусалиме, можно было бы условно отнести к уроженцам Сливена, а И. Мынзова, родившегося в Браиле,— к уроженцам Лясковца на том основании, что родители первого были родом из Сливена, а родители второго — из Лясковца).

В отношении самих изданий ограничения сводятся к следующему. Во-первых, во внимание приняты, естественно, только издания на болгарском языке, включая и такие, которые можно было бы охарактеризовать как церковнославянско-болгарские, т. е. такие, в которых наряду с элементами народно-разговорной речи выступают — в большей или меньшей мере — и элементы церковнославянского языка (произведения Софрония Врачанского, Кирилла Пейчиновича, некоторые произведения Христаки Павловича и др.). Однако издания на собственно церковнославянском языке (преимущественно псалтыри, часословы и другие издания обогослужебного содержания) из обзора исключены, поскольку они непосредственно не влияли на утверждение определенной диалектной базы литературного языка.

Во-вторых, по указанным выше причинам, не приняты во внимание издания на болгарском языке не болгар, а также болгар, родившихся вне Болгарии, и болгар, место рождения которых не установлено, а также довольно многочисленная группа (свыше 250) анонимных изданий 15. Примерно треть из них составляют разного рода издания обществ и организаций, школ, правительственных и церковных учреждений и др. К ним по существу примыкают и такие издания, в качестве авторов которых ука-

¹⁵ Список этих изданий см. в БВК, I, стр. 385-398.

зано несколько лиц, место рождения которых — всех или части из них — может быть и известно. Подобные издания не могут быть отнесены к определенному пункту (или нескольким пунктам) на карте, так как неизвестно, кто именно из указанных соавторов писал соответствующий текст или каково участие каждого из них в составлении текста. В тех случаях, когда издание имеет двух соавторов, условно принимается, что они оба в равной мере являются авторами текста, и потому такое издание учитывается дважды.

В-третьих, не приняты во внимание и такие издания, в которых собственно авторского текста (оригинального или переводного) практически нет. Речь идет о географических атласах, библиографических списках, изданных или находившихся в продаже книг, так называемых «Взаимно-

учительных таблиц» (для обучения письму) и др.

В-четвертых, не включены в обзор также издания, которые известны только по рекламным объявлениям в газетах и журналах или из других источников и фактический выход в свет которых не подтверждается достоверными данными. Однако здесь учтены издания, приведенные в БВК со ссылкой на авторитетные библиографические указатели В. Погорелова, А. Теодорова-Балана и др.

Посмотрим теперь, по каким географическим областям и по территориям каких диалектов (говоров) распределяются авторы и изданные ими

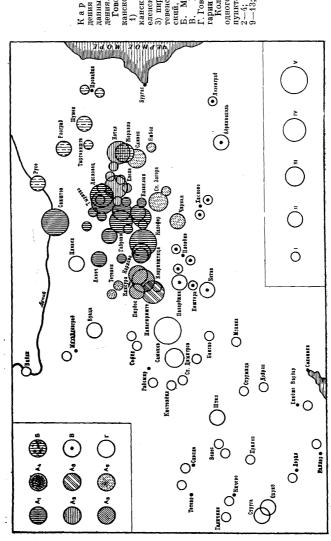
книги в целом за время с 1806 г. по 1877 г.

Всего за этот период, согласно списку БВК, увидело свет 1832 издания ¹⁶. В соответствия с указанными выше ограничениями из обзора мы исключаем 580 изданий. Таким образом, общее число изданий, которые принимаются во внимание ниже, составляет 1252. Эти издания принадлежат перу 263 авторов.

Уже карта № 1, изображающая «географию» мест рождения авторов. наглядно показывает крайне неравномерное их распределение по областям Болгарии и соответственно по территориям разных диалектов. Обращает на себя внимание совсем незначительное число авторов возрожденческой литературы, родившихся во Фракии, и полное отсутствие уроженцев причерноморских районов. Показательно, например, что среди 263 авторов с установленным местом рождения нет ни одного уроженца Пловдива, болгарское население которого до середины XIX в. находилось под сильным греческим влиянием. Среди возрожденческих авторов не находим и уроженцев тех областей, которые до Освобождения Болгарии были заселены преимущественно турецким или болгаро-мусульманским населением (отдельные области в северной Болгарии, Родопы и др.). Довольно слабо представлены авторами некоторые области западной Болгарии, особенно ее северо-запад. Отметим также, что София — нынешняя столица Болгарии - дала болгарскому Возрождению только одного автора -М. Лазарова, который издал в 1858 и 1866 гг. две небольшие книжки. Другой автор (Г. Йошев) — родом из софийского села Сеславци — издал три книги (1850—1861 гг.). Всего софийский край за все время болгарского книгопечатания по Освобождения дал, таким образом, только двух авторов с пятью книгами. Возможно, авторов-софиянцев (как, впрочем, и уроженцев иных мест) было несколько больше, если допустить, что они входят и в число авторов с неустановленным пока местом рождения. Но

¹⁶ Все повторные издания одной и той же книги (брошюры) рассматриваются как отдельные издания (библиографические единицы) независимо от того, изменялся ли текст книги в разных изданиих или нет. Тома (части) книг рассматриваются в качестве отдельных изданий, если они имеют в БВК самостоятельное библиографическое описание.

⁶ Вопросы языкознания, № 4

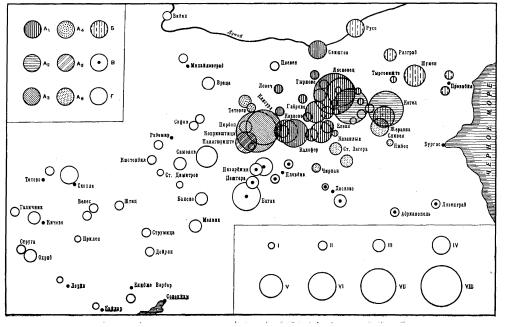

Карта 1. Места рождения авторов книг, изданных в эпоху Возрождения.

Говоры. А. Говоры балканского диалекта:

1) пентрально-балканский, 2) котельскоеленско - дриовский, 4) гоговенский, 5) панатърский, 6) подбалканский; б. Мизийские говоры; В. Рупские говоры; Г. Говоры западной Болгарии и Македонии.

гарии и македонии. Количество авторов из одного населенного птинта: I — 1, II — 2—4; III—5—8; IV— 9—13; V—14 и более

6

Карта 2. Количество изданных в эпоху Возрождения книг (по месту рождения их

авторов). Говоры. А. Говоры балканского диалекта: 1) центрально-бал-ка с й, 2) котельско-еленско-дряновский, 3) пирдопский, 4) тетевенский, 5) панагюрский, 6) подбалканский; Б. Мизийские говоры; В. Рупские говоры; Г. Говоры западной Болгарии и Македонии. Количество книг авторов из одного населенного пункта: I-1, II - 2 - 5, III - 6 -15, IV -16 - 30, V-31-45, VI-46-70, VII-71-105, VIII-

и при таком допущении вряд ли могут быть сомнения в том, что до Освобождения Болгарии София не играла и не могла играть сколько-нибудь заметной роли в формировании литературного языка.

метнои роли в формировании литературного изыка
Как же распределяются авторы по областям?

На долю восточной Болгарии (включая и Фракию) приходится 211 авторов, а на долю западной Болгарии вместе с Македонией — 52, из которых 21 автор был родом из Македонии. Уроженцы восточноболгарских районов, таким образом, в четыре раза превышают число авторов — выходцев из западной Болгарии и Македонии, вместе взятых.

Таблица 1

Место рождения авторов	Кол-во авторов	Кол-во издан- ных книг
Видин	1	1
Михайловградско ¹	1	3
Плевен	2	5
Враца	2	8
София и Софийско	2	5
Радомирско	1	2
Кюстендил и Кюстен-	2	4
Станке Димитров и Стан- кедимитровско	6	16
Самоков	14	42
Bcero	31	86

¹ В этой и других таблицах названия сел не указываютсяа даются только названия бывших околий.

Еще более разительны различия в количестве книг, падающих на долю уроженцев отдельных областей (см. карту № 2). Если уроженцами западной Болгарии в рассматриваемый период было напечатано 86 книг, а уроженцами Македонии 92 книги ¹⁷, то уроженцами восточной Болгарии за это же время было напечатано 1074 книги. Иными словами, общее число книг авторов из восточной Болгарии в шесть раз превышает число книг, изданных авторами западной Болгарии и Македонии, вместе взатыми.

Распределение авторов возрожденческих изданий по диалектным территориям ¹⁸ выглядит следующим образом.

Из числа диалектов западной Болгарии в изучаемом отношении наиболее представительны некоторые юго-западные — самоковский, станкедимитровский, кюстендильский (см. табл. 1 и карты 1 и 2). Территория этих диалектов дала наибольшее число авторов (22 из 31 уроженца запад-

18 О современном делении народных говоров Болгарии см. в кн.: С. С той ков, Българска диалектология, 2-е изд., София, 1968.

¹⁷ Издания уроженцев Македонии мы рассматриваем как издания на болгарском языке. В их языке нашли отражение различные особенности местных говоров Македонии, подобно тому как особенности других болгарских говоров (например, балканских) отразвлись в книгах уроженцев их территорий. Литературная обработка говоров Македонии в рассматриваемый период представляет собой часть общего процесса создания болгарских питературного языка, едивого для всех областей болгароявычной территории — Мизии, Фракии и Македонии. Возможность такого рассмотрения языка книг, изданных уроженцами Македонии, допускают и те ученые, которые зарождение македонского литературного языка видят уже в книжной деятельности македонских авторов прошлого века. См., например: Н. И. Т о л с т о й. Страничка из истории македонского литературного языка вкрат уже в книжной деятельности македонских авторов прошлого века. См., например: Н. И. Т о л с т о й. Страничка из истории македонского литературного языка, «Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР», 43, 1965, стр. 18.

ной Болгарии), на долю которых приходится почти три четверти (62 из 86) книг. Среди этих авторов были и такие видные деятели Возрождения, как Х. Павлович (род. в Станке Димитрове), К. Фотинов, Х. Сичан-Николов, книгоиздатель Н. Карастоянов (род. в Самокове), каждый из которых особенно Х. Павлович и К. Фотинов — внес свою лепту в историю формирования литературного языка.

Относительно других западноболгарских диалектов (видинско-ломского, белослатинско-плевенского, врачанского, софийского) можно сказать,

что практически они не могли играть никакой роли в формировании литературного языка. Слишком мало было и число авторов из областей распространения этих диалектов (к тому же среди этих авторов не было особенно крупных писателей, учителей и др., за исключением, пожалуй, только К. Пишурки из Врацы) и количество изданных ими книг, чтобы данные диалекты могли наложить свой отпечаток на создававшуюся систему норм литературного языка.

Не менее разрознена и «география» авторов (см. табл. 2 и карты 1 и 2), представляющих основные макелонские диалекты скопско-велесский. прилепско-битольский, охрипский, разложский. Макепонские земли были родиной многих видных деятелей болгарского Возрождения, принимавших непосредственное участие в выработке общего для всех болгар литературного языка (Н. Рильский из Банско, К. Шапкарев из Охрида,

Таблица 2

Меото рожде- ния авторов	Кол-во авто- ров	Кол-во изданных книг	
Мелник	1	10	
Банско	1 1	13 4	
Струмица Дойран	1	4	
Штип	2	4	
Скопско Тетовско	1	17 2	
Галичник	1	3	
Кичевско	1 1	13	
Ве <i>лес</i> Охрид	2 3	10	
Струга	2	2	
Пр ил еп Леринско	1	1	
Кайларско	1	3	
Ениджевар- дарско	1	1	
Bcero	21	92	

П. Зографский из Галичника, Р. Жинзифов из Велеса и др.). Нужно отметить также, что из Макелонии происходят и одни из первых авторов печатных болгарских изданий — К. Пейчинович (род. в Тетовско), И. Кырчовский (род. в Кичевско), а также издатели первого крупного сборника народных песен — братья Д. и К. Миладиновы из Струги.

Преобладающую часть авторов, как сказано выше, составляют уроженцы восточных областей Болгарии. На долю этих авторов приходится и преобладающая часть всей печатной книжной продукции эпохи Возрождения. Поскольку именно восточные говоры (точнее — часть их) составили основу литературного языка, на «географии» авторов из этих диалектных территорий необходимо остановиться подробнее.

О количественном распределении авторов по территориально-диалектной принадлежности и их изданий дают наглядное представление табл. 3 и карты 1 и 2.

Даже беглого вагляда на карты 1 и 2 и табл. З достаточно, чтобы убедиться в том, что большинство авторов и изданных книг падает на территорию балканских говоров. Как известно, в настоящее время эти говоры занимают обширную территорию восточнее границы t, охватывая значительную часть придунайской равнины и Добруджу, область Старой Планины и Средней Горы и большую часть Фракии. На севере они достигают Дуная, на юге — склонов Родопских гор, а на востоке почти доходят до Черного моря 19. На территории этих говоров родились 179 авторов

¹⁹ С. Стойков, указ. соч., стр. 72 и сл., карта на стр. 291. Территориальное распространение других говоров дается ниже в соответствии с данными этого труда С. Стойкова.

Таблина 3

Диалект	Говор	Место рождения автора	Кол-во авторов	Кол-во издан ных книг
Мизийский		Шумен	4	23
MISMMCMAN		Разград		7
	Провадийско	$\frac{7}{2}$	8	
		Тырговиште	$\frac{2}{2}$	Ĭ
		Pyce	4	16
		Жеравна	ŝ	21
Рупский		Хасковско	2	9
ynonn		Адрианополь	4 5 2 2	2
	Лозенград	1	3	
	Пазарджик и Пазар-	•	ľ	
		джикско	4	34
		Пештера	ĺ	7
		Батак		70
		Пловдивско	5	5
Балканский	центрально-балкан-	Карлово	2 2 5	38
ский центрально-оалкан-	Калофер	15	46	
	CKHA	Сопот	4	8
		Троян	1	4
		Трявна	5	14
		Габрово и Габровско	13	29
	Į	Тырново и Тырновско	16	117
ì	Горна Оряховица	10	"i	
		Лясковец	11	62
		Ловеч	13	4
	Севлиево	2	4	
	Павликенско	1	3	
	į	Свиштов	14	25
	Казанлык и Казанлык-	14	20	
	котельско-еленско-	ско	11	40
		Котел	12	74
котельско-сасиско- дряновский ширдопский панагюрский тетевенский подбалканский	Елена и Еленско	14	89	
	Дриновский	Дряновско	1	1
	пирлопечий	Копривштица	10	126
	пирдопскии	Клисура	5	74
	1	Пирдоп	2	7
	Панагюриште и Пана-	-	1 '	
	паназ юрский	гюрско	12	46
	тотононский	Тетевен и Тетевенско	2	14
	Сливен	1 7	20	
	Стара Загора и Старо-	1 ') 40	
	1	загорско	9	18
	1	загорско Ямбол	1	10
	1		2	
		Чирпан	2	3

(из общего числа 211 в восточной Болгарии и 263 по всей Болгарии), которые издали 868 книг (из общего числа 1074 книги авторов восточной Болгарии и 1252 книги авторов всей Болгарии). Иными словами, с территории современных балканских говоров происходит в шесть раз больше евторов, чем с территории остальных восточноболгарских говоров, и в четыре раза больше, чем с территории западноболгарских и македонских говоров. Число книг авторов — носителей балканских говоров превышает в четыре с лишним раза число книг, изданных авторами — уроженцами территории других восточноболгарских говоров, и почти в пять раз превышает общее количество книг, изданных авторами западной Болгарии и Македонии. Если же сопоставить данных по территории балканских говоров со всей остальной болгароязычной территорией того времени, то ока-

жется, что территория балканских говоров дала авторов почти в два раза больше (179 при 84), чем все остальные диалектные зоны, а число книг этих авторов (868) в 2,2 раза больше общего числа книг (384), изданных всеми остальными болгарами. писавшими на родном языке

Что касается авторов — уроженцев территории других восточноболгарских говоров — мизийских и рупских, то они, как это уже следует из сказанного, составляют незначительную часть общего числа восточно-

болгарских авторов; незначительна и доля изданных ими книг.

Так, на территории мизийских говоров (Шумен, Разград, Русе, Провадия, Тырговиште, а также Жеравиа — в центральной части Старой Планины ²⁰) родились всего 18 авторов, издавших 76 книг. Среди них были и известные деятели Возрождения — писатели В. Друмев и Д. Войников из Шумена, учителя Р. Попович и С. Филаретов, активный участник церковной борьбы Т. Икономов из Жеравны и др. Однако литературная деятельность большинства из них протекала в основном в 60 и 70-е годы, когда вопрос о центрально-балканской диалектной основе литературного языка практически был уже решен и когда, следовательно, реальные возможности для утверждения иной, а данном случае — мизийской, диалектной основы в это время были уже довольно иллюзорны, особенно если иметь в виду незначительное число авторитетных писателей и других авторов книг, которые были бы в состоянии утвердить мизийскую диалектную основу для общеболгарского литературного языка.

Еще меньше шансов стать основой литературного языка имели рупские говоры. Территория этих говоров (Хасково, Адрианополь, Лозенград, Пештера, Батак и включаемые сода условно отдельные села Пловдивской и Пазарджикской околий) дала всего лишь 14 авторов, выпустивших в свет 130 изданий, значительная часть которых (96) приходится на долю только двух известных книгоиздателей — Н. Иовановича (род., вероятно,

в с. Аджалий, Пазарджикско) и Д. Манчева (род. в Батаке).

Совершенно естественно, что и слабое представительство носителей мизийских и рупских говоров в общей массе болгарских книжных деятелей эпохи Возрождения и незначительный вес изданных большинством их книг не могли сколько-нибудь заметным образом противостоять утверждению балканских говоров в качестве основы литературного языка»

Посмотрим теперь, какое место в общем числе авторов — уроженцев территории балканских говоров занимают представители отдельных балканских говоров и каков удельный вес той книжной продукци, которая потенциально могла отразить особенности этих говоров. Среди авторов возрожденческой литературы есть уроженцы территорий всех балкан-

ских говоров, кроме еркечского.

Из балканских говоров территориально наиболее распространенным является центральный, или габровско-ловечско-троянский говор. Он охватывает территорию центральной части Старой Планины и Средней Горы. В ареале его распространения находится целый ряд городов, городков и крупных сел, расположенных по обеим склонам Старой Планины и на придунайской равнине: Тырново, Лясковец, Горна Оряховица, Свиштов, Ловеч, Севлиево, Троян, Карлово, Сопот, Калофер, Трявна, Габрово и др. Эти места дали болгарскому книгопечатанию в эпоху Возрождения 102 авторов, издавших в общей сложности 395 книг, — больше, чем ареал любого другого балканского и вообще любого иного болгарского говора. Это составляет немногим менее половины всех авторов печатных книг

 $^{^{20}}$ О принадлежности говора Жеравны к мизийским говорам см.: С. С т о й к о в указ. соч., стр. 76.

эпохи Возрождения и почти треть всех рассматриваемых книг, изданных в это время. Из табл. З видно, что один только Тырново с несколькими окрестными селами дал болгарскому Возрождению 16 авторов, т. е. всего на 5 авторов меньше, чем вся Македония (21), однако общее число книг (117) этих 16 авторов заметно больше числа книг (92), изданных всеми македонскими авторами. А 28 уроженцев только трех расположенных рядом городов — Тырнова, Лясковца и Горной Оряховицы — издали столько книг (180), сколько книг было издано всеми авторами из западной Болгарии и Македонии (178).

Важны, однако, не только количественные показатели, свидетельствующие о бесспорном преобладании в книгопечатании именно центрального балканского диалекта среди прочих диалектов, так или иначе нашедших свое отражение в литературе Возрождения. Не менее, если не более, важно и то, что именно из области распространения центрального балканского диалекта вышли многие крупнейшие деятели этого времени, оставившие глубокий след в истории болгарского книгопечатания и образования, в истории болгарской литературы и формирования современного литературного языка. Пля примера укажем лишь наиболее известных авторов, родившихся на территории центрального балканского говора. В Габрове и его окрестностях родились: В. Априлов, Т. Бурмов; в Трявне — П. Сапунов; в Свиштове — Т. Икономов, братья К. и Д. Цанковы; в Тырнове — Петко Славейков, П. Кисимов, Т. Шишков; в Лясковце — П. Оджаков, Ц. Гинчев, П. Калянджи, И. Касабов, Т. Хрулев; в Карлове — И. Богоров, П. Радов; в Сопоте — К. Луков, И. Вазов; в Калофере — Н. Касапский, Д. Мутев, Е. Мутева, Б. Петков, Х. Ботев, Д. Паничков; в Казанлыке — Х. Ваклидов, И. Найденов.

Заметный вклад в болгарское книгопечатание внесли и уроженцы территории котельско-еленско-дряновского и пирдопского говоров. Первый из них, ранее представлявший обширную диалектную целостнюсть, в настоящее время — вследствие позднейшего передвижения населения навимает незначительную территорию. Это говор Котела, Елены, Дрянова и окрестных селений. В ареале данного говора родилось 27 авторов — больше, чем было авторов в Македонии (21), и лишь немногим меньше числа авторов из западной Болгарии (31). Эти 27 авторов издали 164 книги, что только на 14 книг меньше общего числа книг, изданных уроженцами западной Болгарии и Македонии.

Котельско-спенско-дряновский говор был родным говором большого числа крупнейших деятелей болгарского Возрождения. Достаточно напомнить, что в Котеле родились автор первой болгарской печатной книги Софроний Врачанский и автор первой печатной книги на народном языке П. Берон. Здесь же родились выдающиеся борды за национальное Возрождение и освобождение Неофит Бозвели и Г. Раковский и другие известные деятели прошлого века, например, Г. Крыстевич, А. Гранитский, С. Изворский. Елена и близлежащие селения были родиной одного из первых болгарских авторов-перводчиков С. Кипиловского и автора одной из лучших накануне Освобождения грамматик болгарского языка — И. Момчилова, а также С. Бобчева и других известных авторов.

Весомым был вклад в болгарское книгопечатание и представителей пирдопского говора, на котором говорят жители Клисуры, Копривштицы, Пирдопа и соседних с ним сел. Всего территория этого говора дала 17 авторов (10 из Колривштицы, 5 из Клисуры и 2 из Пирдопа), выпустивших в свет 207 изданий, из которых 126 падает на долю копривштинцев, а 74— на долю уроженцев Клисуры. Среди этих авторов много крупнейших деятелей болгарского Возрождения. Так, в Копривштице родились Н. Геров, Й. Груев, Л. Каравелов, в Клисуре— один из наиболее заслу-

женных книгоиздателей прошлого века Х. Данов, а также И. Блысков, Р. Блысков, М. Балабанов и др.

Менее заметный — по сравнению с указанными выше — след в болгарском книгопечатании до Освобождения оставили авторы, родным говором которых был панагюрский (Панагюриште и окрестные села). Таких авторов было 12, их перу принадлежит 46 изданий. Среди них есть и такие известные деятели, как С. Радулов и М. Дринов, а также В. Чолаков, Н. Бончев и др.

Обширная территория распространения современного подбалканского говора (районы Сливена, Старой Загоры, Новой Загоры, Чирпана, Бургаса) представлена в болгарском книгопечатании 19 авторами, издавшими 42 книги. Большая часть из них была родом из Сливена (7) и Старой Загоры (8). Среди них более известными были С. Доброплодний и Г. Миркович — автор хорошей грамматики (Сливен), Зах. Княжеский и А. Екзарх (Стара Загора).

Всего лишь двумя авторами была представлена территория тетевенского говора (Тетевен и окрестные села). Один из них — М. Кифалов — известен как переводчик книги Ю. И. Венелина «О зародыше новой болгарской литературы».

Приведенные данные свидетельствуют о том, что участие и роль авторов из восточной Болгарии в книгопечатании на болгарском языке и соответственно их потенциальные возможности утвердить восточное наречие в качестве основы литературного языка были несравненно более значительными, чем у авторов — уроженцев западной Болгарии и Македонии. Ясно, что балканские говоры восточноболгарского наречия оказались «вне конкуренции» при утверждении в качестве основы литературного языка. Подавляющая часть авторов, родным языком которых были именно эти говоры, и изданная ими литература, составляющая большую часть всех болгарских книг эпохи Возрождения,— наряду с некоторыми другими причинами — обеспечили балканским говорам сравнительно легкую победу. Ясно также и то, что в установлении норм современного литературного языка главную роль играли центральный балканский, а также котельско-еленско-дряновский и пирдопский (говор Копривштицы и Клисуры) говоры.

из научного наследия

н. дурново

О СКЛОНЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ ВЕЛИКОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ*

І. Существительное и прилагательное

Склоняемые имена в современном русском языке, как в индоевропейском, принадлежат к двум морфологическим категориям: к категории существительных и к категории придагательных. Обе эти категории различались в индоевропейском в том отношении, что прилагательные обладали синтаксической формой согласования в роде, а существительные такой формы не имели. Правда, существительные обладали определенными формами согласования с категорией рода, но эти формы не были синтаксическими, а, напротив, выступали как словопроизводственные реалии. Подобное различие между существительными и прилагательными выражалось только в использовании и в значимости этих форм: сами средства выражения рода прилагательных, по крайней мере в большинстве слов этой категории, не отличались от средств выражения рода в той или иной группе существительных. Так, тематические показатели -о и -а, которые служили для обозначения муж. и жен. рода прилагательных, могли служить показателем тех же родов у существительных: ср. греч. άδελφος и άδελφή, лат. filios и filia, amicus и amica и т. д. Падежные формы прилагательных не отличались от падежных форм существительных того же типа, и с этой точки зрения можно говорить об отсутствии в индоевропейском особого склонения прилагательных.

^{*} Научное наследие выдающегося русского лингвиста Николая Николаевича Дурново (1876—1937) до сих пор не систематизировано и не собрано полностью. Между тем круг интересов Н. Н. Дурново был достаточно широк: общее языкознание, теория грамматики, русская морфология, русская диалектология, история русского языка, старославянский язык, древнерусская литература — таков неполный перечень научных областей, в которых Н. Н. Дурново сказал свое новое слово. Список его трудов и исследований, все еще окончательно не установленный, насчитывает пока 249 единиц (см.: «Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию», 11, под ред. С. Б. Бернштейна и Э. А. Нерсесовой, М., 1968, стр. 88—144). Многие его работы печатались в редких, малотиражных изданиях и оказапись недоступными широкому кругу специалистов. А между тем вялляды Н. Н. Дурново, в частности его мысли о русском словоизменении, не только не устарели, но оказываются весьма актуальными и важными в наши дни. Идеи Н. Н. Дурново были восприняты и заимствованы радом зарубежных и наших исследователей, которые им пользовались и их развивали, притом некоторые из них, к сожалению, не всегда указывали первоисточник. Недавно Институт русского языка» (1-е изд. — Брно, 1927, 2-е изд. — М., 1969) под редакцией и с библиографическими добавлениями Т. А. Сумниковой и Л. Л. Касаткина. К этой книге приложена библиография трудов Н. Н. Дурново (стр. 267—293). Статья «De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne», предлагаемая вниманию читателей «Вопросов языкознания», была впервые опубликована в журнале «Revue des études slaves», 2, 3—4, 1922, стр. 235—255. — Ред.

Различие синтаксической значимости и употребления между прилагательными и существительными обусловило появление в общеславянском особых форм во флексиях прилагательных. Эти новые формы были формами «сложного склонения»; наряду с ними продолжало сохраняться именное склонение, формы которого не отличались от форм склонения существительных. Так возникла особая морфологическая категория склонения прилагательных, четко дифференцированная от склонения существительных составом своих падежных форм.

В истории русского языка процесс дифференциации прилагательных и существительных как в формах, обозначающих падеж, так и в формах, умазывающих на род, был продолжен. Прилагательные стали еще четче отличаться от существительных: 1) в связи с утратой именного склонения прилагательных, кроме прилагательных, обозначающих «принадлежность» (именные формы сохранились только в виде формы атрибута и реже в виде косвенных падежей, выполняющих функцию предиката); 2) в связи с включением в категорию прилагательных принадлежности некоторого числа форм сложного склонения 1. В этих условиях в русском языке практически не осталось прилагательных, все падежные формы которых совпадают с формами именного склонения.

С другой стороны, однако, противоположное явление стало нарушать

полную дифференциацию склонений прилагательного и существительного. Мы имеем в виду субстантивацию прилагательных. Ряд прилагательных перешел в категорию существительных, сохранив сложное склонение; с точки зрения флексии к этому ряду добавились многие существительные, которые никогда не были прилагательными и ранее склонялись по именному типу (кормчий, провожатый и т. д.). Среди существительных, которые склоняются по сложному склонению, т. е. точно так же, как и прилагательные, уместно различить две группы.

Одни слова, часто выступая в качестве существительных, продолжают в то же время употребляться как прилагательные: их субстантивация, если можно так выразиться, не доведена до конца. Таковы: бедный, богатый, больной, слепой; бедная, богатая и т. д.; прожитое, зажитое, непокупное, старое («кто старое помянет, тому глаз вон») и т. д. Мы имеем здесь дело с использованием прилагательного в функции существительного; вполне очевидно, что связь, соединяющая собственно существительное с прилагательным, является весьма живой.

Во вторую группу существительных со сложной флексией входят существительные, которые никогда не употребляются со значением прилагательного и по этой причине выступают для современного языка как истинные существительные, в той же мере, как и существительные, имеющие именное склонение. Это: 1) существительные муж. рода, оканчивающиеся на -ой, -ый, -ий, почти все из которых обозначают существа мужского пола: вагоновожатый, верховой, вестовой, водяной, вожатый, вольноопределяющийся, главнокомандующий, гласный (думы, земского собрания), городовой, двугривенный, десятский, дневальный, домовой, караульный, кормчий, лесничий, леший, ловчий, молодой (в смысле «новобрачный»), понятой, портной, посыльный, провожатый, прохожий, пятиалтынный, рулевой, рядовой, сотский, стряпчий, тысяцкий, целковый, часовой и т. д.;

¹ Во мн. числе прилагательные принадлежности только в им. падеже сохранили форму именного склонения; в ед. числе прилагательные типа волчий почти полностью перешли в сложное склонение: они сохранили формы именного склонения только в им. падеже жен. и ср. рода, а также в вин. падеже жен. рода, и иногда в род. падеже муж. рода. В прилагательных на -ов и -ин формы род., дат., местн. и предл. падежей жен. рода, а также формы твор. и местн.-предл. падежей муж. и ср. родов примыкают к типу сложного склонения.

2) существительные жен. рода, оканчивающиеся на -ая, -яя, которые в большинстве своем обозначают конкретные объекты, рассматриваемые как некое единство (часто они обозначают определенные места): булочная, водяная (болезнь), вольная (деловая бумага), вселенная, всенощная, горничная, гостиная, девичья (комната), закладная, закусочная, кладовая, кухмистерская, лакейская, мастерская, молодая (в смысле «новобрачная»), молочная, мостовая, набережная, пелегкая, отходная (молитва за умирающих), передняя, пивная, прачешная, приемная, пристяжная, прихожая, столовая и т. д.; 3) существительные ср. рода (обозначающие главным образом блюда, лекарства и грамматические категории); жаркое, животное, заливное, мороженое, насекомое, пирожное, подлежащее, приданое, рвотное, сказуемое, слабительное и т. д.

Промежуточной категорией между этими двумя группами являются некоторые слова, которые обычно используются как самостоятельные существительные, но могут сопровождаться существительным, являясь определением к нему: дежурный (солдат, ученик), ломовой (извозчик), мастеровой (человек), межевой (инженер), нищий (мальчик, старик и т. д.), околоточный (надвиратель), полицейский (служащий, чиновник), приезжий (человек), присяжный (заседатель), становой (пристав), борзая (собака), гончая (собака), купчая (крепость), нищая (девочка, старуха), святая (неделя), стрилагательное (имя), стушествительное

(имя), числительное (имя) и т. д.

Существительные муж. рода, имеющие сложное склонение и обозначающие существа мужского пола, обычно не имеют соответствующей формы жен. рода; если же такая форма существует, то она, как правило, не является формой прилагательного: формой жен. рода от *портной* является портниха; от существительного нищий не используется форма жен. рода нишая, а скорее нищенка. Форма жен. рода караульная, образованная от формы муж. рода караульный (сторож), обозначает лишь определенное учреждение (тот же смысл, что и у слова караульня) и т. д. Исключительным, если не единственным случаем, является использование слова молодая «молодая женшина» наряду с молодой «новобрачной». Такое употребление, вероятно, связано с использованием прилагательного *молодой*, которое в большинстве случаев применяется по отношению к людям. В великорусских народных говорах, в которых существительное молодой встречается в этом особом значении, для обозначения соответствующего лица женского пола используется существительное, не имеющее словообразовательных признаков прилагательного: молодиха. Слово горничная является изолированным образованием жен. рода, не имеющим соответствия муж. рода.

В отличие от прилагательных, используемых в качестве определения, существительные со сложным склонением и субстантивированные прилагательные не имеют особой формы с функцией предиката, называемой «краткой формой» (так, можно сказать он молодой «это новобрачный», а не он молод, что овначало бы «он молодой»); они не образуют наречий, а также сравнительной степени.

Таким образом, существительные со сложным склонением в русском языке не имеют тенденции превращаться в прилагательные и не обладают другими признаками, отличающими прилагательные от существительных ².

² Исключение составляет лишь следующая особенность: после числительных 2,3 и 4 существительные, имеющие сложное склонение, принимают, как и прилагательные, форму род. падежа мн. числа, а не форму род. падежа ед. числа, что характерно для существительных, изменяемых по именному склонению: два портных, две запятых три сказуемых и т. д.

Сложные падежные окончания для современного языкового сознания русских не представляют признака дифференциации, достаточного для отделения категории прилагательных от категории существительных ³, так что в современном русском языке наблюдается как бы возврат к тому периоду корреляции между существительными и прилагательными, который существовал в индоевропейском. Вот почему при рассмотрении современного русского литературного языка нет оснований говорить об особом склонении прилагательных, отличающемся своими падежными формативами от склонения существительных.

II. Морфология числа в русском склонении

В индоевропейском и в языках архаизирующего типа, которые восходят к нему, существовали склоняемые слова, лишенные специальных основ мн. и двойств. числа: формы этих чисел характеризовались только особыми падежными флексиями, отличными от флексий ед. числа, но присоединявшимися к тем же основам. Однако падежные формы дуалиса и мн. числа были тесно связаны с формами ед. числа; выражаемое ими различие между мн. числом и дуалисом находились как бы в зависимости от ед. числа, так как основы оставались одними и теми же. Имена, которые склонялись подобным образом в ед. числе, не различались между собой по своим формам мн. и двойств. числа; с другой стороны, имена, которые в ед. числе имели различные склонения, различались также своими формами дуалиса и мн. числа. Вот почему в индоевропейском и в языках архаизирующего типа (даже в некоторых более поздних языках), которые развились на его основе, склонением имени называется совокупность падежных форм, обнаруживаемых этим именем во всех числах. Подобное же согласование между формами ед., двойств. и мн. чисел сохраняется в общеславянском.

В современном русском языке формы мн. числа отличаются от форм. ед. числа главным образом падежными флексиями: в большинстве случаев отсутствует какая-либо особая основа для мн. числа. Тем не менее весьма примечательно, что связь между формами ед. и мн. числа в русском языке несколько отличается от той, которую мы находим в индоевропейском, а также в языках архаизирующего типа и даже в общеславянском. Формы мн. числа в новых образованиях редко связываются с формами ед. числа: инновации в склонении чаще всего происходят в результате аналогии и не выходят за пределы одного числа; кроме того, взаимное влияние различных категорий склоняемых слов в ед. числе различно на уровне ед. и мн. чисел. Так, в ед. числе склонение имен строго сохраняет различие между родами, которое утрачено во мн. числе; показатель мн. числа имен ср. рода -a в им. падеже (из и- e^* - \bar{a}), который восходит к индоевропейскому и сохраняется в общеславянском, в современном русском языке представлен только как признак ср. рода: он используется в равной мере с именами, которые в ед. числе характеризуются муж. родом. В связи с утратой грамматического рода во мн. числе имена, обозначающие живые существа, которые в ед. числе имеют ср. род, во мн. числе имеют вин. падеж, аналогичный не им., а род. падежу: лиц, чудовищ, животных, насекомых; формы лица и чудовища являются почти исключительно книжными.

В новых образованиях русского языка, ограниченных только ед. числом, устанавливаются или уже установились связи: 1) между всеми

³ В качестве характерного примера в поддержку нашего наблюдения можно указать на такую погрешность против новой орфография, как государственные художестенные мастерския, где-я сохраняется в слове мастерския, так как мастерская больше не воспринимается как прилагательное.

именами муж. рода, которые следуют древнему именному склонению и которые в им. падеже ед. числа оканчиваются на согласную, хотя твердость или мягкость последней буквы основы не имеет значения: ср., например, дат. падеж. ед. числа: столу, коню, меду, сыну, зятю, гусю; местн. палеж ед. числа: ε са ∂y , на ∂ ому, на ме ∂y , на краю и т. д.; 2) между именами, которые следуют древнему именному склонению и которые в им. падеже ед. числа оканчиваются на -а: ср. род. падеж ед. числа: воды, души, земли, smeu, $cy\partial bu$; дат., местн. и предл. падежи ед. числа: $so\partial e$, ∂yue , semne, змее, судье; 3) между изолированными падежными формами в рамках одной и той же категории; 4) между древними сложным и именным склонениями прилагательных: во всех прилагательных принадлежности в жен. роде все косвенные падежи (за исключением винительного) развились по сложному склонению; прилагательные принадлежности на -ий, -ье во всех падежах в муж. и ср. роде примкнули к типу сложного склонения; прилагательные принадлежности на -ов, -ин в муж. и ср. роде приняли флексии сложного склонения в твор, и местн. падежах; они сохранили старые формы именного склонения в им., род. и дат. падежах, однако в фамилиях и в названиях городов на -ов и -ин представлена лишь одна форма сложного склонения, а именно форма твор. падежа. Я здесь не говорю о местоименном склонении, которое имеет свои собственные особенности.

Во мн. числе новые образования подверглись аналогиям, отличным от тех, которые действовали в ед. числе. Я остановлюсь на этом несколько

подробнее, чем на инновациях в ед. числе.

I. Все склоняемые слова, за исключением нескольких местоимений, распределяются по двум категориям, которые соответствуют древним именному и сложному склонениям: в первой категории представлены формы дат., твор. и мест.-предл. падежей на -ам, -ами, -ах, причем форма род. падежа отличается от формы местн.-предл. падежа; во второй категории дат., твор. и местн. падежи оканчиваются на -ым, -ыми, -ых или на -им, -ими, -их, а форма род. падежа согласуется с формой местн.-предл. падежа. Так: а) столам, волам, коням, сыновьям, гостям, слезам, деревням, матерям, именам и т. д., b) портным, синим, запятым, чьим, лисьим, Ильиным, моим и т. д. Лишь несколько слов, которые ранее имели основу на -i-, сохранили старую форму твор. падежа мн. числа на -ми: лошадъми, детьми, дверьми, дочерьми, людьми, плечьми (при этом надо учитывать сравнительно недавние формы лошадями, дверями, дочерями, плечами). Эти несколько имен не включаются в особую категорию, так как во всех других падежных формах они подобны формам имен, имеющим именное склонение, а также потому, что почти во всех именах, восходящих к древней основе на -i-, твор. падеж. мн. числа в современном русском литературном языке имеет окончание -ами: костями, гостями, мышами, ночами и т. д. В ед. числе, хотя, как мы видели, формы древнего сложного склонения продолжают отличаться от форм именного склонения, в рамках именного склонения не имела места ни одна морфологическая инновация, которая была бы общей для всех слов этой категории или для большинства из них; вот почему сложное склонение так четко не противопоставляется именному склонению вел. числе, как во мн. числе. Что же касается взаимного влияния именного и сложного склонения, изучаемых с точки зрения интересующего нас явления, то существует определенная связь между формами мн. числа и формами ед. числа. Прилагательные, которые ранее следовали и именному и сложному склонению, утратили падежные формы именного склонения как в ед., так и во мн. числе. Среди имен, которые ранее следовали исключительно именному склонению, имеются такие, которые восприняли формы сложного склонения во мн. числе: речь идет, с одной стороны, о тех же самых существительных на -чий и -атый, которые, как и в ед. числе, восприняли сложное склонение (кормчие, вожатые), и, с другой стороны, о прилагательных принадлежности (ср. их трактовку в ед. числе жен. рода и трактовку прилагательных на -ий в муж. роде).

II. В им. падеже мн. числа окончания -ы, -и, -а в именном склонении распределяются по категориям, не имеющим соответствий в ед. числе. Окончание -ы представлено в большинстве имен, которые во мн. числе имеют основу на твердую согласную. Однако все имена, которые в ед. числе имеют основу на твердую согласную, не обязательно имеют ту жеоснову во мн. числе (например, черти, соседи, друзья, братья, копья, деревья и т. д.).

Нужно отметить, что в категорию имен с им. падежом мн. числа на -ы полностью входят имена, которые, имеют им. падеж ед. числа на -a, род. падеж на -ы и т. д. с основой на твердую негуттуральную согласную. Но в ту же категорию входит также значительная часть имен муж. рода с основой на твердую согласную и с совершенно иным склонением в ед. числе. С другой стороны, некоторые имена муж. рода с основой на твердую согласную, сохраняющие ту же основу и во мн. числе, в им. падеже мн. числа имеют окончание не -ы, а -а, и это окончание является общим, как известно, для части имен муж. рода с основой на мягкую согласную и для имен ср. рода. Появление флексии -а в им. падеже мн. числа имен муж. рода нарушает связь с ед. числом, но в то же время зависит от падежных форм ед. числа: это окончание представлено только в группе имен муж. и ср. рода, которые в ед. числе имеют ударение на основе. Такая зависимость, однако, вовсе не направлена на сближение форм ед. и мн. числа, а, как раз наоборот, на полную дифференциацию этих двух чисел: имена, которые в им. падеже мн. числа оканчиваются на $-\acute{a}$, во всех падежах мн. числа имеют ударение на окончаниях, а во всех падежах ед. числа (за исключением местн. падежа) - на основе.

III. В род. падеже мн. числа именного склонения в современном русском языке можно констатировать тенденцию к различному развитию основ с конечным твердым элементом и основ с конечным мягким элементом (не следует считать «твердыми» имена с твердой основой в ед. числе, но с мягкой во мн. числе типа чертей, соседей). Склонение твердых основ характеризуется в род. падеже мн. числа окончанием -ов, а склонение мягких основ — окончанием -ей: 1) домов, мастеров, купцов, мужиков и т. д.; 2) соседей, коней, полей, учителей, зверей, костей, матерей и т. д. В ед. числе, как известно, твердый или мягкий характер последней согласной в основе не выражается в виде различия в составе падежных форм (стола, коня и т. д.; сестре, земле). В связи с таким объединением различных мягких основ в род. падеже мн. числа на -ей, во мн. числе наблюдается объединение имен, которые в ед. числе принадлежат к различым категориям: 1) чёрта, коня, поля; 2) кости, матери.

Однако хотя тенденция, о которой мы говорим, далеко зашла в современном русском языке, она не является определяющей: а) основы на твердую шипящую склоняются во мн. числе точно так же, как основы на мягкую согласную: ножей, барышей, мышей; b) значительная часть имен, которые во мн. числе имеют основу на -ja, в род. падеже оканчиваются на -os: чаёв, сараев, краёв, кумовьёв, затыёв, братыёв, кольев, платыев, устьев, сучьев и т. д.; с) многие имена, имеющие как твердую, так и и мягкую основу в род. падеже мн. числа, сводятся к одной основе (генитив мн. числа с «нулевым окончанием»): таковы все имена жен. рода, имеющие в им. падеже ед. числа окончание -а, типа голов, душ, туч, пуль, земель, бурь и т. д.; таковы также имена ср. рода, основа которых во мн. числе оканчивается на твердую согласную: мест, окон, лиц, замен и т. д.; таковы же имена муж. рода, которые во мн. числе имеют основу на твердую

согласную, отличную от основы в ед. числе: дворян, господ, татар, хозяев, теаят и т. д.; такова же часть имен муж. и ср. рода, имеющих во мн. числе основу на -j: копий, кушаний, синовей, князей и т. д.; сюда же относятся некоторые pluralia tantum (кур, именин) и некоторые другие слова типа аршин, башкир, волос, глаз, грузин, гусар, драгун, кадет, осетин, раз, сапог, солдат, турок, улан, инган, человек, чулок и т. д.

В отношении двух первых групп указанных исключений можно заметить, что появление окончания -ей в род падеже мн. числа не объясняется в достаточной мере тем фактом, что пипиящие были когда-то мягкими, так как в основах на -ų (ų стало твердым лишь в более поздний период развития языка) формы род. падежа мн. числа не имеют окончания -ей (отщое, концов и т. д.); эти явления скорее можно объяснить влиянием тех основ на шипящие, которые с раннего периода истории русского языка имели окончание -ей. Таким же образом объясняются и формы род. падежа мн. числа на -ов основ на ј: распространению окончания -ей благоприятствовали имена, которые уже имели это окончание, так что на основе моделей типа сеней, болей, мышей, ночей и т. д.: в языке развились формы типа коней, кулей, барышей, мечей и т. д.: однако в связи с тем, что в основах на -ј не было этого окончания в род. падеже мн. числа, основы на -ј

тем самым оказались изолированными от других мягких основ.

При анализе случаев, в которых не действует тенденция распространения окончания род. падежа мн. числа -ов на твердые основы и окончания -ей на мягкие основы, функционирующие как формы ед. числа, можно сразу же констатировать, что они не соответствуют определенному типу флексии в ед. числе. В самом деле, имена с основой на твердую шипящую, которые в род. падеже мн. числа оканчиваются на $-e\dot{u}$, принадлежат в ед. числе двум различным типам склонения (нож, ножа, мышь, мыши): они имеют лишь общую форму им. падежа ед. числа с нулевым окончанием, в то время как имена с основой на шипящую, оканчивающиеся в им. падеже ед. числа на -a, имеют, за очень редкими исключениями (пашей, ханжей, юношей), в род. падеже мн. числа нулевое окончание. Имена с основой на -j- во мн. числе, имеющие в род. падеже окончание -ов, в ед. числе имеют основу, либо идентичную основе мн. числа, либо отличную от нее: именно их образование во мн., а не в ед. числе, отличает их от слов, которые в род. падеже мн. числа имеют -ов, -ей или нуль. Наконец, слова, имеющие в род. падеже мн. числа нулевое окончание, имеют (за небольшим числом исключений) лишь одну общую черту: их основа мн. числа не совпадает с формой им. падежа ед. числа. В ед. числе они присоединяются к различным типам склонения; более того, имена ср. рода, имеющие эту форму в род. падеже мн. числа, в основной своей массе склоняются в ед. числе как слова муж. или жен. рода, которые в род. падеже мн. числа оканчиваются на -ов и -ей (окно, знамя). Таким образом, генерализация формы род. падежа мн. числа в современном русском языке объясняется потребностью дифференцировать эту форму от формы им. падежа ед. числа; с другой стороны, распределение окончаний -ов и -ей не связано со структурой форм ед. числа. Следует признать, однако, что указанная нами связь между формами им. падежа ед. числа и формами род. падежа мн. числа несколько нарушается формами род. падежа мн. числа типа полей, морей, плечей, вожжей, новдрей, долей, клешней, соплей, -дядей, облаков, яблоков ч и т. д., формой род. падежа мн. числа на -ов

⁴ Естественно, с исторической точки зрения окончание -ов в словах облаков, яблоков объясивется существованием старых форм им. падежа ед. числа: облак, яблок; но в современном русском литературном языке эти существительные в им. падеже употребляются только в формах облако, яблоко.

основ мн. числа на -j типа братьев, кумовьев, кольев и т. д. и формой род. падежа мн. числа с нулевым окончанием типа турок, цыган, солдат и т. д.

Наряду с тем, что в современном русском языке в соответствии со структурой падежных форм имен, они по-разному группируются во мн. и вед. числах, в определенных категориях слов мн. число полностью противопоставлено ел. числу.

А. Таковы существительные, имеющие во всех формах мн. числа другое ударение по сравнению с ед. числом: город/города, учитель/учителя, поле/поля, окно/окна, сестра/сестры и т. д. Многие имена ср. рода с ударение на основе в ед. числе сохраняют такое ударение во мн. числе лишь в форме род. падежа в связи с отсутствием окончания: место/мест, тело/тел и т. д.

В. Мн. число еще явственнее противопоставляется ед. числу в том случае, когда здесь представлена другая основа по сравнению с ед. числом.

Все указанные подробности структуры форм мн. числа заставляют при классификации имен по склонениям рассматривать мн. число отдельно от ед. числа. Живыми процессами образования мн. числа в современном русском языке являются следующие.

I. Основа мн. числа согласуется с основой ед. числа [я не принимаю во виммание фонетические изменения, обусловленные местом ударения (ударные или безударные гласные), конечной позицией в слове или позицией перед палатальной или непалатальной гласной]:

1. Ударение во всех падежах ед. и мн. числа на основе: това́р, моро́в, дохо́д, выстрел, садик, дво́рник, това́рищ, родитель, госуда́рь, самова́р; ры́ба, сила, бу́ря, да́ча, лопа́та, палка, де́вочки; кре́сло, пла́тье, копы́то; ни́ть, мете́ль, сла́бость, у́часть, боле́знь; зна́мя: бе́лый, бе́лая и т. п.

2. Ударение во всех падежах ед. и мн. числа на окончании в формах, где оно имеется: лоб, лед, рот, полк, стол, двор, дождь, рука́в, замо́к, посо́л, грабе́ж, мужа́к, оте́ц, бога́ч, богато́рь, кара́сь; мечта́, статья́, госпожа́, похвала́, княжна́, четверна́, путь и т. д.

3. Ударение во всех падежах ед. числа, за исключением вин. падежа, и в косвенных падежах мн. числа — на окончании; ударение на основе в вин. падеже ед. числа и в им. падеже мн. числа: рука, доска, голова, душа, свинья, земля (хотя имеется еще землям) и т. д.

4. Ударение на окончании во всех падежах ед. числа и в косвенных падежах во мн. числе; ударения на основе в им. падеже мн. числа: волна́, слеза́, вожжа́, сопла́, ноздра́, гвоздъ, червь и т. д.

5. Ударение на окончании во всех падежах ед. числа, за исключением вин. падежа; ударение на основе в вин. падеже ед. числа и во всех падежах мн. числа: спина, цена, верста, весна, сосна и т. д.

6. Ударение на окончании во всех падежах ед. числа, за исключением местн. падежа, и в им. падеже мн. числа; ударение на окончании в местн. падеже ед. числа и в косвенных падежах мн. числа: сок, зуб, ее́тер, ко́рень, ло́коть; бровь, грудь, грязь, дверь, мель, пло́цадь и т. ц.

7. Ударение на основе во всех падежах ед. числа, за исключением местн. падежа; ударение на окончании в местн. падеже ед. числа и во всех падежах мн. числа: бал, бор, воз, дар, круг, мед, нос, берег, бой, рой, чай и т. д.

8. Ударение на основе во всех падежах ед. числа и в им. падеже мн. числа; ударение на окончании в косвенных падежах мн. числа: бес, волк, вор, слог, волос, конь, гость, гусь, зверь, голубь, лебедь, коготь, лапоть,

камень; доля, дере́вня, весть, вещь, власть, соль, во́лость, но́вость, ло́шадь, дочь, мать и т. п.

9. Ударение на основе во всех падежах ед. числа; ударение на окончании во всех падежах мн. числа: $\emph{cópod}$, $\emph{yчúтель}$, \emph{nau} , \emph{cnou} ; $\emph{м\'ecmo}$, $\emph{nóле}$, $\emph{c\'epdye}$ и т. д.

10. Ударение на окончании во всех падежах ед. числа; ударение на основе во всех падежах мн. числа: окно, весло, веретено, лицо, копье; сестра, игла, игра, пила, пчела, тюрьма, судья, высота, сирота и т. д.

II. Основа мн. числа отличается от основы ед. числа:

1. Основа ед. числа — на твердую согласную, основа мн. числа — на мягкую согласную: черт/черти, сосе́д/сосе́ди.

2. Основа ед. числа — на мягкую согласную, основа мн. числа — на

твердую согласную: знамени/знамёна и т. д.

3. Основа ед. числа с суффиксом -ин; основа мн. числа а) без этого суффикса: дворянин/дворяне, татарин/татары, господин/господа, болгарин/болгары; h) с суффиксом -ее-: хозяин/хозяева, с) с суффиксом -j-: шурин/шурья.

4. Основа ед. числа с суффиксом -ёнок, основа мн. числа а) с суффиксом -ат-: жеребенок/жеребята, волчонок/волчата и т. д.; b) с суффиксом -енят-: щенок/шенята, жиденок/жиденята, лисенок/лисенята, бесенок/

бесенята, чертенок/чертенята.

5. Основа ед. числа без суффикса; основа мн. числа а) с суффиксом -j- иногда с палатализацией последней согласной основы: брат/братья, лист/листья, князь/князья, муж/мужья, зять/зятья; сук/сучья, друг/друзья и т. д.; b) с суффиксом -овј-: сын/сыновья, кум/кумовья.

III. Падежные формы современного русского языка

В склонении современного великорусского литературного языка можно различить семь падежных форм: 1) форму им. падежа: вор, учитель, гость, вода, воевода, сестра, портной, горничная, запятая, воры, учителя, гости, сестры, матери, портные, животные и т. д.; 2) форму вин. падежа: воду, сестру, запятую и т. д.; 3) форму род. падежа: стола, воды, сестры, окна, животного, столов, окон, костей, целковых, запятых и т. д.; 4) форму дат. падежа: вору, учителю, столу, портному, окну, ворам, учителям, гостям, сестрам, головам, портным и т. д. 5) форму твор. надежа: вором, учителем, столом, гостем, водой, портным, молодою, костью, путем, знаменем, ворами; сестрами, портными, запятыми, костями, лошадьми и т. д.; 6) форму местн. падежа: на возу́, в гору́, в роду́, в виду́, в грязи́, на кости, на мели (после в и на в чисто местном и временном значении); 7) форму падежа, называемого предложным (я оставляю это название, чтобы не искать нового термина): о воде, при лесе, в этом роде, в виде и т. д. В современном русском языке нет ни одного склоняемого слова, которое бы не обладало отдельной формой в каждом из этих падежей.

Особую форму в им е н и т е л ь н о м падеже только в ед. числе имеют: имена жен. и муж. рода на -а типа вода, воевода, чья, моя, одна, имена жен. рода на -ая типа вапятая, молодая и т. д.; одушевленные существительные муж. рода типа вор, учитель, портной, Петров. Особую форму в им. падеже мн. числа имеют одушевленные существительные типа волны, учителя, гуси, сестры, коровы, рыбы, гости, лошади, матери, дети, портные, животные, насекомые и т. д. Во всех других именах форма им. падежа совпадает с формой вин. падежа, т. е. для того чтобы выразить им. и вин. падежи, употребляют одну и ту же форму: мать, дочь, лошадь, воз, дом,

кость, окно, поле, знамя, нож, столы, города и т. д.

Особую, форму в и н и т е л ь н о г о падежа имеют лишь имена муж. и жен. рода на -а и имена жен. рода на -ая, причем только в ед. числев воду, сестру, вемлю, судью, горничную, запятую, одну, мою и т. д. Одушевленные имена муж. рода в ед. числе и вообще одушевленные имена во мн. числе и меют единую форму вин. и род. падежей (в сложном и местоименном склонении та же форма служит для выражения местного предложного). У других имен форма вин. совпадает с формой им. падежа.

Особую форму р о д и т е л в н о г о падежа имеют: в ед. числе имена на -а, изменяемые по именному склонению, имена ср. рода (кроме оно), неодушевленные имена муж. рода, изменяемые по именному склонению; во мн. числе неодушевленные имена, изменяемые по именному склонению; во мн. числе енеодушевленные имена изменяемые по именному склонению одушевленные имена во мн. числе имеют форму род. падежа, совпадающую с формой вин. падежа. Имена жен. рода, которые в им. падеже ед. числа оканчиваются на согласную, имена ср. рода на -мя, существительное путь, имена жен. рода, изменяемые по сложному склонению, имеют в ед. числе одну и ту же форму в род., дат., предл. и иногда (см. ниже) в местн. и в твор. падежах. Наконец, в местоименном и сложном склонении во мн. числе совпадают формы род., местн. и предл. падежей.

Особую форму дательного падежа имеют: в ед. числе все имена муж. рода, оканчивающиеся на согласную, за исключением слов путь, лен, лед, лоб, рот, мог, полк, плот, пост, угол, уголок и нескольких других; имена ср. рода на -о и -е и слова, изменяемые по сложному склонению в муж. и ср. родах; во мн. числе — все имена без исключения. Имена на -а, изменяемые по именному склонению, имеют в ед. числе общую форму в дат., местн. и предл. падежах; имена муж. рода лед, лен, лоб, рот, мох, полк, пост, плот, угол, уголок и несколько других имеют лишь одну форму в дат. и местн. падежах (льду, лбу, рту, полку и т. д., но в предложном окончание другое: льде, посте и т. д.).

Особую форму творительного падежа имеют все склоняемые имена; впрочем форма твор. падежа имен муж. и ср. родов в местоименном и сложном склонениях совпадает с формой дат. падежа мн. числа; с другой стороны, в твор. падеже ед. числа имен жен. рода в тех же склонениях, кроме формы на -ою, -ею, которая отличается от всех остальных, может существовать форма на -ой, -ей, которая совпадает с формой род., местн. и предл. падежей.

Особую форму местного падежа имеют вед. числе только некоторые имена муж. рода, которые в других падежах имеют ударение на основе (в местн. падеже ударение на окончании) и некоторые имена жен. рода, оканчивающиеся в им. падеже ед. числа на согласную, а в других косвенных падежах имеют ударение на основе (в местн. падеже ударение на окончании). Небольшое число имен муж. рода в местн. падеже ед. числа совпадают по форме с дат. падежом (см. выше). Во всех остальных именах форма местн. падежа совпадает с формой предл. падежа; кроме того, формы местн. и предл. падежей отличаются от других падежных форм в ед. числе имен муж. и ср. родов, которые в род. падеже ед. числа оканчиваются на -а и -020, и от имен, изменяемых во мн. числе по именному склонению. Эта форма в ед. числе совпадает с формой дат. падежа в именах, оканчивающихся на -а, и с формами род. и дат. падежей ед. числа в именах жен. рода, которые в им. падеже ед. числа оканчиваются на согласную, в слове путь, в именах ср. рода на -мя и в именах жен. рода, которые изменяются по местоименному и сложному склонениям; наконец, эта форма совпадает с формой род. падежа во мн. числе местоименного и сложного склонения.

Особую форму предложного падежа имеют только имена муж. рода, которые в местн. падеже оканчиваются на -у. У некоторого числа

имен жен. рода, которые в им. падеже ед. числа оканчиваются на согласную, форма предл. падежа ед. числа совпадает с формой местн. падежа. У других имен форма предл. падежа совпадает с формой местн. падежа и с педобными формами локатива. В связи с тем, что отличные друг от друга формы локатива и предл. падежа возникли в результате дифференциации в пределах первоначально единого местн. падежа, и в связи с тем, что подавляющее большинство слов в настоящее время не имеет особых форм в этих падежах, в одну единую форму, современные русские грамматисты объединяют эти два падежа и обозначают их одним названием.

В общем, в связи с совпадениями, наблюдаемыми между формами отдельных падежей, русские слова в современном языке обладают переменным количеством различных падежных форм, а именно от трех (лошадь, лошади, лошадью; путь, путии, путем) до семи (воз, воза, возу, возом, возу, возе) в одном и том же числе. Числовое существительное сорок обла-

дает всего лишь двумя падежными формами (сорок, сорока).

Проф. В. А. Богородицкий предлагает в формах, обычно называемых в грамматиках род. падежом, различать две падежных формы. Одну из них он называет род. падежом, а другую — отложит. падежом. В самом деле, в то время как большинство склоняемых слов имеют в род. падеже лишь одну форму, некоторые существительные муж. рода используются в двух формах, одна из которых оканчивается на -a, а другая на -y; каждая из этих форм различается в контексте: форма на -y чаще употребляется после слов, обозначающих количество. Однако указанная форма всегда совпадает с формой дат. падежа и ее невозможно отделить от нее на основе значения. Этого явно недостаточно для того, чтобы усматривать в ней особую форму. В этом случае можно скорее говорить об использовании дат. падежа вместо род. после определенных слов, обозначающих в большиннетве своем количество.

IV. Классификация склоняемых слов

Если иметь в виду сказанное выше, при классификации склоняемых слов лучше всего считать ед. и мн. числа различными категориями склонения и выделить классы склоняемых слов в ед. числе и классы склоняемых слов во мн. числе. Различия между падежными формами явятся хорошей основой классификации. Более мелкие подразделения при классификации будут строиться на следующих признаках: 1) различия в структуре одной или двух падежных форм; 2) различия в месте ударения; 3) вариации основ. Не принимаются во внимание при классификации изменения элементов основы в зависимости от того, находятся они под ударением или нет, в конце или не в конце слова, перед палатальной гласной или не перед палатальной гласной. Учитывая эти положения, можно классифицировать склоняемые слова следующим образом.

а. ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

- I. Имена муж. рода, оканчивающиеся на согласную (кроме слова *путь*) и имена ср. рода на -0, -е. Этот класс характеризуется окончаниями: в род. падеже -а, в дат. -у, в твор. -ом и в предл. -е; к этому классу относятся фамилии и значительная часть местных названий на -ов и -ин, которые, однако, отличаются от других имен только формой твор. падежа на -ым согласно сложному склонению.
- А. Подразделения этого класса в соответствии с определенными различиями в падежных формах: 1) им. падеж без окончания, вин. = род., местн. = предл. (одушевленные имена муж. рода); 2) им. падеж без окончания, вин. = им.; местн. = предл. (неодушевленные имена муж. рода).

3) им. падеж без окончания, вин. = им., местн. падеж на -у (неодушевленные, в большинстве случаев неабстрактные имена муж. рода); 4) им. падеж

на -0, -e, вин. = им., мест. = предл. (имена ср. рода).

В. Подразделения в соответствии с различием ударения: а) ударение во всех падежах на основе (челове́к, муж, го́род, гость, сара́й, ме́сто, по́ле); b) ударение во всех падежах на окончании (стол, вол, конь, сон, рот, окно, лицо); c) ударение на основе во всех падежах, за исключением местн. падежа; в местн. падеже ударение на окончании (воз, лес, берез и т. д.).

С. Подразделения в соответствии с вариациями основы: а) имена имеющие только одну основу во всех падежных формах; b) имена, в которых гласные -о или -е основы отсутствуют в косвенных падежах (сон, лед,

день, желток, отец и т. д.).

Имена, имеющие в им. падеже окончание -α (сюда относятся почти все имена жен. рода); основные особенности: им. падеж — окончание -α, вин. падеж — окончание -y; дат. — местн. — предл. падежи — окончание -e, твор. падеж — окончание -οù, или -ою; оба окончания род. падежа, -ы и -u, объясняются исключительно различной фонетической трактовкой и не могут служить основанием разделения на подклассы.

Подразделения в соответствии с различиями в ударении: 1) во всех падежах ударение на основе (рыба, доля, лодка); 2) во всех падежах ударение на окончаниях (сестра, слеза, красота, судья); 3) во всех падежах, за исключением вин. падежа, ударение на окончаниях, а в вин. — на ос-

нове (нога, земля). В этом классе основы остаются без вариаций.

III. Имена, имеющие окончание -u в род., дат., пред \bar{n} . и местн. падежах.

А. В этом классе два подразделения в соответствии со структурой падежных форм: 1) твор. падеж: окончание -*jy* (грязью, матерью); 2) твор. падеж: окончание -ом (путем, знаменем).

В. В соответствии с ударением здесь можно различить: а) имена с ударением на основе во всех падежах (грусть, жизнь, лошадь, зелень, молодость, мать, знамя); b) имена с ударением на окончании во всех падежах (путь, пять, шесть и другие названия чисел); с) имена с ударением на окончании в косвенных падежах, за исключением твор. падежа (вошь, ложь, ложь, любовь); d) имена с ударением на основе во всех падежах, кроме местн.; в местн. падеже ударение падает на окончание (бровь, грязь, грудь, дверь, мель).

С. В соответствии с вариациями основы можно различить: а) слова с одинаковой основой во всех падежах (грязь, лошадь, путь); b) слова со вставной гласной в им.-вин. и в твор. падежах (вошь, ложь, любовь); с) слова, в которых основа род., дат., местн., предл. и твор. падежей отличается от основы им.-вин. добавлением -ер- (дочь, мать); d) слова, в которых основы тех же падежей отличаются от основы им.-вин. добавле-

нием -н- (знамя).

IV. Имена и местоимения муж. и ср. рода, оканчивающиеся в род. падеже на -ого (точнее -ово), в дат. падеже -ому, в мести.-предл.— на -ом. Чтобы выразить местн. падеж в этом классе используется та же форма, что и в им. падеже или та же форма, что и в род. падеже. Так как большинство слов, относящихся к этой категории, являются прилагательными, в вин. падеже представлены то одна, то другая форма в зависимости от того, обозначает ли или не обозначает существительное, к которому они относятся, одушевленный объект муж. рода. В этом классе вряд ли уместно рассматривать употребление первой или второй формы вин. падежа в качестве критерия разделения на подклассы.

А. Я придерживаюсь следующих подразделений в соответствии с различиями между падежными формами: 1) им. падеж на -ый, -ий, или -ой,

твор. падеж на -ым или -им в зависимости от того, является ли последняя согласная основа мягкой или твердой; 2) им. падеж — -ое, -ее, твор. падеж е — -им; 3) им. падеж — без окончаний, твор. падеже — -им в зависимости от того, является ли последняя согласная основа твердой или мягкой (мой, чей, волчий, сам, один, наш); 4) им. падеж — -о, твор. падеж — -им (мое, чье, волчье, само, одно, наше).

В. Дифференциация в соответствии с ударением: а) ударение на основе во всех падежах (белый, волчий); b) ударение на окончании во всех падежах; если окончание — двуслоговое, ударение падает на первый слог этого окончания (алой, худой, такой); с) ударение во всех падежах на окончании; когда окончание — двуслоговое, ударение падает на последний слог этого окончания (чей, мой, один, сам) в том случае, если это последнее выступает в функции местоимения.

Прилагательные принадлежности на -ое, -ин в муж. и ср. родах образуют промежуточную группу между IV и I классами: они имеют род. и дат. падежи, образованные по классу I, но твор. и местн.-предл. — по классу IV.

Местоимения кто, что, тот, то, весь, всё, он, оно присоединяется по своему склонению к классу IV, Зс. Они отличаются от имен, рассмотренных в этом классе, только в двух отношениях: 1) форма им. падежа (за исключением местоимений весь, всё и то) имеет другую основу по сравнению с основой косвенных падежей; 2) все эти местоимения (за исключением он и оно) имеют в твор. падеже окончание -ем, а не -им.

V₁. Сюда относятся имена и местоимения жен. рода, имеющие в род., дат., местн. и предл. падежах окончание -ой, а в твор. -ою или -ой. В соответствии с различими в структуре форм им. и вин. падежей можно установить следующие подклассы: 1) им. падеж -ая, вин. падеж -ую (добрая, влая); 2) им. падеж -а, вин. падеж -у (Ильина, Петрова, сестрина, отцова, одна, та). К этой же группе примыкает слово сама с вин. падежом, оканчивающимся на -оё, -ою.

 V_2 . Сюда относятся имена и местоимения жен. рода, имеющие в род., дат., мест., предл. падежах -ей, а в твор. -ею, или -ей. Однако в тех падежах, где эти окончания не находятся под ударением, невозможно различить классы V_1 и V_2 , так как безударные -ой и -ей имеют фонетически идентичную форму. Подклассы в V_2 — те же самые, что и в V_1 : 1) им. падеж -ая, вин. падеж -ую, (все слова этой категории имеют ударение на основе: прежняя, синяя, передняя); 2) им. падеж -а, вин. падеж -у: моя, вся, чья, волчья, лисья; к этой группе примыкает местоимение она, которое отпичается от других слов в том отношении, что форма им. падежа не совпадает с основой косвенных падежей +a и что для выражения вин. падежа пользуются формой род. падежа.

Личное и возвратное местоимение остаются за пределами этой классификации, как и названия чисел сорок, девяносто и сто. Склонение чисел пять, шесть ит. д. вплоть до восемьдесят имеет формы, совпадающие с формами ед. числа таких имен, как кость, но эти формы имеют значение множественности: шестью лошадьми.

в. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

- І. Именное склонение: окончания дат., твор. и местн.-предл. падежей -ам, -ами, -ах; отсутствует совпадение форм род. и местн.-предл. падежей.
- А. Подразделения в соответствии со структурой падежных форм:
 1) им. падеж -ы, -и, род. падеже -ов (воры, столы, мужики, чайники, сараи, яблоки, очки); 2) им. падеж -а, род. падеж -ов (мастера, города, затыя, кумовы, колья); 3) им. падеж -и, род. падеж -ей (цари, соседи, люди, гуси, гозди, кости, матери, пути, ноздри, доли); 4) им. падеж -а, род. падеж

-ей (учителя, грифеля, поля, моря); 5) им. падеж -ы, -и, род. падеж — без окончания (сестры, бороды, руки, бури, семьи, солдаты, татары, разы, аршины); 6) им. падеж -a, род. падеж — без окончания (места, дела, господа, друзья); 7) им. падеж — безударное -е, род. падеже — без окончания (дворяне, бояре, цыгане). В этих группах, за исключением последней, вин. падеж имеет ту же падежную форму, что и им. (неодушевленные существительные) или род. (одушевленные существительные). Я не буду выделять здесь в специальный подкласс имена типа лошади, двери, плети, дочери, которые имеют в твор. падеже не только окончание -ами, но и -ми: лошадыми, дверьми, плетыми, дочерьми и т. д.

В. В соответствии с различиями в ударении можно установить следующие подклассы: a) слова с ударением на основе во всех падежах ($ca\partial oshuru$, чайники, сараи, соседи, болезни, рыбы, бури, братья, солдаты, крестьяне); b) слова с ударением на окончании (если оно имеется) во всех падежах (столы, мастера, учителя, поля, господа, места, пути, друзья, имена); с) слова с ударением на основе в им. падеже и с ударением на окончании в других падежах (горы, ноздри, гвозди, плечи, зубы, воры, кости).

С. В соответствии с вариациями в форме основы можно выделить: а) основу, идентичную во всех падежах (воры, рыбы, гости, знамена, сети); b) основу со вставной гласной -o- или -e- в род. падеже (окон, сестёр, палок, досок, земель, друзей, сыновей, семей). Отдельно следует рассматривать склонение слова церкви: основа оканчивается на мягкую согласную в им.вин. падежах, а также в род., но на твердую согласную в других падежах.

 Местоименное и сложное склонение: окончания род. — местн. предл. падежей -ых, -их, дат. падежа -ым, -им, твор. падежа -ыми, -ими. Подразделения: 1) им. падеж — -ые, -ие (портные, горничные, целковые, белые, прежние); 2) им. падеж — -ы, -и (Йвановы, Йльины, сестрины, отцовы, сами, одни, мои, наши, чьи, волчьи, лисьи и, возможно, двое, трое, если читать «двои, трои»). Прилагательные, которые изменяются по этому склонению, имеют две формы вин. падежа: первая идентична форме им. падежа, вторая — форме род. падежа в зависимости от того, обозначает ли существительное, к которому они относятся, одушевленный или неодушевленный объект. Существительные, которые изменяются по сложному склонению, в равной мере используют как одну, так и другую из этих форм, в зависимости от того, обозначают ли они одушевленные или неодущевленные предметы.

К классу II, тесно примыкают: а) имена чисел: полтора (при склонении во мн. числе); четверо, пятеро и т. д., которые отличаются от других слов этой группы исключительно формой им. падежа; в) название количества оба, обе и местоимение они, форма которого в им. падеже не совпадает с основой косвенных падежей плюс окончание. Можно указать также на местоимения me и все и числительные ∂sa , mpu и четыре, которые аналогичны другим словам, изменяющимся по сложному местоименному склонению, в том отношении, что они имеют единственную форму на -x в род. и в местн.-предл. падежах. Вряд ли целесообразно выделять здесь подклассы в соответствии с местом ударения, так как в классе II ударение — фиксировано: во всех падежах оно падает либо на основу, либо на окончание. В этом классе основа также неизменна во всех падежах, за исключением слов, которые мы специально выделили: местоимение они, названия количества — оба, обе, полтора (полуторых).

Личные местоимения мы и вы остаются за пределами этой классификации.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Ленинизм и теоретические проблемы языкознания».—М., изд-во «Наука», 1970. 383 стр.

Надо всячески приветствовать появление этого важного и интересного издания. В год ленинского юбилея, который отмечался почти во всех странах мира, советские лингвисты выпустили нужную и содержательную книгу. В ней они попытались осветить многие теоретические проблемы языкознания, основываясь на философских и исторических идеях В. И. Ленина, на сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Появление этого сборника тем более актуально, что в современном языкознании идет острая борьба по основным философским вопросам начки о языке. Природа языка, его важнейшие функции, отношение системы языка к его развитию, материальное и идеальное в языке, «отражательные» и знаковые категории языка, отношение языка к объективной действительности, язык и мышление в их постоянном взаимодействии -вот лишь некоторые из вопросов, в истолковании которых нередко защищаются противоположные точки зрения. И хотя статьи рецензируемого сборника неравноценны по содержанию и между его авторами нет достаточного единства в освещении некоторых теоретических вопросов, книга все же представляет бесспорный интерес уже самой постановкой и широким обсуждением всех этих вопросов.

В статье Ф. П. Филина «О некоторых философских вопросах языковлания» убедительно показана связь казалось бы специальных проблем лингвистики с общефилософскими позициями того или иного ученого. В самом понимании отношения языка к действительности, в истолковании языковой субстанции, функций языка в обществе, обнаруживаются взгляды лингвиста и на такие общие кавтероми, как материя, движение, общество. Автор правильно подчеркивает необходимость разных методов изучения языка (язык — исключительно сложное и многоаспектное явление), но вместе с тем своевременно напоминает, что сложным метод лингивистического иссле-

дования должен углублять наши представления о самом языке и не приводить к искажению его природы. В современной лингвистике «специализация заходит так далеко, что языковеды, работавощие в различных областях даже на материалах одного и того же языка, перестают понимать друг друга. Это вполне естественный процесс» (стр. 7). Я бы уточнил: процесс этот можно попять, но невозможно всегда одобрять — лингвистика перестает быть единой наукой. Между тем во вваимостношениях разных наук нашего времени наблюдаются не только процессы дифференциации, но и процессы интеграции. Тем более эти последние должны обнаруживать себя и врамках некогда единой области значий.

В статье В. А. Аврорина «Ленинские принципы языковой политики» освещаются основы глубокого ленинского понимания свободного развития всех национальных языков народов СССР, всех языков мира. Статья В. Н. Ярцевой «Количественные и качественные изменения в языке» сильна, на мой взгляд, прежде всего тем, что важное теоретическое положение о постоянном взаимодействии количественных и качественных отношений в языке иллюстрируется интересным конкретным материалом. Автор убедительно показывает: частота употребления тех или иных форм и конструкций еще не приводит к развитию нового качества. Проблема представляется гораздо сложнее. Емкость той или иной языковой модели зависит не только от ее строения, как часто утверждают, но и от свойств самих элементов, составляющих данную модель. Так возникает важная концепция «материального наполнения» модели, все еще мало изученная в лингвистике.

Большая проблема поставлена и в статье В. М. Солицева «Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания». Автор безусловно прав, утверждая, что современные острые споры о знаковости языка только тогда получат правильное направление, когда категория значения, одна из центральных категорий языка, будет исследоваться в свете ленинской теории отражения. В. М. Солнцев различает односторонние и двусторонние лингвистические единицы. В слове — двусторонней единице языка - его значение выступает как категория отражения, его же звучание — как разновидность знака. Поэтому и язык, постоянно взаимодействуя с действительностью, оказывается сложным «системно-структурным образованием». Можно было бы целиком согласиться с автором, если бы при этом он показал, что «знаковость языка» — это знаковость совсем особого рода, глубоко и принципиально отличающаяся от знаковости, например, световых уличных сигналов, с системой которых язык часто и неправомерно сближают. «Словесный знак» относится к действительности через категорию значения, которой вовсе лишен световой; сигнал: он сам себе «хозяин», ибо в нем знак и значение совпадают, не различаются.

К работе В. М. Солицева примыкает и статья Т. П. Ломтева «Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики». Автор показывает, к каким неправомерным выводам приходят те исследователи, которые считают, что знаки и есть знания и поэтому не различают знаков и значений. При подобном отождествлении знаков и значений искажается проблема идеального как результат отражения материального. Знаниям, мыслям и чувствам людей приписывается атрибут материального. Такая исходная безусловно ошибочная преппосылка. в философском плане, неизбежно при-водит к искажению и языка, который лишается всех свойств отражения. Этим важным свойствам языка посвящается статья В. И. Абаева «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка». На примерах лексики разных языков автор демонстрирует неуклонную и сложную работу сознания, обнаруживаемую в самой семантике слов, в их группировках и взаимодействии в разные эпохи. Об этом же рассказано и в статье Б. А. Серебренникова «Развитие человеческого мышления и структуры языка».

Несколько иная группа вопросов анализируется в статьях Ю. С. Степанова «Принцип детерминизма № в современном языковнапни» и П. В. Чеснокова «Соотношение чувственного и рационального (абстрактного) познапия при исследовании языка». Ю. С. Степанов обращает внимание прежде всего на философские проблемы детерминизма, на то, как понимают детерминизм философы-материалисты. Автор пишет о детерминизме в оптологическом и гносеологическом аспектах. Широко и интересно истолькван сам детерминива «...как необходимые (в от-

личие от случайных), в частности, причинно-следственные связи, свойственные материальной действительности (а не -плак и (финански и финациим объект ющиеся одной из форм всеобщих связей вещей» (стр. 110). К сожалению, более бегло показано значение принципа детерминизма для самой лингвистики, для истолкования фактов и категорий различных языков. Применительно к науке о языке детерминизм рассмотрен главным образом в общегносеологическом, а не конкретно-лингвистическом плане. Ha мой же взгляд, важно и то и другое. Сходным образом построена и статья П. В. Чеснокова. Она содержит ряд верных обобщений, но собственно языковой материал в ней почти совсем отсутствует. Это заметно ослабляет силу ее лингвистической убедительности.

Не менее значительным вопросам по-священы исследования А. В. Десницкой «Об историческом содержании понятия "диалект"» и Л. Р. Зиндера «Материальная сторона языка и фонема». А. В. Десницкая, разумеется, права, подчеркивая заслуги советских ученых в разработке самого понятия «диалект» применительно к разным историческим эпохам и разным языкам. Вместе с тем автор вносит ряд важных уточнений в содержание самого понятия «диалект» применительно к неодинаковым общественным формациям. Дело в том, что представление о диалектной замкнутости в период феодализма иногда осложняется принципом взаимодействия диалектов или отдельных особенностей диалектов уже в ту же феодальную эпоху. В результате лингвистическая карта некоторых стран определяется не только границами диалектов, но и несколько иными # границами распространения отдельных диалектных черт и явлений. Что же касается статьи Л. В. Зиндера, то в ней убедительно критикуются попытки некоторых ученых исключить из языка и его определения понятия звуковой материи. Автор хорошо показывает, к каким печальным последствиям приводят подобные попытки.

Проблемы системы языка и роли моделей в лингвистическом анализе рассмотрены в исследованиях М. М. Гухман «О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе», А. С. Мельничука «Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма» и В. М. Павлова «О противоречиях в языке (составная лексическая единица в ее отношении к синтаксической конструкции)». М. М. Гухман интересно и обстоятельно анализирует роль моделей в процессе изучения системы языка. Она подчеркивает, что модели отнюдь не сводятся лишь к математиче-ским схемам. Вслед за В. А. Штоффом, автором книги «Роль^умоделей в познании» (Л., 1963), в статье раскрываются функции моделей, вырастающих из осмысле ния материала самих языков, в результате обобщения тех или иных фактов, явлений, категорий. Представление о моделях, как о математических схемах. обычно характерно для тех наук, в которых математические методы изучения воспринимаются как новинка. Быть может следовало бы решительнее подчеркнуть, что сами по себе модели не могут быть ни исследовательскими, ни неисследовательскими, как считают у нас и за рубежом некоторые филологи. Все дело в том, как устанавливаются те или иные модели и как они интерпретируются автором. В случае правильного обоснования модели и разумного ее осмысления, модель может стать исследовательской.

В уже названной статье А. С. Мельничука дается критический обзор разных истолкований терминов «система» и «структура». Менее законченным представляется мне этюд В. М. Павлова, в котором рассматриваются противоречия в системе языка. Проблема противоречий в системе языка -- одна из важнейших проблем теоретического языкознания. Статья В. М. Павлова написана, однако, так, что о ней трудно вынести определенное суждение. Способному и образованному лингвисту следует решительно отказаться от гелертерского стиля изложения, против которого всегда так убедительно выступал В. И. Ленин. Приходится, к сожалению, признать, что сейчас многие филологи усвоили странную манеру: писать сложно даже о простых явлениях и о простых фактах. Разумеется, гораздо труднее научиться писать просто и ясно о самых нелегких проблемах и самых «проклятых» вопросах. К. Маркс как-то заметил, что даже у Гегеля «дело логики» иногда затемняет «логику дела». Каждому ученому следует думать прежде всего о «логике дела». Тогда и «дело логики» станет ясным и понятным.

В статье А. М. Мухина «К проблеме содержания и формы в лингвистике» освещается один из актуальных вопросов теоретического языкознания. Автор высказывает ряд интересных мыслей и предлагает различать три дисциплины в самой лингвистике: лингвистический анализ (как особую дисциплину), лингвистическую географию и лингвистическую стилистику. Не споря здесь с А. М. Мухиным по вопросу о том, почему именно эти аспекты лингвистики выделяются в самостоятельные области знания (отметим лишь, что «лингвистический анализ» -- родовое понятие, две последующие области - видовые понятия), обратим внимание на убеждение автора, будто бы проблема содержания и формы в перечисленных трех областях науки должна решаться совершенно различно («на совершенно различных основаниях», стр. 201). Опираясь на принцип выделе-

ния «трех лингвистических наук», А. М. Мухин делает далеко идущие выводы. Автор утверждает, что лишь лингвистический анализ предполагает системные отношения в языке, тогда как стилистика, обращаясь к внеязыковой действительности, будто бы может пренебречь подобными отношениями (стр. 205). Едва ли возможно согласиться с таким заключением исследователя.

Еще важнее другое: как бы ни были различны взаимоотношения содержания и формы в различных областях науки о языке — а именно это различие всячески акцентирует А. М. Мухин — сама проблема содержания и формы имеет и не может не иметь общелингвистического значения. Именно как общелингвистическая проблема она получает важнейшее методологическое злачение в советской науке, хотя в развых сферах языка проблема взаимодействия содержания и формы действительно должна конкретизироваться.

В сборнике опубликованы две статьи на сходную тему: А. Ф. Лосева «О пределах применения математических методов в языкознании (о сравнительной характеристике языкового и математического знака)» и Т. И. Детериевой «О роли математических методов в языкознании». Эти статьи нисколько, однако, не повторяют друг друга, они изложены в совершенно различной манере. Если в работе Т. И. Дешириевой убедительно показано, в каких случаях математические методы (кстати, их насчитывается около тридцати) могут применяться в лингвистике и в каких - не могут, то в этюде А. Ф. Лосева, сильно и вместе с тем просто написанном, исследуются качественные отличия языкового знака от знаков, которые применяются в математике. На мой взгляд, мимо статьи А. Ф. Лосева теперь не сможет пройти ни один лингвист, интересующийся возможностями разных методов в науке о языке.

Читатели сборника смогут ознакомиться и со статьями О. С. Ахмановой «Ленинская теория познания и лингвистическая абстракция», А. А. Уфимцевой «Теоретические проблемы слова (категория общего и отдельного)» и В. А. Звегинцева «Язык и общественный опыт (к методологии генеративной лингвистики)». Несколько выпадает из состава всего сборника исследование В. А. Звегинцева, которое представляет собой развернутый комментарий к двум книгам американских лингвистов, опубликованным за последние годы. Речь идет здесь о работах Н. Хомского «Язык и мышление» (N. Chomsky, Language and mind, New York, 1968) и его ученика Дж. Катца «Философия языка» (G. Katz, The philosophy of language, New York -London, 1967).

Разумеется, можно по-разному оценивать обе эти книги (в статье В. А. Звегинцева дается высокая их оценка), однако, едва ли правомерно проходить мимо той резкой критики Н. Хомского, голоса которой раздаются сейчас в разных странах мира. На мой взгляд, интерес к философии Декарта у Н. Хомского не случаен. Дело в том, что именно Декарт в некоторых своих разысканиях и размышлениях делал попытки приравнять живые существа к машинам. Гипотеза о «людях-машинах» широко обсуждалась в XVII в.¹. Нельзя, однако, не учитывать, что обращение к Декарту в работах Н. Хомского до сих пор не опиралось на хоть сколько-нибудь серьезное знание сочинений Декарта и его современников, как это убедительно показал в самое последнее время один из критиков Н. Хомского ². Необходимо объяснить и едва ли не центральное противоречие в новейших публикациях Н. Хомского. Как отмечает сам В. А. Звегинцев, лингвистика расширяется у Хомского, с одной стороны, до пределов «начки о мышлении» вообще (стр. 305). а с другой - именно «в генеративной лингвистике семантика — самое слабое ее место» (стр. 300).

В заключение позволю себе сделать несколько общих замечаний. Почти во всех статьях сборника говорится о том, что в лингвистике наших дней наблюдается все большее и большее сближение между традиционными и новыми методами исследования языка. Остается, однако, не вполне ясным, как следует понимать в таких случаях прилагательное «традиционный». Вопрос этот не сводится к простой терминологической неточности. Он гораздо серьезнее. Тем более, что в книге постоянно упоминается и «традиционное языкознание». Между тем «традиционное языкознание» и «традиционные методы» не стоят на месте, они успешно развиваются, хотя многие бывшие их адепты еще не так давно произносили по их же адресу не всегда лестные эпитеты. Но если «традиционное языкознание» и «традиционные методы» быстро и успешно прогрессируют, то о каких «традиционных» понятиях может идти в этом случае речь? Современный сравнительно-исторический метод, например, уже далеко ушел вперед по сравнению с методом А. Потебии или Ф. Фортунатова, К. Бругманна или А. Мейс, хотя для своего времени метод этих ученых сыграл выдающуюся роль в развитии всей нашей науки.

Еще совсем недавно советская лингвистика переживала то, что может быть названо увлечением «нахождения сходного». Язык сближали с любыми «сигнальными системами», с любыми «техническими устройствами», с любыми «языками животных» и т. д. Не отрицая известного значения «нахождения сходного», хотелось бы выделить более значительную проблему: исследование специфики языка как важнейшего средства общения людей, как средства выражения нашего мышления. Со времен Соссюра стало уже банальным утверждение о системном характере языка. Между тем Соссюр был не совсем прав, настаивая на тезисе -- в языке «все связано» (tout se tient). В языке имеются не только система, но и многочисленные подсистемы и даже контрсистемы, изучать которые столь же необходимо, как и систему в целом. Не каждое изменение в языке фатально отражается на всей его системе. Возможны изменения локальные, не влияющие на систему в целом, и изменения более общие, вызывающие перестройку всей системы. Эти, как и многие другие проблемы, еще нуждаются в дальнейших исследованиях.

В наше время стало особенно очевидным, что не всякая абстрактная концепция языка теоретична уже в силу своей абстрактности. Подобное отожцествление, разумеется, неверно, подобно тому, как неверно и представление о мнимом тождестве между конкретной концепцией и концепцией эмпирической. Все дело в том, на какой теоретической основе вырастает та или иная лингвистическая концепция, какой материал она обобщает, какие цели преследует и какое практическое значение имеет.

Как бы ни были существенны расхождения во взглядах между отдельными советскими лингвистами, рецензируемый сборник, в частности, показывает, что советских лингвистов объединяет марксистско-ленинское понимание языка как важнейшего средства человеческого общения, как «реального дойствительного сознания». Поэтому появление данного сборника следует признать весьма своевременным.

Р. А. Бидагов

¹ См. об этом, в частности: А. Н. Б оголюбов, Механика и машины, сб. «У истоков классической науки», М., 1968, стр. 159—162.

² H. Aarsleff, The history of linguistics and professor Chomsky, «Language», 1970, 3.

«Общее языкозпание. Формы существования, функции, история языка».—М., изд-во «Наука». 604 стр.

Выход в свет новой книги по проблемам общего языкознания, подготовленной в Институте языкознания АН СССР (коллектив авторов — Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева, Т. В. Булыгина, Н. Д. Арутконова, Е. С. Кубрякова, Г. А. Климов, А. А. Леоптьев, М. М. Гухмян, Н. Н. Семенюк, К. Г. Крушельницкая; отв. ред. Б. А. Серебренников) весьма знаменятелен. Предыдущий двадцатилетний пернод вывел лингвистику нашей страны в авангард современной науки о языке, и было вполне закономерно обобщить и осмыслить проблемы общего языкознания; нельзя было также не оценить все те новые взгляди, которые сложились в зарубежных школах.

Рецензируемая книга состоит из девяти глав: «К проблеме сущности языка» (стр. 9-95), «Знаковая природа языка» (стр. 96—196), «Язык как исторически развивающееся явление» (стр. 197-313), «Психофизиологические механизмы речи» (стр. 314-370), «Проблемы взаимосвязи языка и мышления» (стр. 371 - 416). как общественное «Язык явление» (стр. 417-450), «Территориальная и сопрадъная дифференциация языка» (стр. 451-501), «Литературный язык» (стр. 502-548), «Норма» (стр. 549-596).

Перед авторами «Общего языкознания» стояли трудные задачи, и было избрано верное решение - изложить прежде всего проблемы, связанные с сущностными характеристиками языка, руководствуясь принципами диалектического материализма. Неудачные попытки в прошлом создать марксистское языкознание, которые потерпели крах из-за догматического приложения отдельных высказываний классиков марксизма-ленинизма к проблемам языка, не означали ниспровержения самих принципов, а лишь свидетельствовали о недостаточном владении теорией марксизма, который остается ведущим философским направлением советской науки. Руководствуясь принцинами диалектического материализма, авторы книги прежде всего определяют главную сущностную характеристику языка — его функцию быть средством общения (стр. 9 и др.), поскольку возможность для языка быть непосредственной действительностью мысли, его характеристика как системы знаков, особенности его развития — все это раскрывается через первое свойство.

Рецензируемая книга может рассматриваться как своеобразная итоговая работа ее авторов, так как отдельные ее части публиковались в виде брошкор и статей. Однако, будучи сведенными в пределах одного труда, идеи разных авторов предстали как достаточно единая теория. Отстанвая свою точку зрения, автория.

ры делают это ненавязчиво; к каждой главе приложена подробная библиография, а это предоставляет возможность углубленной работы в данной области; изложение проблем ведется на уровне лингвистики конца 60-х годов XX в.

Тематика книги чрезвычайно сложна, хотя отдельные мысли, высказанные авторами, могут вызывать возражения, их спорный характер чаще всего обусловливается рядом объективных причин и прежде всего тем, что специалистами смежных областей знания еще не решено много проблем, и языковеду приходится опираться на гипотетические решения как, например, в области сущностных характеристик мышления. Несмотря на то, что в книге в целом выдержана единая линия подхода к анализу языковых явлений, все же из-за того, что части книги написаны разными авторами, не удалось избежать некоторых противоречивых формулировок и непостаточно согласованных решений отдельных вопросов.

В книге выделяются три основные темы — «язык и мышление», «язык как знаковая система особого рода» и «язык и общество».

Соотношение языка и мышления рассматривается вначале в связи с проблемой становления человеческой речи и предпосылок возникновения абстрактного мышления; при этом учитываются новые данные смежных наук. Указывается, что способность обобщения развивается в животном мире, именно «обобщенное знание свойств класса предметов явилось в дальнейшем основой для возникновения слова» (стр. 29), а понятие есть обобщенный инвариантный образ предметов (стр. 41). Источником образования понятий является познание свойств реального мира, но, хотя понятия образуются в дословесный период, именно слова необходимы как для коммуникации, так и для формирования абстрактного мышления, поскольку в языке находят выражение все формы мышления — и понятие, и суждение, и умозаключение (стр. 59).

Далее проблема связи языка и мышления рассматривается уже с точки зревция сложившихся языковых систем: «Именно через мышление, через отражательную деятельность человеческого мозга языковые единицы могут соотносяться с предметами и явлениями объективного реального мира, без чего невозможно было бы общение между людьми при помощи языка» (стр. 372). Представляется интереской, хотя и спорной, мысль о двух видах мышления— познавательном и коммуникативном: в познавательном мышлении язык выступает в качестве базиса, орудия анализа и обобщения, а в

коммуникативном мышлении язык является средством упорядочивания для выражения мысли. Отсюда делается выдля вод о двух функциях языка — познавательной и коммуникативной, хотя выше (гл. I) говорилось об одной главной сущности языка. Спорно утверждение, что в единстве познавательного и коммуникативного проявляется единство биологического и социального (стр. 386-387); это скорее разные плоскости, координирующие специфику соотношения языка и мышления, которая, как справедливо указано в книге, может рассматриваться с разных сторон (гносеологически, психологически, филогенетически, онтогенетически и с точки зрения билингвизма).

При освещении соотношения языка и мышления, естественно, затрагивается проблема значения как результата двойного преобразования - отражательного и коммуникативного, как следствия двух функций языка; при этом учитывается также и влияние эмоционально-оценочного элемента (стр. 399). Между лексическими и грамматическими значениями не усматривается принципиальной разницы: их качественное различие, по мнению авторов, обусловлено характером отражаемого объекта и способом его отражения и выражения в языке. В книге выделяются три типа грамматических значений: первые выражают объективные отношения (предмет и признак, субъект и объект, причина и следствие, пространственные, количественные и прочие отношения), вторые обусловлены актом общения (лицо, время, наклонение) и третьи выражают коммуникативно-оценочный ха-(сообщение — вопрос — побуждение и данное - новое). Остается, однако, без разъяснения, как отграничивать формально-структурные явления от значимых грамматических явлений и как трактовать их с точки зрения категориальных характеристик системы языка.

В целом проблемы соотношения слова и понятия, суждения и предложения даны в слишком общей форме (стр. 410— 412), хотя с рядом замечаний можно согласиться. Действительно, все большее распространение находит определение значения слова как языковой категории плана содержания, познавательным субстратом которой является понятие как логическая категория (стр. 410). При показе соотношения предложения и суждения подчеркивается, что «вся эта проблема усложняется неразграничением в мышлении логического и психологического» (стр. 411). Несомненно и то, что часто проблема соотношения языка и мышления в целом трактуется чересчур прямолинейно, игнорируется переплетение в них познавательного и коммуникативного. Интересна, хотя и не полностью доказана, идея многокомпонентности мышления и многофункциональности языка (стр. 379 и сл.).

В настоящее время на стыке языкозна ния и психологии возникла новая область научного знания - психолингвистика, которая позволяет экспериментальным путем проверить ряд гипотез о соотношении языка и мышления. Однако глава «Психофизиологические механизмы речи» настраивает читателя пессимистически по поводу возможностей психолингвистики, поскольку «... мы еще очень мало знаем о структуре и функционировании механизмов порождения речи» (стр. 365). Наиболее разработан вопрос о механизме восприятия и порождения фонетической стороны речи: значительно меньше известно о механизмах грамматической и семантической ее сторон (стр. 319), т. е. неизвестно, по нашему мнению, главное с точки зрения системы языка. Из изложенного остается также не совсем ясным, что же именно составляет предмет психолингвистики - языковая способность или речевая деятельность в целом. Если верно последнее, то науку о языке следует ограничить проблемами внутренней лингвистики, однако весь материал книги показывает, что языкознание охватывает полный комплекс проблем изучения языка.

Теория знаковости языка, смыкающаяся с проблемой соотношения языка и мышления, занимает в книге довольно много места; это оправдано тем, что «знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей» (стр. 96). Вместе с тем авторы подчеркивают, что семиотический аспект изучения, который, как казалось вначале, может позволить раскрыть сущностные характеристики языка, в дальнейшем стал тормозом, так как он сузил понимание этих характеристистистист.

С точки зрения теории знакового характера языка «значение знака определяется как обобщенное отражение признаков предметов, явлений объективного мира, исторически закрепленное за данным знаком и ставшее его внутренней стороной» (стр. 104). Представляется справедливым замечание о том, что беспредметен спор о природе значения и определение его либо как субстанции, либо как отношения, так как значение включает в себя и то, и другое (стр. 125). Анализ содержательной стороны знака проведен весьма последовательно и всюду подчеркивается, что связь означаемого и означающего опосредована человеческим сознанием. Мы поддерживаем мысль о том, что знак в целом двусторонен, а означающее обладает двоякой природой: оно и материально, и идеально. Не вызывает возражения и соотнесение знаковости естественного языка с четырьмя функциями языковых элементов: с функциями обозначения, обобщения, коммуникации и с прагматической функцией. Доставинск эмгилто оназано отличие языка

от прочих семмотических систем и его особое место среди явлений окружающей нас жизни. В качестве основной функции выделена познавательная функция как отличающая языковой знак, но подчеркнуто, что специфика естественного языка заключается не столько в ней, сколько во взаимодействии и во взаимообусловленном сосуществовании всех функций, что делает знаковую систему языка глобальной по значению, многоярусной по структуре, полифункциональной по целям (сто. 109).

Подробно рассмотрены специфические черты языка при сопоставлении его с другими системами знаков. Одной из типологических черт естественного языка названа его способность трансмутироваться из одного набора знаков в другой (ср. у Ельмслева: «язык — это семиотика, на которую можно перевести все другие семнотики», см. стр. 147). Подчеркнуто, что язык может выбирать в зависимости от конкретных целей и ситуации общения наиболее подходящий тип знаков, поскольку в его составе представлены все они: индексы, иконические знаки, сигналы и символы. Интересны соображения о действии принципа экономии в языке, который выявляется в наличии фигур в планах как выражения, так и содержания и в пелом — в многоуровневой организапии языка.

Специфика языкового знака демонстрируется также в связи с языковым изменением, т. е. в плане сдвига семиотических связей: в языке наблюдается действие противоборствующих сил, одна из которых направлена на разрушение знака, а другая — на предотвращение разрыва двух сторон знака и их объединение: «...в функционировании языка участвует, наряду с собственно семиотическим механизмом, еще и переменный, скользящий аппарат дифференциации, создаваемый смысловым и ситуативным контекстом» (стр. 190). Сведения о языке как исторически развивающемся явлении заставляют посмотреть на диахронию как на свойство существования системы языка. Можно согласиться с тем, что с этой точки зрения в языке по сравнению с другими семиотическими системами наличествуют промежуточные образования и новое сосуществует рядом со старым: «язык... является самопорождающим организмом, который из себя же самого создает свою новую структуру» (стр. 172). Не забыто и то, что асимметрия знака, сдвиги в отношениях между формой и функцией имеют прямую связь с эстетической функцией языка. Достаточно ново и перспективно выделение функциональных единиц как в плане содержания, так и в плане выражения.

Теория знака охарактеризована всесторонне и глубоко, однако здесь не могло не сказаться то, что все три раздела главы о знаковости языка написаны

разными авторами. В результате описание свойств знака и особенностей его развития отражает в известной мере соссюровскую традицию, в которой слово рассматривается в качестве центральной единицы; сравнение же языка с другими семиотическими системами тяготеет к бюлеровской тенденции, признающей в качестве знака не только слово, но и предложение. Все это не могло не привести к противоречиям, из-за которых осталось неясным, что же считать знаком языка. При чтении первой главы создается впечатление, что знаком является звуковая оболочка слова и его формальной части (см. стр. 43-45). Во второй главе (§ 1) говорится главным образом о слове как о знаке, хотя упоминается его отличие как знака от предложений, словосочетаний и морфем (стр. 129), в связи с чем вводится малопригодный термин «словесный знак» и сказано, что слово — это основной, полный знак (стр. 130 и сл.). Но далее в той же главе (§ 2) слово трактуется как частичный знак (стр. 162 и сл.) и противопоставляется предложению как полному знаку. В пределах одной главы проводятся две типологии знаков: на стр. 136 говорится о трех группах знаков -- фонемах (знаках с дифференцирующей функцией), грамматических морфемах и моделях синтаксических и семантических связей языковых единиц (знаках с превалированием отождествляющей функции над дифференцирующей) и словах, словосочетаниях и предложениях (собственно знаках, которым присуща как дифференпирующая, так и обобщающая функция). а на стр. 155 выделены всего две группы знаков - номинативные и предикативные. Вызывает сомнение состав единиц, относимых к знакам языка. Прежде всего это касается фонем, так как они не удовлетворяют определению знака, данному на стр. 111-112: они не обладают двусторонним характером, не замещают ни понятий, ни идей, не обладают значением (стр. 107), в их пределах не сосуществуют четыре функции знака. В других разделах книги также говорится о фонемах как о не-знаках, т. е. о фигурах (см. стр. 156, 217 и др.). Требует даль-нейших разъяснений отнесение моделей синтаксических и семантических связей к знаковым образованиям, ибо и оно не удовлетворяет критериям, по которым определяется знак. Весьма спорным представляется и отнесение предложений к знакам языка. Не вызывает сомнения, что отличие языка от прочих семиотических систем связано с наличием номинативных знаков, тогда как в прочих системах есть лишь знаки, подобные предложениям. Заметим, однако, что за пределами естественного языка человека знаковые системы состоят не из чисто предикативных знаков, т. е. за пределами человеческого языка номинативность и предикативность слиты воедино (иначе говоря - максимально сближены текст и система). Можно добавить и то, что в содержательной стороне языкового знака наличествует не только значение, но и ценность (значимость) как реляционное свойство, проистекающее от соотношения знака с прочими членами системы; предложение же не обладает этим свойством. Нам представляется более верной точка зрения, высказанная на стр. 407, где предложение определено в качестве основной единицы общения.

Со знаковым характером языка непосредственно связана идея системности, и остается пожалеть, что соответствующий раздел отсутствует в рецензируемой книге, трактующей сущностные черты языка. Из-за этого термины «система» и «структура» употребляются без уточнения, и даже вводится различие языка и системы языка (стр. 270), а наибольшее место уделено понятию системы при обсуждении проблемы языковых изменений (стр. 266-282) 1.

В последние годы все больше внимания привлекает функциональный аспект языковых явлений, и в книге он представлен достаточно полно, однако еще не четко выкристаллизовалось определение самого термина «функция» (его трактуют то в соответствии со взглядами Пражского лингвистического кружка, то «по Ельмслеву»), и это сказалось в рецензируемом труде. Нет четкости также в определении функций языка как целого и функций его единиц (ср. стр. 109 и 135-136). Помимо коммуникативной, познавательной и эстетической функций, упомянуты также общественные функции языка (стр. 232, 432, 510) без четкого их описания и отличия от форм существования языка (стр. 530). По-видимому, целесообразно отграничивать, с одной стороны, цели и назначение языка, а с другой - сферы его использования.

Тема «язык и общество» в рецензируемой книге рассматривается, начиная с общих предпосылок возникновения человеческой речи при совместной трудовой деятельности в первобытном стаде, так как «наличие общественного сознания явилось весьма важной предпосылкой для возникновения звуковой (стр. 38). Весьма подробно сопоставляются особенности коммуникации и языковая техника в разных языках мира. Проанализированы исторические особенности развития языка, и в качестве причины развития названа неоднородность языка в функциональном, социальном и географическом планах. Хорошо показаны два вида внутреннего движения язы-

ка: варьирование, т. е. движение в синхронии, не затрагивающее структуру языка и относящееся к его функционированию, и изменение, приводящее структуру к новому виду (стр. 208). Опровергнут тезис о непроницаемости грамматического строя (см. стр. 222; правда, ниже вновь упомянута морфологическая непроницаемость - см. стр. 292).

В главе о языке как общественном явлении особое внимание уделено определению общественного сознания в его отличиях от мировоззрения, т. е. от идеологии. Показано также отражение в языке особенностей социальной жизни общества, его дифференциации по классовому, сословному, имущественному и профессиональному признаку, описано, как язык реагирует на демографические изменения и т. п. В последние годы эта тематика мало разрабатывалась, хотя в трудах 30-х годов она была широко представлена. В рецензируемой книге использовано все то многое, что было накоплено в этой области советской лингвистикой, с переосмыслением в свете новейших лостижений. Подробно освещена социальная дифференциация языка и проблема жаргонных характеристик (стр. 478-498).

При рассмотрении проблемы «язык и территориальные диалекты» отмечается, что с точки зрения структуры, невозможно определить разницу между ними, так как пока здесь надежны лишь критерии сопиологического порядка (стр. 452). Понятие территориального диалекта не только исторически изменчиво, но зависит и от уровня социального развития; с течением времени отдельный диалект может накопить большое количество отличительных черт и постепенно превратиться в самостоятельный язык (стр. 472). Некоторое противоречие можно усмотреть в том, что сначала говорится о необязательности территориальных границ как признаке диалекта (см. стр. 469, 472, 476), а затем подчеркивается именно территориальная ограниченность как новная черта диалекта (см. стр. 508).

Дифференциальные признаки диалекта выявляются яснее всего в их противопоставлении признакам литературного языка, который определяется как «... обработанная форма любого языка, независимо от того, получает ли она реализацию в устной или письменной разновидности» (стр. 502). Литературный язык описывается в его противопоставлении не только территориальным диалектам, но и бытовым формам разговорного языка - городским и областным койне, интердиалектам и т. д.; когда же говорится о литературном языке сложившихся наций, то перечисляются его особенности: поливалентность, стилевое разнообразие, отбор с регламентацией и т. п. На многочисленных примерах проанализированы

¹ Раздел «Понятие системы языка» включен в следующий том этого издания, подготовляемый в настоящее время Сектором общего языкознания Института языкознавия АН СССР.

особенности становления национальных литературных языков в разных странах.

К главам об общественном характере языка примыкает глава о норме, которая одновременно грантуется нак собственно языковая и как социально-историческая категория (стр. 559). Теория нормы, долженствующая дополнять противопоставление языка и речи, которое имплицитно принимается в книге, содержит много неясного. С одной стороны, практика обучения языку и наблюдения за спепификой использования литературного языка подтверждают необходимость понятия языковой нормы, а с другой стороны, не полностью ясны все-таки критерии определения этого понятия. Возникает также вопрос о пелесообразности рассмотрения нормы как общеязыковедческой категории, если соотношение языковой структуры с планом ее реализации распространено лишь на флективные языки, а для агглютинативных и изолирующих языков оно объявляется нехарактерным (стр. 558). Все же, в целом рассмотрение понятия нормы представляет интерес, а материал, приведенный в данной главе, свеж и оригинален.

Говоря о построении рецензируемой книги, следует заметать, что при освещении огдельных проблем было найдено хорошее соотношение исторического аспекта и современного состояния, а несколько неравномерное распределение иллюстративного материала обусловливалось характером освещаемых проблем. Не во всех главах выдержано равномерное разбиение на разделы и параграфы, а главу о норме следовало бы включить в предыдущую главу о литературном языке. Встречаются отдельные повторения, например, о месте языка среди других знаковых систем.

Несколько слов о терминологии одном из больных мест современной науки. В целом в книге используются достаточно установивпиеся термины, однако, нередко употребляются новые термины иноязычного происхождения, которые еще не получили всеобщего признания и не включены в словари, имеющиеся в распоряжении советского читателя. Иногда в параллель к ним приведены общераспространенные термины, что уже само по себе указывает на возможность не пользоваться малопонятным словом. Ср. неконгруэнтность — непараллельность (стр. 116), арбитрарность - произвольность (стр. 150 и сл.), интралингвистические - внутриязыковые (стр. 219), гипосемиотематический уровень - лежащий ниже уровня предложения (стр. 166) и т. п. Без объяснения введены термины. используемые Л. Приэто (их нет в словаре О. С. Ахмановой): ноэма, ноэтическое поле и т. п. (стр. 146 и сл.); без объяснения введен термин «семиотема» с разными эквивалентами - высказывание (стр. 165), предложение (стр. 167). Вариант лексемы назван «лекса», а варианты морфемы и фонемы названы соответственно «морфом» и «фоном». Все это свидетельствует, что давно пора упорядочить терминотворчество, уделив новное внимание его принципам.

Можно было бы сделать ряд мелких замечаний по поводу ноудачных формулировок (приходится отметить особо наличие навболее досадных опечаток наст. 125, 129, 144, 178, 186, 193, 237, 249, 250, 236, 293, 375, 396, 425, 439, 441, 517, 565), поспорить о некоторых примерах, но не в них дело, когда речь идет о большом и серьезном труде. Заметим, что при современном спросе на лингвистическую литературу тираж в 10 000 экземпляров нельзя назвать удовлетворительным.

В целом книга «Общее языкознание» выражает ориентацию (ведущего языковедческого) учреждения и дает возможность всесторонне проанализировать основные проблемы теоретической лингвистики.

H. A. Слюсарева

D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johnson. Russian derivational dictionaery.—New York, American Elsevier publishing company, INC., 1970. XXIV+747 crp.

Вряд ли есть большая необходимость говорить о том значении, какое имеет выход в свет словаря, посвященного такой наболевшей и вместе с тем далеко еще не решенной проблеме — членимости на морфемы слов современного русского языка.

Идея составления словаря морфем сама по себе не нова и была высказана И. А. Бодуэном де Куртенэ немногим менее 100 лет назад ¹. Значительно пояднее, в 30-е годы, она была выдвинута вновь известным американским лингви-

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Замечания о русско-польском словаре, «Лексикографический сборник», VI, М., 1963, стр. 140—147.

стом Л. Блумфилдом 2, а затем и его последователями Дж. Трейгером и Л. Смитом 3. Однако данная идея долгое время оставалась неосуществленной, если не считать небольшого, содержащего лишь корневые единицы русского языка, сло-варя Дж. Патрика ⁴, вышедшего в 1938 г.

Известным шагом вперед в этом направлении можно, очевидно, считать «Словарь корней русского языка», составленный К. Волконской и М. Полторацкой ⁵, появившийся в 1961 г.⁶. Он охватывал относительно больщой объем слов русского языка — около 20 тысяч, на базе чего было выделено почти 1300 корневых единиц. Правда, в силу того, что авторами данного словаря были зафиксированы не все наиболее продуктивные корни русского языка, а зафиксированные нередко имели внутри своих гнезд далеко не все образования, и в ревультате того, что среди корневых единиц, выступавших как заголовочные слова, назывались подчас вовсе не продуктивные корневые морфемы, в известной степени искажалась действительная картина современного русского языка на морфемном уровне. Однако, несмотря на довольно большое число претензий и возражений, которые можно было бы высказать авторам, данный словарь корневых единиц русского языка, безусловно, выполнял свое назначение, ибо он был вадуман лишь как учебное пособие для студентов, изучающих русский язык. Больше того, он представлял и некоторый научный интерес, будучи одним из возможных (и притом первых) типов словарей морфем русского языка.

Не останавливаясь на характеристике всех возможных типов словарей морфем русского языка, что вполне может быть предметом специального исследования 7, заметим только, что лексикография в большом долгу перед всеми, интересующимися вопросами морфемного и словообразовательного анализа словарног**о** состава современного русского языка. Поэтому возможности выбора типа словаря морфем огромны. Вероятно, такие словари могут отличаться объемом слов, на базе которых они построены, принципами и приемами обработки материала, способами подачи этого материала в самом словаре и еще многим другим. Очевидно, могут быть словари, основными единицами которых будут корневые морфемы (как это имеет место в словарях Дж. Патрика, К. Волконской и М. Полторацкой, как вновь встречаем в реценвируемом словаре), и словари, где на равных правах будут выступать как корневые, так и аффиксальные морфемы (на чем в свое время очень настаивал И. А. Бодуэн де Куртенэ, а позднее — Л. В. Щерба). Трудно сказать, что интереснее для лингвиста: словари, где каждая словарная статья раскрывает перед нами все слова русского языка, содержащие заглавную морфему, подчеркивая при этом еще и все возможные окружения, в которых она там встречается 8, или так называемые частотные словари морфем, характеризующие с разных сторон количественные возможности тех или иных значимых частей русских слов 9.

⁷ Частично мы уже касались этого см.: Т. Ф. Ефремова, Опыт составления словаря морфем русского языка, «Р. яз. в нац. шк.», 1969, 4. ⁸ Именно такой словарь морфем рус-

ского языка, основными единицами которого будут как корни, так и аффиксы, был задуман и составлен Т. Ф. Ефремовой и А. И. Кузнецовой. В настоящее время данный словарь проходит редакционную подготовку в издательстве «Советская энциклопедия».

⁹ В качестве эксперимента такой частотный словарь был составлен нами и представлен в виде одного из разделов диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Опыт описания структуры современного русского языка на уровне морфов» (М., 1970). В результате количественного анализа рассмотренных единиц было установлено, что около 30 префиксов (из 70 существующих) и почти 90 суффиксов (из 488) реализуются, соответственно, примерно в 150 префиксальных (из 438) и приблизительно 250 суффиксальных (из 3207) последовательностях; последние, строгим образом коррелируя друг с другом, образуют около 250 корневых окружений (из 12 801), которые, взаимодействуя с примерно 400 корневыми единицами (из 4269), создают почти 50 тыс. слов (из 60 125 рассмотренных. За основу исследования был взят «Орфо-

L. Bloomfield, Language,

New York, 1933, crp. 162.

G. Z. Trager, L. Smith, Outline of English structure, Oklahoma, 1951.

⁴ G. L. Patrick, Roots of the Russian language, New York, 1938. ⁵ C. Wolkonsky, M. Polto-⁵ C. Wolkonsky, M. Poltoratzky, Handbook of Russian roots, New York, 1961.

⁶ Несколько ранее, в 50-е годы, увидел свет «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи, составленный на базе почти 25 тысяч слов. Однако их отбор не отличался большой последовательностью. Кроме того, его вряд ли можно причислить к словарям морфем русского языка: в нем нет ни полного перечня корней, выделившихся на базе рассмотренных слов, ни подробного индекса аффиксальных единиц, которые, правда, частично приводятся в приложениях, но в самих словах вычленяются очень непоследовательно, а иногда и просто неправильно.

Можно долго дискутировать о том, какой тип словаря в настоящее время наиболее пелесообразен или особенно необходим. Хочется сказать одно: языкознание одинаково остро нуждается в хороших словарях морфем русского языка разных типов. Вот почему, прежде всего, так радует появление рецензируемого

нами словаря.

По своей структуре этот словарь, являющийся плодом семилетней работы относительно большой группы исследователей, в целом продолжает уже наметившиеся традиции американской лексикографической школы. Перед нами - гнездовой словарь слов современного рус-ского языка. Основной единицей его является корневая морфема. Всего в словаре рассматривается примерно 15 тыс. таких корневых единиц, каждой из которых посвящена отдельная словарная статья. За основной вид морфемы выбирается наиболее распространенный вариант корня, который и выступает в качестве заголовочного слова. Все остальные морфы в заголовке не перечисляются, а лишь выделяются в соответствующих словах непосредственно внутри словарной статьи. Последовательность расположения слов, иллюстрирующих тот или иной корень, определяется алфавитом всех его возможных вариантов, который в свою очередь уточняется алфавитом пре- и постпозитивных по отношению к ним элементов. На каждую рассматриваемую морфему приводятся все однокоренные слова, встречающиеся в корпусе данного словаря морфем (о чем см. ниже), в том числе сложные слова, аббревиатуры, написания с дефисом, реже — сочетания с предлогом. Все приводимые слова представлены в их письменной акцентуированной форме и расчленены на

графический словарь русского языка» с определенными, наложенными на него ограничениями). Не останавливаясь на каких-либо подробностях, заметим лишь, что нагрузка, которую несут на себе выделившиеся единицы, крайне неодина-кова. Так, почти 45% существующих префиксов и 20% суффиксов представ-лены примерно в 90% слов; 5% максимально продуктивных корневых единиц (276 морфов) образуют столько же слов (30 тыс.), сколько остальные 95% корневых морфов; что касается корневых окружений, то 1,5% всех реально существующих (195) встречаются в 50% проанализированных слов, т. е. такое же количество слов приходится на оставпиеся 98,5% корпевых окружений. Очевидно, именно эти наиболее продуктивные единицы и следует в первую очередь рассматривать, приступая к изучению современного русского языка с точки зрения его морфологической структуры, в частвости, начиная составлять компактный словарь морфем. 📚

морфемы, т. е. в пределах каждого слова оказываются выделенными не только корневые единицы, но и все аффиксальные.

Из этого очень краткого анализа структуры словарной статьи сразу же становится ясно, с какими трудными, нередко до сих пор не решенными одновначно проблемами пришлось столкнуться составителям данного словаря морфем. Вот главные из них: 1) что взять за основу корпуса словаря; 2) какие принципы членения на морфемы использовать при сегментации исследуемого материала; 3) как наиболее показательно представить в словаре результаты этой огромной, подчас невидной, а поэтому редкооценивающейся процедуры.

В предисловии авторы последовательно раскрывают перед читателями процесс создания словаря морфем, достаточно откровенно делятся своими соображениями и сомнениями как теоретического, так и практического характера, иногда называют иное, не использованное ими, но возможное решение отдельных частных задач. Все это располагает к размышлению над выдвинутыми проблемами, подчас способствует иному, более рациональному решению какого-то вопроса, в значительной степени облегчает работу со словарем, помогая использовать имеющиеся результаты в каких-либо других целях, и, что совсем не маловажно, создает возможность сравнивать результаты данного исследования с результатами исследования, проделанного на том же материале, но рассмотренном несколько иным углом зрения. Эта научная откровенность, известная самокритичность и достаточно строгая логичность в изложении теоретических положений выгодно отличают данный словарь морфем от его предшественников, облегчая, однако, его критику.

Итак, прежде чем начать составлять словарь морфем русского языка, его авторы должны были решить, что послужит корпусом будущего словаря. После не-которых колебаний за основу современного стандартизованного русского языка был взят «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (4-е изд., М., 1959), насчитывающий около 110 тыс. слов. Выбор этого источника объясняется прежде всего тем, что названный словарь включает максимальное число слов русского языка по сравнению со всеми другими словарями, существовавшими к началу работы (т. е. к 1962 г.). Кроме того, по своей структуре этот словарь значительно удобнее для анализа языкового материала, чем, скажем, толковые словари. Авторы бу-дущего словаря морфем взяли «Орфографический словарь» за основу, ничего изнего не исключая и ничем его не дополняя. Конечно, при всей сложности и новизне задачи, которую авторы перед со-

бою поставили — составить словарь морфем русского языка — они вправе выбрать за основу любой источник. Однако сколь удачен их выбор? Как известно, «Орфографический словарь русского языка», в силу своей специфики, включает много слов «неинтересных» с точки зрения той задачи, которая стояла перед составителями словаря морфем русского языка: так, без каких-либо особых помет он фиксирует много узкоспециальных, заимствованных слов, нередко к тому же единичных образований с тем или иным корнем. По нашим предварительным подсчетам, такие слова составляют примерно 25% общего числа рассмотренных слов. т. е. им отводится около 10 тыс. словарных статей с общим наполнением почти в 30 тыс. слов.

Напомним, однако, что классификация русских словосемейств (word-families) по словообразовательным (точнее было бы сказать - по словосоставным) типам вот одна из основных задач, которую поставили перед собою авторы рецензируемого словаря. Не лучше ли, с точки зрения решения этой задачи, рассмотреть отдельно исконно русские слова и слова Очевидно, последние заимствованные. будут обладать целым рядом особенностей, характеризующих их структурное набор морфологических эдементов, правила соположения этих элементов в слове и нечто другое. Можно с достаточной очевидностью предположить, что и совокупность принципов членения на морфемы, примененных при сегментации исконно русских слов, не будет тождественной тому набору принципов, которые следовало бы использовать при членении заимствованных слов. Больше того, хотелось бы настанвать на обязательно раздельном членении на морфемы внутри исконно русских слов и

внутри слов заимствованных. Думается, было бы целесообразным, рассмотрев отдельно структурные особенности каждой из этих двух далеко не равномощных групп слов, сопоставить затем результаты исследования, выявив тем самым нечто общее, свойственное как исконно русским, так и заимствованным словам, и сугубо специфическое, характеризующее лишь ту или иную группу. Анализ общего и частного при сопоставлении структуры исконно русских слов и слов заимствованных наметил бы расчленение всего исследованного материала на три неравные группы. Мы имели бы: 1) корневые морфемы (и, соответственно, все образования с ними), выделившиеся в исконно русских словах и реализующиеся в современном русском языке в словообразовательных (точнее словосоставных) моделях, обладающих широкой распространенностью; 2) корневые морфемы, выделившиеся в заимствованных словах, но встречающиеся в основном в моделях, свойственных исконно русским словам; 3) корневые морфемы, выделившиеся в заимствованных словах и выступающие в моделях, характерных только для заимствованных слов. Слова первых двух групи, как нам кажется, целесообразно было бы использовать в качестве строительного материала словаря морфем русского языка, что же касается слов третьей групиы, то их в корпус такого словаря мы бы не включали.

Правда, предлагая несколько иное решение вопроса относительно состава корпуса словаря морфем, мы со всей ясностью признаем, что вопрос этот очень спорный, а сложность его в первую очередь состоит в том, как и где в современном русском языке провести границу между исконно русскими словами и словами заимствованными. Однако нельзя не подчеркнуть, что решение этого вопроса в том виде, как оно имеет место в данном словаре морфем, влечет за собою целый ряд неточностей, а иногда и просто ошибок, которые наиболее проявились при выделении корневых единиц и в процессе членения на морфемы префиксальных и суффиксальных частей заимствованных слов. Так, вряд ли можно согласиться с выделением в словах современного русского языка корней -бус-(авто-бус, троллей-бус), -лоял- (лоял-ьн-ый, лоял-ь-н-ост-ь), -люмин- (люмин-ал, ил-люмин-ат-ор, люмин-есц-ент-н-ый), -махер- (в словах парик-махер, парик-махер-ш-а наряду со словами шахершахер-махер-ск-ий), (милит-ар-изм, милит-ар-ист-ск-ий), -пол- (пол-юс), -физ- (гип-о-физ), -фил-(прост-о-фил-я), -фили- (фили-ал), -фито- (фитю-л-ь-к-а), -фок- (фок-ус, фок--ус-н-ый, но фокус-н-ик). К сожалению, подобные примеры неправильного выделения корня встречаются не только в заимствованных, но и в исконно русских словах: например, -рав- (рав-н-ый, рав-н-ин-а), -влас- (влас-т-ь), -волос- (волос-т-н-ой, волос-т-ь) и т. д.

К вопросу о том, включать или не включать в корпус словаря морфем заимствованные слова, и если включать, то какие и на каком основании, тесно примыкает и другой, касающийся наличия или отсутствия в этом корпусе сложных слов. По нашим подсчетам, последние составляют около 15% общего состава слов «Орфографического словаря», т. е. примерно 16,5 тыс. Авторов словаря морфем сложные слова интересуют только с̂ точки зрения их вхождения в те или иные гнезда слов. Такое их использование в корпусе словаря морфем вполне допустимо и даже желательно. Однако встречаются случаи неправильного подведения тех или иных примеров под категорию сложных слов. Правда, чаще всего это относится к заимствованным словам и упирается тем самым в рещение выше обсуждавшегося вопроса: в частности, в качестве сложных рассматриваются уже называвшиеся слова автобуе, простофиля, парикмахер, а также скорлупа и некот. др.

Итак, более строгий и дифференцированный подход к заимствованным словам и некоторое ограничение их роли в кориусе словаря морфем способствовали бы, как нам кажется, значительному улучшению структуры и состава рецензируемого словаря морфем русского языка.

Вторая, не менее важная проблема, которая встала перед составителями словаря морфем после отбора корпуса, заключалась в выборе наиболее целесообразных принципов членения на морфемы всего анализируемого материала. Общеизвестно, что результаты подобного рода исследований целиком и непосредственно зависят от того, сколь удачно выбраны принцицы членения и как по-следовательно они применены на практике. Проблема членимости слов на морфемы является одной из центральных как для советских, так и зарубежных лингвистов, занимающихся вопросами морфемного и словообразовательного анализа. Однако, несмотря на достаточное число работ по данной теме, она до сих пор не имеет однозначного решения, что, с другой стороны, вполне естественно, ибо принципы, которые будут положены в основу сегментации того или иного языкового материала, могут в известной степени варьироваться в зависимости от пелей и задач конкретного исследования.

Авторы рецензируемого словаря морфем используют так называемое максимальное, или предельное сегментирование материала, т. е. при расчленении слова на его составляющие (не образующие!) ими выделяются и морфемы, обладающие большой распространенностью в современном русском языке, и морфемы, встречающиеся реже, но более, чем в одном окружении, и морфемы, выступающие всего в одном окружении, но вычленяющиеся там за счет абсолютной четкости и большой частоты встречаемости соседних элементов. Следует отметить, что при выделении корневых единиц учитывается семантический критерий при достаточно последовательном применении метода сопоставления. Однако господствующим нередко, особенно применительно к исконно русским словам, оказывается исторический принцип, что наиболее ярко видно на примере тех слов, фонетический облик которых изменился под влиянием исторических процессов. Так, в словарной статье на корень -вер m1-, наряду с морфами вер-/вер m-/ së pm-|sepu- |sopau- | sopom- | sopou- | spam-| вращ-, встречаем морфы ер-(об-ер-ну-ть), (об-ёр-ну-т-ый), ёрт-(об-ёрт-к-а), орач-(об-орач-ива-ть), opom-(oб-opom), ороч-(об-ороч-е-нн-ый), рат-(об-рат-и-ть), В словарной ращ-(об-раш-а-ем-ост-ь). статье на корень -влад- как его вариант фиксируется морф лад-(об-лад-а-ть, облад-а-ии-е); здесь же приводится неоправданно усеченный морф лас-, о котором частично уже говорилось выше (лас-ть-ь, лас-ть-ий), а как его разновидность морф лас- (об-лас-ть-ь, об-лас-ть-ой). К сожалению, подобного рода усечения кория не единичны: так, внутри соответствующих словарных статей встречаем морфы вес-(по-вес-ть-ь, из-вес-ти-ть), слас-(лас-ть-ь, лас-ть-д) и некот. пр.

Принципы объединения корневых морфов в группы специально не раскрываются, но обычно эти единицы алломорфны и находятся в отношении дополнительной дистрибущии. Однако иногла в такие группы попадают корни, с современной точки зрения очень далекие. Например, в словарной статье на корень -лег-, наряду со словами лёг-к-ий, с-легк-а и др., приводятся слова по-лез-н-ый. по-лез-н-ост-ь, льг-от-а, льг-от-н-ый, не-льз-я, по-льз-а. Не менее странно с этой же точки зрения выглядит словарная статья на корень -маз-, где в одном ряду перечисляются слова маз-а-ть, с-маз-лив-ый, мас-л-о, мас-т-ь и некот. др. Аналогичное недоумение вызывает словарная статья на корень -леп-, фиксирующая слова леп-и-ть, не-леп-ии-а, благ-о-леп-и-е, леп-ёш-к-а, леп-ёш-еч-н-ик и им подобные. Хотелось бы, чтобы неточности такого рода встречались в словаре морфем современного языка как можно реже.

Основное внимание в рецензируемом словаре морфем уделено корневым единицам. Аффиксальные же (как префиксальные, так и суффиксальные) липь выденяются, но никак не комментируются, хотя к их вычленению авторы относятся с неменьшим вниманием, чем выгодно отличаются от своих предшественников.

Остается выразить сожаление, в данном словаре морфем, как и во всех предыдущих, мы не имеем, наряду с так называемыми корневыми словарными статьями, словарных статей, посвященных аффиксальным морфемам. Однако это нельзя причислять к недостаткам рецензируемого словаря, а мы, очевидно, должны анализировать лишь то, что прямо представлено его составителями. И все же хочется высказать пожелание относительно способа представления результатов такого рода исследований. Очень жаль, что итоги огромной работы обобщаются в словаре лишь содержательно и никак не раскрывается статистическая сторона, которая в значительной степени объективизировала бы наши представления о структуре современного русского языка на морфемном уровне. Хотелось бы знать, например, каково количество корневых морфов, выделившихся на базе рассмотренного корпуса словаря, какое число корневых морфем они составляют, сколько из них продуктивных, т. е. имеющих, скажем, не менее десяти образований, и какие это корни русского языка, как в статистическом отношении распределяется оставшаяся групца корневых единиц; сколько префиксальных (и, соответственно, суффиксальных) морфем было выделено, какие это единицы, какова их распространенность в словах современного русского языка; какие из существующих префиксальных и суффиксальных отрезков могут вступать в корреляции между собою, образуя тем самым корневые окружения, как много таких окружений, что они собою представляют и одинакова ли их нагрузка в современном русском языке. Вот тот небольшой и, конечно, примерный перечень вопросов, которые возникают в процессе работы с рецензируемым словарем морфем русского языка.

В заключении необходимо отметить следующее обстоятельство: все лексико-графические работы легко критиковать и очень трудно создавать. Может бить поэтому так быстро появляются рецензии на чрезвычайно редко выходящие работы подобного рода. Что же касается данного словаря морфем русского языка, то, несмотря на те замечания, которые уже сделаны или еще будут сделаны, сто, несмотря на те замечания, которые уже сделаны или еще будут сделаны, с уверенностью можно утверждать, что он нужен, полезен и найдет широкий круг читателей, ибо интересен не только в экспликационном, но и стимулятивном отношении, заставляя размышлять над проблемой морфологической структуры слова в современном русском языке.

T. Ф. Ефремов**а**

В. Станков. Българските глаголни времена. -- София, 1969. 200 стр.

Книга болгарского лингвиста В. Станкова завершвает серию исследований автора, посвященных проблематике болгарских глагольных времен, а также некоторых модальных категорий болгарского глагола ¹. В ней подробно в самостоятельных разделах описано значение и употребление каждого из девити выделяемых автором времен, а также эквивалентных им по темпоральному значению модальных форм, охватываемых рамками болгарского индикатива.

В своем описании автор опирается на (основного) понятия общего вначения, присущего форме в любых условиях контекста, и ее частных (в данном контексте) значений, из которых наименее зависимое от контекста рассматривается как главное. Употребление формы в несвойственной ей темпоральной функции в условиях контекста, логически противоречащего ее осзначению, квалифицируется как переносное употребление, если благодаря ему форма исполняет особые стилистические или модальные функции. Ср., например, настоящее историческое, реферативное, сценичного действия, настоящее предрекаемое (стр. 28—52), настоящее потенциальной готовности к осуществлению действия (стр. 52-58); им-

Большое внимание в работе уделено исследованию возможностей стилистического использования отдельных темпоральных форм, вытекающих из на

перфект с молальными оттенками неуверенности, догадки, смягченного утверждения о действии в настоящем или будущем (стр. 108-113); плюсквамперфект с модальными оттенками скромности, деликатности, неконкретности сообщения о действии, приноминания или догадки о нем (стр. 124-126); будущее с модальными оттенками потенциальной готовности, долженствования, предполагаемого осуществления действия в настоящем (стр. 138-142) и др. При отсутствии стилистического или модального эффекта сдвиг в темпоральном значении формы рассматривается не как случай нейтрализации ее ссновного значения, а как самостоятельное значение данной формы. существующез параллельно с ее основным значением (и тем самым, заметим, сводящее на нет определение основного значения как присущего форме в любых условиях контекста). Как самостоятельное значение интерпретируется употребление настоящего времени в функции будущего в придаточных предложениях к главному со сказуемым в будущем вре-мени (стр. 26—28), перфекта вместо будущего предварительного (стр. 81-82), имперфекта вместо будущего в прошед-шем (стр. 103—105). При рассмотрении системы темпоральных оппозиций эти значения, отражающие, по мнению автора, более старое состояние болгарского языка, не учитываются. Значительное место отведено также описанию употребления временных форм в некоторых типах придаточных предложений.

¹ В. Стан к о в, Имперфектът в съвременния български книжовен език, София, 1966; е го ж е, Модална употреба на глаголните времена в съвременния български книжовен език, «Известия на Института за български език», ХУ, София, 1967; е го ж е, Категории на индикатива в съвременния български език, БЕ, 1967, 4.

грамматического значения, художественного эффекта от их применения в разлитных литературных жаврах, а также мотвеновке диктуемых грамматикой норм их употребления в различных ситуациях контекста (ср., например, стр. 17—22, 33—50, 82—86, 101—103, 142—145 и др.). Особенно подробно анализируется употребление темпорально-модальных категорий болгарского индикатива в языке художественного перевода (стр. 185—191).

Тщательная разработка всех этих вопросов, в которой проявились наблюдательность автора, тонкое понимание им особенностей речевой ситуации, большой вкус и точность в подборе иллюстративго материала, позволяет включить книгу В. Станкова в актив болгарской службы культуры речи и оправдывает замысел автора адресовать свою работу широкому кругу образованных читателей. Вместе с тем, монография представляет собой оригинальное исследование, содержащее семантической целостную конпеппию структуры болгарских темпоральных форм, и является серьезным вкладом в тео-

проблематики

боягарского глагола. На этой ее стороне целесообразно остановиться более подробно.

ретическое осмысление

Для предложенной в книге концепции плана содержания темпоральных форм болгарского индикатива характерна та исходная установка, что собственно временные значения этих форм должны рассматриваться в неразрывной связи с присущими данным формам в грамматическом плане модальными значениями, поскольку последние влияют на самое систему оппозиции временных форм. Сооттему оппозиции временных форм. Сооттему оппозиции временных форм. Сооттемству описание «картины темпоральномодальной системы болгарского языка» (стр. 1921. Какой же представляется ав-

тору эта система? Отказавшись от принятого болгарской нормативной грамматикой отнесения так называемых пересказывательных форм отдельных времен к особому пересказывательному наклонению, что представ-ляется справедливым, В. Станков уста-навливает в составе болгарского индикатива три модальные парадигмы темпоральных форм, которые различаются между собой по «способу высказывания». Одной из этих парадигм (ею охватываются такие формы прошедших времен, как аорист, имперфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем) представлена выделяемая автором категория «свидетельского» или «личного» высказывания. Эта категория находится в эквиполентной оппозиции с категорией пересказывання (репрезентируемой парадигмой пересказывательных форм для всех времен; инвентарь этих форм в работе не приводится). Третья модальная пара-

дигма (в состав которой входят настоящее, будущее, будущее предварительное и перфект, а также названные автором «перфектными» формы типа: пишел е, бил е писал, щял е да пише, эквивалентные в темпоральном отношении указанным выше «свидетельским» временам) представляет категорию «нейтрального высказывания». Последняя вступает в привативную оппозицию с каждой из названных выше категорий, в силу специфическим для нее оказывается вначение несвидетельского (не лично высказываемого) и в тоже время неперескавываемого пействия (стр. 174). С помощью этих трех грамматических категорий выражаются модальные значения «личной осведомленности говорящего о действии, пересказывания, т. е. осведомленности о действии, полученной на основании чужих слов, или же не даются сведения о воспринятости действия говорящим» (стр. 155).

Нетрудно заметить, что, согласно кон-цепции В. Станкова, такие исторически присущие болгарскому языку времена, как настоящее, будущее, будущее предварительное, перфект, с одной стороны, аорист, имперфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем, с другой, оказываются в рамках разных модальных нарадигм. Однако при описании собственно темпоральной системы болгарского глагола автор, никак этого не обосновывая, вновь включает все названные формы в рамки единой системы временных форм, описанию семантической структуры которой и посвящены основные разделы книги. Поскольку установленная Станковым парадигма «нейтральных времен» содержит, как он сам отмечает, «полную, ненарушенную систему глагольных времен» (стр. 176), остается неясным, в силу какой логики попытка установить чисто темпоральные оппозиции между глагольными формами основана на сведении в одну парадигму форм, причисляемых самим автором к разным модальным категориям ². Почему в эту парадигму

² Собственно, необходимость сведения в одну темпоральную парадигму фрагментов двух модальных парадигм не встала бы перед автором, если бы он исходил из немаркированности аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, щего в прошедшем по признаку несвидетельского (неличного) высказывания о действии, в силу чего значение свидетельского (личного) высказывания о действии выступало бы как собственное, присущее только названным формам значение (аргументацию подобной точки зрения см. в работах: Е. И. Демина, Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке, в кн.: «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 335-

включается перфект, дублирующий, по мнению автора, темпоральное значение аориста, но не включаются остальные «перфектные» формы, дублирующие темпоральные значения прочих «свидетельских» времей? Как бы то ни было, такая попытка автором предпринята, и этим объясивется ряд непоследовательностей предложенной моделя болгарских времен, невозможность отойти при ее рассмотрении от собственно модальных дифференциальных признаков.

Перейдем к рассмотрению этой модели

времен.

В соответствии с нормативной болгарской грамматикой, в основу которой положены идеи исследований Л. Андрейчина, В. Станков делит болгарские времена на абсолютные, связывающие действие отношениями предшествия, одновременности или следования с моментом речи (сюда отнесены настоящее, аорист-перфект, будущее) и относительные, связывающие действие теми же отношениями с ориентационным моментом, предшествующим моменту речи или следующим за ним (сюда отнесены имперфект — настоящее в прошедшем, плюсквамперфект — прошедшее в прошедшем, будущее в прошедшем, будущее предварительное - прошедшее в будущем и будущее предварительное в прошедшем). Иначе интерпретируется лишь перфект, который В. Станков, на наш вагляд, без достаточных оснований характеризует не как относительное (прошедшее в настоящем), а как абсолютное вре-MH.

Однако в ряде моментов В. Станков отходит от этой чисто хронологической интерпретации временной системы болгарского глагола. Так, но его мнению, в область темпорального значения формы наряду с выражением хронологии действий входит «дополнительный семантический признак» прекращенности — непрекращенности действия. Данный признак, по убеждению автора, которое трудно разделить, с менабежностью выте-

337, 351—352; М. Деянова, Имперфект и аорист в славнските езици, софия, 1966, стр. 15—17; дополнительным аргументом может послужить тот факт, что в значительном числе случаев своего употребления, например, при переносном или модальном употреблении, навванные прошедшие времена, безусловно, нейтральны к признаку свидетельственности (ср. гномический аорист, имперфект вместо настоящего при смягченном утверждении о действии и др.). Это значение, проявляющееся в оппозиции с формами маналогичных пропедших времен иных модальных парадитм, могло бы не приниаться в расчет при установлении темпоральных отношений внутри исторически присущей болгарскому языку временеой парадитмы.

кает из выражения темпоральной формой отношений одновременности (следовательно, непрекрашенности), превшествия (следовательно, прекращенности), следования (значит — отсутствия представлений о прекращенности — непрекращенности) действия ориентационному моменту. Наличие, отсутствие или нейтральность к признаку непрекращенности действия определяет различные возможности сочетания каждой временной формы с совершенным или несовершенным видом глагола (стр. 10-11). Например, в силу того, что «действия при конкретном употреблении настоящего времени тем порально не закончены (раз-рядка наша.— Е. Д.), логически следует предполагать, что они и видово не могут быть закончены. Отсюда следует, что непрекращенности в темпоральном значении формы лучше бы соответствовал несовершенный вид, который обыкновенно показывает, что действие не дано в своей целостности, в своей исчернанности» (стр. 11). Особенно большая роль придается се-

мантическому признаку прекращенности — непрекращенности или, по другой терминологии автора, законченности незаконченности («завършеност» — «незавършеност») при описании значений аориста и имперфекта. При аористе глаголов совершенного вида «действие закончено по времени и исчерпано по виду» (стр. 60), при аористе глаголов несовершенного вида «действие прекращено в прошлом (темпоральное условие), но мы не знаем, завершено ли оно (ви-довое условие)» (стр. 62). Имперфект передает «незаконченный, неограниченный в момент прошлого, о котором говорится, процесс» (стр. 65). Невозможность употребления имперфекта глаголов совершенного вида при выражении единичного конкретного действия объясняется «невозможностью согласовать целостный характер совершенного вида с непрекращенностью глагольного времени», что в свою очередь «доказывает бесспорное наличие признака непрекращенности в значении имперфекта» (стр. 100-101). Для перфекта отмечается лишь, что он обозначает «прошедшее действие, прекращенное до момента речи и ориентированное непосредственно к моменту речи» (стр. 73—74). В определении значений остальных времен этот признак не фигурирует.

Как нам представляется, признак прекращенности — непрекращенности, характернаующий особенности протек а н и я глагольного действия, не может рассматриваться в сем а нт и ческом илане как темпоральный на том только основании, что он передан морфологическими формами временк. На наш взгляд, мы имеем здесь дело с особым в и д о вы м по своему семантическому характеру признаком. Не случайно, именно его наличие в формах времени позволяет В. Станкову поднять вопрос о том, что «значение времени и значение вида весьма тесно пере-плетены между собой, и часто не только темпоральные показатели являются определяющими по отношению к видовым..., но и наоборот — иногда вид определяет положение того или иного действия во времени, например, при настоящем времени в некоторых видах придаточных предложений» (стр. 11).

В связи со сказанным выглядит неубепительной критика В. Станкова, направленная в адрес сторонников разграничения аориста и имперфекта по видовому в широком смысле слова признаку (см. стр. 106). Приведенная выше интерпретация значения этих времен равным обравом могла бы быть отнесена в актив критикуемой точки зрения. Сомнительным представляется и основной в критике В. Станкова аргумент, сводящийся к тому, что поскольку действие в имперфекте представлено как непрекращенное, не-ясно, прекращено ли оно и в момент речи - а раз так, значит оно не может быть определено как прошелшее по отношению к моменту речи. Если разграничивать уровень реальной действительности и уровень обозначения лингвистическим знаком одного из осмыслений этой действительности (а только при отождествлении этих уровней возникают основания для суждений типа: если действие не прекращено в прошлом, значит оно распространяется на настоящее), на наш взгляд, нельзя усмотреть ничего «невозможного», как это пытается докавать автор, в представлении действия как приуроченного к периоду времени до момента речи и в то же время как непрекращенного в этот хронологический период. Непрекращенность же действия в период времени, включающий в себя момент речи, выражается другой фор-мой абсолютного времени, а именно настоящим 3.

Отступление от чисто хронологической интерпретации системы глагольных времен в работе В. Станкова проявляется и в том, что он допускает возможность противопоставления внутри темпоральной парадигмы по «видовому в широком смысле» признаку «локализованности ~ нелокализованности» действия во времени, а также по модальному признаку «свидетельственности». Наличие ~ отсутствие признака локализованности, благодаря которому действия предстают либо «как занимающие определенный отрезок времени (как протекающие в этот отрезок)» (стр. 82), либо «не как процесс (со своим местом во времени), а как чистый факт» (стр. 74), прослеживается В. Станковым для большинства времен, но только для аориста и перфекта этот признак рассматривается как релевантный, определяющий характер привативной оппозиции между этими имеюшими одинаковое темпоральное значение формами. Признак свидетельственности, определяемый автором как дифференциальный в привативной оппозиции между «свидетельскими» и «нейтральными» временами единой темпоральной парадигмы (т. е. между аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, будущим в прошедшем, с одной стороны, настоящим, будущим, перфектом, с другой) на практике рассматривается также лишь при противопоставлении аориста и перфекта. Как конкретно соотносятся между собой остальные времена двух выделенных групп, автор не показывает. Да, видимо, это было бы и невозможно, во-первых, в силу неизбежно вытекающего из привативного характера установленной оппозиции признания, что специфическим, только им присущим значением настоящего, будущего, будущего предварительного в оппозиции со свидетельскими временами является выражение действия как не воспринятого лично, что не соответствует языковой действительности. В частности, при попытке такого рассмотрения пришлось бы утверждать, что в позиции максимального противопоставления в примерах типа Тук живееше, но вече не живее (Л. Стоянов) противоноставлены два модальных плана - свидетельский и не-

этому признаку совершенный вид передает в настоящем историческом не прекращенность действия, а его повторяемость (стр. 33). Натянутость этого объяснения связана, по-видимому, с убежденностью автора в том, что основное темпоральное значение формы (для настоящего - непрекращенности в момент речи), никогда не подвержено нейтрализации. В. Станков, однако, не конкретизирует, как же сочетается в настоящем историческом темпоральная непрекращенность единичного конкретного действия с его видовой прекращенностью (ср. цитировавшуюся выше стр. 11 книги).

з Попутно заметим, что именно в связи с настоящим временем, точнее - настоящим историческим, у Станкова намечается известная непоследовательность в квалификации признака прекращенность ~ непрекращенность. Отмечая, что формы настоящего исторического от глаголов несовершенного вида, будучи употребленными вместо аориста глаголов совершенного вида, обозначают действия как прекращенные, он рассматривает признак прекращенности уже не как темпоральный, а как видовой, выраженный категорией глагольного вида. Любопытно, что, по мнению автора, значение прекращенности передается здесь несовершенным видом, выступающим в позиции нейтрализации с совершенным видом по признаку целостности действия. В то же время, сам маркированный по

свидетельский, что автор при его точном чувстве языка допустить не может. Вовторых, отсутствует «основание для сравнения» - общность темпорального значения каких-то пар этих форм при различении их модального характера. Особенно усложненными на фоне концепции автора предстают отношения между аористом и перфектом, с одной стороны, плюсквамперфектом, с другой: ср. наличие привативной оппозиции по двум признакам между аористом и перфектом, примыкание плюсквамперфекта по одному из признаков — свидетельственности аористу, по другому — нелокализованности — к перфекту.

Описанием системы временных оппозиций внутри парадигмы [часть «нейтральных» времен (настоящее, будущее, будущее предварительное, перфект) + «свидетельские» времена] исчернывается содержащаяся в монографии характеристика темпоральных форм болгарского индикатива. Кроме того, об остальных формах «нейтральной» парадигмы (формах типа: пишел е, бил е писал, щял е да nume) сказано, что они по темпоральному значению соответствуют «свидетельским» временам; имперфекту, плюсквамперфекту, будущему в прошедшем. Что же касается вопроса о составе и темпоральном значении пересказывательных времен, он в работе В. Станкова не поставлен, хотя, безусловно, здесь есть своя проблематика. Прежде всего, как известно, инвентарь этих форм значительно уже, в связи с чем настоящему времени и имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту, будущему и будущему в прошедшем соответствуют одни и те же темпоральные эквиваленты. Эти отношения дублированы и в парадигме эмфатических пере-сказывательных форм. Таким образом, сам вопрос о количестве пересказывательных времен нуждается в выяснении. Следует ли говорить об омонимии форм, скажем, настоящего и имперфекта пересказывательных или это единая форма? Каково ее темпоральное значение, в частности, по какой системе отсчета оно определяется? Как известно, эти вопросы являются дискуссионными 4, и в книге, специально посвященной проблематике глагольных времен, хотелось бы видеть

их интерпретацию. Особый интерес представляла бы разработка вопроса о соотношении сфер функционирования непересказывательных и пересказывательных времен. Все ли частные значения, так тщательно описанные В. Станковым для непересказывательных времен, в числе переносные и модальные, а если нет, то какие именно, находят себе соответствие при пересказывании? В будущих исследованиях автора, возможно, будет обращено внимание на эти важные для понимания темпоральной системы болгарского глагола вопросы.

Концепция В. Станкова содержит целый ряд интересных положений и конкретных замечаний, с многими из которых можно было бы согласиться, однако рамки рецензии не позволяют остановиться на всем. Для тех, кто более внимательно булет знакомиться с монографией, хотелось бы заметить, что некоторые спорные, на наш взгляд, места книги обусловлены. по-видимому, особым пониманием автором основного значения темпоральной формы как значения, не подлежащего нейтрализации, сохраняющегося во всех условиях контекста, выведением противоречащих этому фактов за рамки основного значения. Этим, видимо, объясняется обилие устанавливаемых им эквиполентных оппозиций между темпорадьными формами, неполнота характеристики привативной оппозиции как такой. «при которой значения двух грамматических форм различаются лишь по одному признаку, причем в том смысле, что в одном значении этот признак всегда присутствует, а в другом может быть налицо, а может и отсутствовать, т. е. не является обязательным для него» (стр. 192), где не отмечено обязательное наличие у немаркированной формы противоположного признака, через который проявляется ее специфическое, только ей присущее значение, и др.

Попытка критического осмысления предложенной в книге концепции семантической структуры болгарского индикатива не снижает ценности оригинальной авторской трактовки вопроса, опирающейся на традиции болгарской грамматической школы и учитывающей достижения современной лингвистики. Монография В. Станкова, бесспорно, является серьезным вкладом в грамматическое учение о болгарском глаголе.

Е. И. Демина.

⁴ См. об этом: Е. И. Демина, Пересказывательные формы..., стр. 361-370.

J. Kazlauskas. Lietuviu kalbos istorine gramatika (kirčiavimas, daiktavardis, veiksmazodis).—Vilnius, «Mintis», 1968, 414 crp.

Работа ныне покойного Й. Казлаускаса — первая в мировой лингвистике кинга, специально посвященная исторической грамматике литовского языка. Не менее примечательно и то, что эта книга вышла в Бильнюсе и на литовском языке. И та и другая особенности имеют прямое отношение к содержанию; можно надеяться, что эта работа является лишь началом исследований в новом для литуа-

нистики направлении.

Чтобы охарактеризовать место новой книги среди литуанистических исследований, последние, несколько схематизируя, можно распределить по трем группам: 1) изучение литовского языка в глубоком историческом и сравнительно-историческом, но почти всегда «одноаспектном» или «монографическом» плане (глагол; акцентуация и т. д.): три фунда-ментальные монографии X. Станга, капитальные работы Е. Куриловича, «Литовские этюды» Х. Педерсена, обобщающий этимологический словарь Э. Френкеля и мн. др. Особое место занимают здесь работы школы Ф. Ф. Фортунатова, труды Я. Эндзелина, пленды молодых русских лингвистов: В. А. Дыбо, В. М. Иллича-Свитыча, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева; 2) «алгебраический подход», приведший к блестищим результатам в ряде навестных статей Ф. де Соссюра и продолженный «Литовскими этюдами» и статьями Л. Ельмслева, а отчасти и Е. Куриловича (например, работой об ударении приставочного глагола); 3) изучение литовского языка в самой Литве на широком фоне диалектных разновидностей родной речи, как со сравнительноисторическим уклоном у К. Буги, так и главным образом в синхронном плане у П. Скарджюса и др., ср. коллективную академическую «Грамматику литовского языка» (т. I, 1965), ср. также известную трехтомную грамматику Я. Отрембского, а из последних капитальных трудов «Литовскую диалектологию» З. Зинкявичуса (1966), монографию И. Палёниса «Литовский литературный XVI-XVII вв.» (1967), докторские диссертации В. Гринавецкиса «История фонетики жемайтских говоров литовского языка» (1970) и В. Урбутиса «Словообразование имен существительных в современном литовском языке» (1971).

Работы Й. Казлаускаса, так же как книга В. Мажюлиса «Балто-индоевро-пейские языковые отношения (деклинация)» (1970), образуют четвертое, во многом новое направление. В рецензируемой книге Й. Казлаускае основывается на таких исходных положениях: 1) отказ от традиционных представлений сравнительно-исторического изучения от том, что модель прошлых состояний

индоевропейского языка может быть отождествлена с моделью древнеиндийского и древнегреческого языков»: другие инпоевропейские языки, а литовский в особенности и во многих отношениях, сохранили столь же и даже более древние индоевропейские черты; 2) метод внешсравнения — классический сравнительно-исторической грамматикидолжен поэтому во многом уступить место внутренней реконструкции (стр. 3, 39), среди методов которой важное место занимают и те тины реконструкции, которые разработаны в трудах де Соссюра, Л. Ельмслева, Е. Куриловича; 3) внутренняя «алгебраическая» реконструкция, однако, может стать доказательной и плодотворной лишь на основе широкого использования диалектного материала. Последнее положение, может быть, полнее всего резюмирует главную особенность книги Й. Казлаускаса — это и сторическая грамматика, принципиально и развиваемая довательно на диалектной основе. Книга совмещает многие положительные черты других названных выше паправлений и могла быть создана только человеком. в совершенстве владеющим живым материалом литовских говоров.

Разумеется, - и это отмечает сам автор, 3), - внутренняя реконструкция балтийских, как, пожалуй, и языков любой другой группы, в настоящее время еще далеко не достигла таких успехов, чтобы предоставить в наше распоряжение полную картину прошлых этапов системы литовского языка. Наиболее слабым пунктом остается относительная хронология. При таком состоянии лингвистики исследование, подобное работе И. Казлаускаса, неизбежно должно носить характер до некоторой степени «избранных» глав». Заслуга автора в том, что избранные им главы действительно принадлежат к основным главам исторической грамматики литовского языка. Книга имеет три раздела: 1) «История ударения», 2) «История склонения имен существительных», 3) «Из истории глагола». Первый раздел состоит из следующих глав-очерков: о характере литовского ударения и слоговой интонации; оттягивание ударения и его причины в северовосточных литовских диалектах; оттягивание ударения и его причины в жемайтских диалектах и латышском языке; о доисторическом этапе в развитии литовского ударения; закон Фортунатова де Соссюра; оттягивание ударения с краткостного окончания на акутовый корень; оттягивание ударения с окончания на корень по другим причинам; отношение акцентных парадигм литовского языка к акцентным парадигмам других индоевропейских языков; развитие акцентуации глагола; изменение акутовых окончаний; остатки и.-е. * о. Во втором разделе кратко рассматриваются основные грамматические категории имени существительного, подробно - история дательного и инструментального падежей и комплекса местных падежей (инессива, иллатива, адессива, аллатива), а также родительного напежа единственного и множественного числа, именительного палежа множественного числа: отдельные очерки посвящены истории всех типов склонения литовского языка: основ на -о-, основ на -іо-, -ііо-, основ на -(i)а- и т. д.; рассматриваются следы гетероклитического склонения, исчезновение класса корневых существительных с основой на согласный. Раздел «Из истории глагола» состоит из следующих очерков: о развитии индоевропейского глагола; развитие личных окончаний глагода: из истории настоящего времени (атематические глаголы; глаголы с основами, содержащими инфикс и суффикс -sta-); образование прошедшего времени; претерит с продленной ступенью; претерит со слабой ступенью вокализма корня; история будущего времени; история повелительного наклонения; история оптатива, или сослагательного наклоне-

Все очерки связаны единой во многом концепцией автора. Подробности, детали, но также и некоторые узловые пункты этой работы, конечно, станут еще предметом разбора литуанистов. Мы же остановимся здесь лишь на магистральных линиях всей книги в пелом

Книга не случайно открывается разделом об акцентуации. Действительно, концепция литовской акцентуации есть то основное — если говорить не о методе, а о материале, - что объединяет всю книгу в единое целое. Не случайно и то. что далее наиболее подробно эта концепция развертывается на материале глагола: во-первых, потому, что именная акцентуация постоянно была предметом тщательного исследования (начиная с классических работ Ф. де Соссюра, А. Лескина, А. Мейе, Н. Ван-Вейка и др. и кончая фундаментальными трудами Хр. Станга, В. М. Иллича-Свитыча и В. А. Дыбо), в то время как глагольная акцентуация в литовском изучена гораздо меньше и выдвигает перед исследователем все новые трудности; во-вторых, потому, что балтийский глагол, по сравнению с балтийским именем,— наиболее оригинальная часть балтийской системы, ср. знаменательное заключение В. А. Дыбо: «...сильно измененный характер морфологической системы глагола как в славянском, так и в балтийском... в значительной степени мешает прямому сравнению балтийской и славянской акцентных систем глагола. Это заставляет обратить внимание на другую область языка, где при принятии определенных уточнений метода такое сравнение возможно» ¹. И. Казлаускае же, следуя своему тезнсу о предпочтительности метода внутренней реконструкции, закономерно идет и в матер и але в противоположную сторону — к глаголу. Именно эту линию — одну из основных в работе — от акцентологии к системе глагола мы проследим более подробно. При этом последовательность рецензии лишь в основном совпадет с последовательностью очерков и идей автора. Но именно это позволят нам подчеркнуть основные чертки авторского метода.

Просодическая система современного литовского (литературного) языка. Эта система состоит из «таких просодических оппозиций: оппозиция по месту ударения; по качеству ударения (слоговые интонации — priegaidės); количеству TIO (ударные и неударные слоги могут быть нак долгими, так и краткими)» (стр. 5). На большей части территории дентральных, северо-восточных и восточных (т. е. целом — аукштайтских) ударение в той или иной степени сливается с количеством гласного и, следовательно, становится количественным: ударными могут быть только долгие и полудолгие гласные и дифтонги (включая дифтонги с сонантами), краткие ударными быть не могут. В этих диалектах имеется только одна просодическая оппозиция - по месту ударения; интонации отсутствуют; дифтонги сохраняют следы интонационных различий, выражающихся теперь в продлении либо первого, либо второго элемента дифтонга; нет противопоставления слогов по количеству гласного. Эта область разделяется на две зоны. І зона (Сведасай, Дябейкай, Купишкис и др.) характеризуется оттягиванием ударения с последнего краткого слога на предыдущий слог любого количества (в отдельных говорах этой зоны только на предыдущий долгий или даже только на долгий, содержащий іе, ио, о, но не ai, ar и под.). II зона (Сядува, Линкува, Вашкай и др.) характеризуется оттягиванием ударения как с последнего краткого, так и с бывшего долгого (теперь полудолгого) на предыдущий слог любого количества (также с подразделениями по его количеству).

В жемайтских диалектах, по Й. Казлаускасу, сосуществуют две просодические (фонетические) подсистемы: 1) подсистема динамического словесного ударения— опо приходится всегда на первый слог слова и выполняет кульминатив-

¹ В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском, «Славянссе языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 150.

ную и делимитативную функцию, 2) подсистема политонического слогового ударения — в принципе каждый слог слова характеризуется слоговой интонацией. С фонологической точки зрения ударение в жемайтских диалектах раз-деляется на фонологическое и вне- или нефонологическое. Это противопоставление не совпадает, а пересекается с фонетическим противопоставлением и благодаря этому оказывается с ним в очень сложных синхронных отношениях. Фонетическим признаком нефонологического ударения служит его возможность передвигаться за границу слова - с имени существительного на предлог; «неотъемлемое» ударение, напротив, всегда является фонологическим. Оба типа ударения не находятся в дополнительном распределении, их распределение скорее лексическое: одни слова имеют один тип, другие другой тип ударения. С диахронической точки зрения, или, что то же, при сопоставлении с литовским литературным языком эти отношения оказываются более простыми: слова, имеющие исконно акутовый ударный слог (várna — жем. vârna: sakau (*sakau — жем. sakau) или исконно ударный циркумфлексный, или краткостный — неконечный — слог — (rañkq жем. ronka), имеют «неотъемлемое» и, следовательно, фонологическое ударение. Остальные слова не имеют фонологического ударения, но зато несут политоническое ударение на каждом слоге.

Таким образом, по сравнению с литературым языком « (гезр. юго-западным аумитайтским диалектом) жемайтские диалектым характеризуются тенденцией к сильному динамическому ударению на первом слоге слова, приближаясь к состоянию латышского, а вукитайтские — тенденцией к количественному ударению. Обе эти различные тенденции допускают, однако, обобщение: они связаны с общим сдвигом места ударения «влево» и с редукцией конечных слогов.

Реконструкция доисто-рической системы ударения. На основе этого обобщения и с учетом того, что как динамическое, так и количественное ударение вызывают редукцию конечных слогов, а литовский хорошо сохрания старые долготы в конечных слогах, И. Казлаускае подходит к реконструкции литовского ударения как тонового: «видимо, перед сокращением акутовых конечных слогов, - что следует считать первым симптомом начинающегося установления динамического ударения на всей территории литовского языка, -- фонологическую и кульминативную роль играла мелодическая вершина слова» (стр. 29).

Положение о переходе от музыкального ударения к динамическому является центральным пунктом концепции Й. Казлаускаса; с ним оригинально свизывавится: все названные выше фонетические явления; трактовка закона Фортунатова— де Соссора (стр. 31—33); многоместное ударение приставочных глаголов (стр. 67, 72), а через закон Фортунатова— де Соссора и все другие, отпосящиеся к нему явления (акцентные кривые имени и проч., стр. 37—49).

Реконструкция морфолопарадигы оказывагических ется, таким образом, закономерным следующим этапом работы, опирающимся на реконструкцию акцентных парадигм. Для глагола автор постулирует две исходные акцентные парадигмы - баритонную и окситонную и их нивелировку, слияние, в приставочных и возвратных формах глагола, причем для приставочных форм предполагается первоначально единая система ударения на приставке (стр. 95): Баритонная Окситонная парадигма парадигма

Простые глаголы ima *šaukiā Возвратные формы *imasi *šaukiaš Приставочные формы pāima pāšaukia Эта реконструкция в дальнейшем органически связывается в освещении автора с историей личных окончаний (стр. 292

и сл.) и входит в историю морфологии.
Прервем здесь изложение авторской концепции, чтобы обратить внимание на некоторые места ее фонетической части.

Классическое учение о балто-славянской просодии характеризуется тем, что можно назвать «принципом максимальной независимости» параметров: предполагается, что основные параметры просодии — 1) слоговые интонации, 2) долготы гласных, 3) ударение (последнее далее расчленяется на два параметра: За - разноместность (resp. одноместность) ударения и 36 — кульминативная и делимитативная функция), 4) структура слога (в частности, счет мор в нем) — не зависимы друг от друга и поэтому трактуются в значительной степени как «конструкты», довольно не зависимые от фонетической реализации (Ф. де Соссюр, А. Мейе, П. С. Кузнецов и др.). Заметна тенденция вычленять и другие независимые параметры. Не предрешается вопрос о музыкальном или ином (динамическом, долготном) противопоставлении интонации и даже о направлении движения тона (или динамики) в них; этим объясняются излюбленные, намеренно не детализованные, термины французской школы (А. Мейе, А. Вайан): rude «резкий» для акута, douce «плавный» для циркумфлекса. Не случайно также в ставшей классической работе «À propos de l'accentuation lituanienne» 2, де Соссюр подчеркнуто говорит не о слоге, a o «tranche vocalique», разделяя таким образом существенно разные параметры слога— его открытость — закрытость, общий счет мор ² BSLP, VIII, 1894. Перепечатано в кн.: F. de Saussure, Recueil de publi-

cations scientifiques», Genève, 1922.

в нем (включая согласные) и счет мор вокалической части. Прозорливость Соссюра недавно снова подтвердилась (ср. убедительную трактовку начальных групп согласных в индоевроцейском в известсогласных в индовропенском в известном иннобрукском докладе Е. Куриловича (1962) 3, контроверсу И.М. Тронский — С. Я. Лурье о трактовке конечных групп согласных в древнегреческом4). Это позволяет строить абстрактную и, следовательно, достаточно общую типологию. Так. для индоевропейской и балто-славянской эпох имелись, по предположению, интонационные различия и на ударных, и на безударных, но только долгих слогах (имеем в виду «классиче-скую» интерпретацию П. С. Кузнецова и др.); в историческом славянском сербско-хорватском имеются интонационные различия как на долгих, так и на кратких, но только на ударных слогах ит. д.

Применение исходного «принципа независимости», вероятно, позволило бы построить более простую типологию и для литературно-литовской просодии в ее отношении к аукштайтской и жемайтской. В системе же Й. Казлаускаса просодические параметры слишком тесно и быстро — буквально с первых строчек книги, может быть, без достаточного предварительного этапа расчленения, увязываются друг с другом и с фонетической реализацией. Это, конечно, объясняется основным достоинством автора — его прекрасным знанием местных говоров, однако в конечном счете эти отношения выглядят слишом сложными и в некоторых пунктах остаются не вполне ясными для читателя. Предварительно раздельного определения понятиям интонации (priegaidės), ударения (kirtis) не дается. По-видимому, автор склонен понимать под интонациями только то, что реаливуется как мелодическое движение в пределах слога. Поэтому он отрицает существование интонационных различий в восточных и северо-восточных аукштайтских диалектах, признавая, что эти различия фонетически сохраняются как различия долгот разных частей дифтонга. Но в таком случае ставится под вопрос существование интонаций и в литературном языке, так как для многих (если не для большинства) носителей литературного языка интонационные различия связываются прежде всего с долготой и динамикой, а не с различиями в тоне. Заслуживал бы более подробного освещения и вопрос о несовместности некоторых просодических признаков. Как известно, Л. Ельмслев аргументированно утверждал, что «язык, имеющий одновременно слоговые "интонации" и слоговые "ударения" — система невозможная»5. В этой связи остаются некоторые неясные пункты в фонологическом статусе слоговых интонаций и ударений в жемайтском.

Различение долготы tranche vocalique и долготы слога в целом также, по-видимому, имеет смысл и для литовского, в частности в связи с реконструкцией ударения глагола. Имеются случаи отступления от постулированного И. Казлаускасом доисторического единого ударения на приставке для приставочных глаголов, не объясняемые его концепцией (т. е. позднейшим передвижением ударения с приставки на корень по закону Фортунатова — де Соссюра): при циркумфлекском корне в презенсе: sup ỹksta, prišisliēja, pašaukia (Й. Казлаускас опирается на более новый вариант pàšaukia), pageñda, atbunka и др. (ср. в этой связи понятие «тяжелого корня» у А. Зенна ⁶). С другой стороны, объяснению И. Казлаускаса противоречат также глаголы с инфинитивом на -ýti и презенсом на -о, в которых ударение никогда не бывает на приставке, при циркумфлектированном и даже краткостном корне: numatýti — numato, laižýti — laīžo, лат. laizît — laizo. Возможно, что здесь мы имеем дело с иным хронологическим пластом в глагольном словообразовании. (Ср. вывод В. Шмида о том, что в прусском презенсы на -ã и инфинитивы на -īt не соединяются в парадигму ⁷. Факты, согласующиеся с предполагаемым И. Казлаускасом очень древним положением ударения на приставке, приводит А. Вайан: pramenu с кратким а против древнего pramonė с а в имени, и некот. др. ⁸.

Все названные явления скорее не столько противоречат концепции Й. Казлаускаса по существу, сколько требуют дальнейшего уточнения относительной хронологии принадлежащих сюда фактов.

tischen und indogermanischen Verbum, Wiesbaden, 1963, crp. 5.

8 A. Vaillant, Grammaire compa-

³ J. Kurylowicz, Probleme der indogermanische Lautlehre, «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft», Innsbruck, 1962,

стр. 110—111. ⁴ См.: С. Я. Лурье, К вопросу о греческом ударении, ВЯ, 1964, 1.

⁶ L. Hjelmslev, Accent, intona-tion, quantité, «Studi baltici», 6, 1936— 1937, crp. 22. 6 A. Senn, Handbuch der litauischen Sprache, I (Grammatik), Heidelberg,

^{1966,} crp. 249.

7 W. P. Schmid, Studien zum bal-

rée des langues slaves, I, Paris, 1950, стр. 228. Точка зрения А. Вайана на ударение приставочных глаголов вообще совершенно иная, чем у И. Казлаускаса. См.: A. Vaillant, указ. соч., II, Paris, 1966, стр. 550. Названная выше диссертация В. Гринавецкиса по истории фонетики жемайтских говоров, к сожалению, не могла быть здесь учтена.

Первый шаг в этом направлении делает и сам автор (стр. 71), отмечая, что суффиксальные, инфиксальные, -sta- основные глаголы, а также глаголы с основой на $-\bar{a}$ - и те глаголы с основой на $-\bar{e}$ -, которые в настоящем времени имеют основу на -ā-, пережили в сравнительно недавнее время период большой продуктивности, с чем «каким-то образом связано» и то, что они не имеют ударения на приставке. Выпеление указанных глаголов в иной хронологический пласт представляется очень убедительным. В этой связи следует заметить, что автор относит складывание этого пласта, по-видимому, к периоду после прекращения действия закона де Соссюра, но иллюстрирует его как раз теми типами (например laikýti, laižýti), которые сам де Соссюр избрал основной иллюстрацией действия открытого им закона. Таким образом, и здесь относительная хронология требует еще существенных уточнений. Имеются противоречащие факты и другого рода. В западноаукштайтских, близких к литературной зоне, диалектах отмечается продуктивный процесс дальнейшего - «спраналево» — продвижения ударения: cp. prìglaudžia > prìglaudžia, išsiuńčia > > ìšsiunčia 9. Ср. также упоминавшийся выше продуктивный переход pašaukia> > pašaukia, cp. инфинитив pavėsti при pàveda. Между тем И. Казлаускае свявывает с продуктивностью как раз не-

ударное положение приставки. Что касается самой общей причины, приводимой Й. Казлаускасом для всей этой группы явлений, то, по-видимому, осторожнее все же было бы говорить лишь о несомненной двусторон ней связи, весьма тщательно описанной автором между (1) изменением характера ударения (от музыкального к динамическому и далее к жемайтскому или аукштайтскому типу) и (2) изменением места упарения — «сдвигом влево». По существу здесь речь идет о двух импликациях: а) «если (1), то (2)» и б) «если (2), то (1)». Причинную связь можно предполагать и от (1) к (2), п — для более позднего исторического периода — даже с большим основанием от (2) к (1). Ведь изменение характера ударения - не специфически балтийская черта, но и славянская, тогда как «метатония влево» при значительно меньшем размахе «сдвига именно вправо» — черта балтийская, в славянском же гораздо легче осуществляется «сдвиг вправо» 10.

⁹ Z. Zinkevičius, Lietuvių dialektologia, стр. 335.

10 Ср. предложенную В. А. Дыбо трактовку закона Фортунатова в ред. на кн.: Ch. S. Stang, Slavonic accentuation, cf. «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 225.

Вернемся теперь к изложению концепции И. Казлаускаса, чтобы отметить некоторые черты метода. Преимущественное место в том методе внутренней реконструкции, который столь интересноразрабатывает автор, занимает восходящий к литуанистическим работам де Соссюра парадигматический анализ, а в последнем важную роль у И. Казлаускаса играет понятие субморфа. Если ведущей в каком-либо изменении или новообразовании оказывается одна из форм парадигмы, например, форма какоголибо одного падежа, то ее морф, содержащий очаг изменения, будет основным, а соответствующий ему морф в других формах парадигмы, например в других падежах, - субморфом (стр. 16, 32, 44 и др.). В применении к акцентологии понятие субморфа позволило автору сделать ряд интереснейших наблюдений. Он показывает, что в сев. среднежемайт. диалекте инструментальный падеж единственного числа varna имеет более сильное, менее редуцированное окончание (субморф), чем другие неударные окончания, например, винительный падеж единственного числа varna по той причине, что часть слов в той же форме парадигмы имела ранее ударное окончание (основной морф), ср. $r \hat{\rho} n k \hat{a}$. В других случаях такой субморф может иметь более высокий тон. Обобщая это положение, автор убедительно использует его и для объяснения закона Фортунатова - де Соссюра (стр. 32).

В морфологических разделах книги автор пользуется (к сожалению, не формулируя его эксплицитно) по существу обобщением понятия субморфа в виде «субформы как целой словоформы парадигмы», словоформы, связанной отношением детерминации с другой или другими словоформами. Например, превосходно объясняется двойственность инфинитива, содержащего корень с акутовым вокализмом ir, ér: акутовая интонация детерминирует долготу претерита girti — gýrė, kélti — kéle, а краткий гласный дифтонга детерминирует краткость гласного пре-зенса: girti — giria (стр. 353). Столь же отчетливо показана двойственность детерминации по линии переходность -непереходность у глаголов типа *verta: *virto (стр. 363) и многое другое. Раздел о морфологии глагола вообще вводит в научный обиход много нового материала, ясно и убедительно трактованного.

Как уже было сказано, мы ограничипись здесь кратким разбором пишь одной линии этой богатой наблюдениями, фактами и иденям работы. Книга должна войти в круг чтения и изучения не только литуаниста, но и общего языковеда. Пустьэта рецензия, написанная еще при жизни автора, послужит теперь памяти о немP. Saukkonen. Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivirakenteiden historiaa. I—II.—Helsinki, 1965, 1966. 275+229 crp. (MSFOu, 137, 140)

Синтаксис финского языка как в описательном, так и в историческом плане продолжает оставаться значительно менее изученным, чем фонетика и морфология. Одной из первых монографий по историческому синтаксису финского языка является рецензируемая книга П. Саукконена «Из истории конструкций с инфинитивами в формах лативных падежей в прибалтийско-финских языках». Цель книги - «проследить историю синтаксического употребления двух инфинитивов, лативной формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива, а попутно также транслативной формы I инфинитива от первоначальных конструкций до современного этапа, обращая внимание на взаимные отношения этих двух инфинитивов» (т. I, стр. 56).

Монография состоит из двух томов, каждый из которых заканчивается заключительным обзором, списком источников и сокращений и рефератом на не-мецком явыке; ко II тому приложен указатель слов, история или употреб-ление которых рассмотрены в обоих томах. Во введении (т. І, стр. 5-58) дается морфологический обзор системы инфинитивных форм современных прибалтийскофинских языков и выявляются пути и этапы ее становления. Подобно инфинитивам индоевропейских языков прибалтийско-финские инфинитивы восходят к застывшим падежным формам определенных отглагольных имен (имен действия). Но в прибалтийско-финских языках этот процесс формирования инфинитивов представлен гораздо нагляднее. чем в индоевропейских языках, так как вдесь рядом с инифинитивами часто протовжиоп существовать отглагольные имена, от которых эти инфинитивы образованы.

Представленные в современных прибалтийско-финских языках многочисленные инфинитивы восходят к падежным формам отглагольных имен с показатеяями ta(tä), te, ma (mä), minen, mainen (mäinen). Привлекая материал родственных языков, П. Саукконен прослеживает t-овый и m-овый показатели отглагольных имен, участвовавшие в образовании прибалтийско-финских инфинитивов. вплоть до самодийских языков; таким образом, эти показатели имеют уральское происхождение. Генетически связанные с ними инфинитивные формы прибалтийско-финских языков сложились значительно позднее. Самая древняя из них, лативная форма инфинитива с показателем -ta-, имеет прямое соответствие в саамском языке и образовалась в период прибалтийско-финско-саамской общности (раннепрафинский период). Инфинитив на -te- возник позднее, в пе-

прибалтийско-финской общности (прафинский период). При помощи этого показателя были образованы инфинитивы в формах падежей нахождения и отделительных падежей, которые вместе с уже существовавшей лативной формой инфинитива на -ta- составили в прафинском языке полный комплект местных падежей t-ового инфинитива. Особенно сложным является вопрос о хронологизации инфинитива на -та-, представленного в прибалтийско-финских языках многочисленными падежными формами и имеющего морфологически родственные формы в саамском и мордовском языках. Однако родственные формы саамского языка еще очень близки к именным и не могут быть признаны вполне сложившимися инфинитивами, а т-овые инфинитивы мордовского языка столь сильно отличаются от прибалтийско-финских по своему синтаксическому употреблению, что их следует считать результатом самостоятельного параллельного развития. В целом формирование прибалтийскофинского инфинитива на -ma- (по краймере - ero иллативной ` П. Саукконен относит к прафинскому периоду. Родственные инфинитивы на -minen и -mainen имеют весьма ограниченное употребление и возникли значительно позднее. В некоторых диалектах финского языка имеется также иллативная форма инфинитива с нулевым показателем (центр распространения - емские диалекты).

Наблюдения и выводы, изложенные во введении, основываются на тщательно продуманном материале и представляются убедительными. Однако говоря о процессе превращения вадежных форм отглатольных имен в инфинитивы (infinitiivistymisprosessi), автор не упоминает иных объективных критериев этого превращения, кроме «застывания» (kangistuminen) падежной формы. Между тем, установление четких критериев, отличающих инфинитивы от отглагольных имен, к которым они восходят, позволилобы с большим основанием судить о степеви инфинитивации той или иной формы.

пени инфинитивации тои или инои формы. В основной части своей книги, где исследуется происхождение конструкций с двумя самыми древними и самыми распространенными инфинитивами прибалтийско-финских языков — лативной формой г-го инфинитива и иллативной формой м-го инфинитива, П. Саукконен исходит из того, что лативные формы любых существительных, могли выступать в предложении как приглагольные, приименные и независимые.

Так как в подавляющем большинстве случаев инфинитивы употребляются в со-

четании с глаголами, раздел о приглагольном инфинитие занимает около трех четвергей всей работы (стр. 59—247 І тома и стр. 5—153 ІІ тома). Из множества глаголов, сочетающихся с инфинитивами в лативных падежах, в работе исследуются лишь самые древние, общие для веск пли для больпинства прибалтийско-финских изыков, «так как с их помещью раскрываются общие и первовачальные конструкции» (т. 1, стр. 57).

П. Саукконен отказывается от традипионного деления инфинитивов на активные и пассивные, которое он считает нецелесообразным и ошибочным, «так как первоначально инфинитив был индифферентным относительно грамматической активности или пассивности» (т. I, стр. 58). Вместо этого в книге различаются конкретная локальная и более абстрактная финальная функции инфинитивов, имеющих формы вступительных падежей. По определению автора, локальная функция выступает тогда, когда прямое, конкретное движение приводит к локальности действия (toiminnallinen lokaliteetti), выраженного инфинитивом: menen tekemään «я иду делать» (буквально «в делание»). О финальной функции можно говорить, если к локальности действия, выраженного инфинитивом, приходят не прямо, благодаря движению, а через некий «разрыв» (фин. katko, нем. Bruch): menen, tehdäkseni «я иду, чтобы (c) делать». Предлагаемое П. Саукконеном деление совпадает с традиционным, так как «в характере финальности всегда имеется пассивность действия, а в характере локальности — активность» (т. I,

стр. 58).
Установив, что для формирования инфинитивных конструкций решающее значение имела переходность или непереходность основного глагола, П. Саукконен исследует в I томе конструкции с глаголами, переходность или непереходность которых не вызывает сомнений, и формулирует основные правила употребления инфинитивов с переходными и непереходными глаголами. Исходя из того, что субъект основного непереходного глагода и объект основного переходного глагола может быть либо исполнителем, либо объектом действия, выраженного инфинитивом, автор различает четыре типа конструкций с приглагольным инфинитивом.

Первый тип (г. І, стр. 59—111)—
конструкции, в которых субъект основного инпереходного глагола является исполнителем действия, выраженного инфинитивом. Конструкции с общим субъектом (samasubjektiset rakenteet), как называет их П. Саукконен, образуются при сочетании инфинитива с непереходимми глаголами движения и с возвратнотранслативными глаголами. Функция инфинитива при таких глаголах локаль-

ная. В этой функции обычно выступает

иллативная форма III инфинитива, но иногда употребляется и лативная форма I инфинитива; ср., например, фин., карельск. mennā maata «идти спать», фин. дналектн. lāht pudota «(он) чуть не упал». Эти остаточные факты свидетельствуют о том, что в прошлом, когда лативная форма I инфинитива была единственным инфинитивом, она выполняла все функции инфинитива, в том числе и локальные, из которых была вытеснена лишь с появлением иллативной формы III инфинитива.

ко второму типу (т. I, стр. 111—179) отнесены конструкции, в которых субъект основного непереходного глагола является логическим объектом действия, выраженного инфинитивом. П. Саукконен называет эти конструкции разносубъектными (erisubjektiset rakenteet). Функция инфинитива здесь всегда финальная, и в ней выступает только лативная форма I инфинитива. Исполнитель действия, выраженного инфинитивом, может передаваться с помощью дативного генитива, Например: или аллатива. Leipä(ä) jää meidän (meille) syödä «Хлеб(а) остается, (чтобы) нам поесть». Такие конструкции образуются при сочетании инфинитива с глаголами, которые обовначают не активное действие, а лишь существование, наличие и т. п. (riittää и liteta! «хватать, быть в достаточном количестве», иногда jäädä «оставаться», ulottua «хватать; простираться» и др.). Подлежащее обычно обозначает неоду-шевленный предмет, неспособный к активному действию.

Пентральное место в этом разделе уделено инфинитивным конструкциям с глаголами рітал, кеlvata, sopia, syntyā и tulla, которые первоначально выступали как личные. В прафинское время эти конструкции были разносубъектные с целевым инфинитивом, например: tyō pitāл, kelpaa, sopii (meidān) tehdā «работа нужна, годится, подходит (для того чтобы) нам (ее) (с)делать». Постепенно субъект основного глагола стал грамматическим объектом действия, выраженного инфинитивом, как в современных meidān pitāл, kelpaa, sopii tehdā tyō (tyotā).

К третьему типу (т. І, стр. 180—208) отвесены коиструкции, в которых объект соновного переходного глагола является исполнителем действия, выраженного инфинитивом. Как правило, в таких случаях выступает иллативная форма III инфинитива. Не останавливансь ин на атимологии, ни на семантической классификации, автор отмечает только, что «имеется огромное количество таких переходных глаголов, к которым теоретически можно присоединить иллативную форму III инфинитива (т. І, стр. 180). При глаголах апаа «позволять», kāskeā «велеть», opasiaa «научить», neuva «советовать», laskea «позволять», neuva «състовать», laskea «позволять», перетовать», laskea «позволять», перетовать», laskea «позволять», прихать»

в той же функции может иногда выступать лативная форма I инфинитива; эта конструкция имеет остаточный характер и представлена лишь в финских диалектах и в старинных финских памятниках письменности.

Четвертый тип (т. I, стр. 208—236) представлен конструкциями, в которых объект основного переходного глагола является объектом действия, выраженного инфинитивом. Здесь выступает толь-ко лативная форма I инфинитива. Это прежде всего представленная во всех прибалтийско-финских языках конструкция anna leipää syōdã «дай хлеба поесть». Конструкция тина anna sen olla «позволь ему (этому) быть», в которой логический субъект непереходной лативной формы I инфинитива, выступающей при переходном глаголе, передается не объектом основного глагола, а дативным обстоятельством, возможна только при глаголах antaa «позволять», auttaa «помогать», käskeä «велеть», neuvoa «советовать» и sallia «разрешать». П. Саукконен считает, что конструкция могла возникнуть из типа anna leipää (minun) syödä «дай хлепутем превращения ба мне поесть» объекта основного глагола в объект инфинитива: anna minun syödä leipää «позволь мне поесть хлеба». Но такое объяснение не годится для глаголов auttaa, käskeä, neuvoa, которые не могут присоединять к себе неодущевленный объект. На наш взгляд, здесь следовало бы говорить о русском влиянии. В русском языке подобная конструкция с дательным палежом распространена при глаголах позволять, велеть, советовать, разрешать; кстати, эти русские глаголы встречаются в приводимых на стр. 220-.221 (т. I) примерах из карельского и вепского языков. Случан употребления при глаголе kieltää «запрещать» лативной формы I инфинитива вместо обычной элативной формы III инфинитива — также результат русского влияния (ср. я запретил ему говорить). Превращение объекта основного переходного глагола в грамматический объект инфинитива произошло также при глаголах otan, nãen, lupaan, ajattelen, haluan, pelkään, ymmärrän «беру», «вижу», «обещаю». «думаю», «желаю», «боюсь», «понимаю».

Логичность избранной схемы исследования приглагольного инфинитива по четырем разобранным типам вряд ли может вызывать возражения. Но эта схема не всегда позволяет провести четкую грань между употреблением инфинитивов в прафинское время и их употреблением современных прибалтийско-финских языках. В рамках этой схемы конструкции, реально существующие в современных языках, могут оказаться рядом с конструкциями, уже исчезнувшими или подвергшимися переосмыслению. Так, например, при анализе разносубъектных конструкций с финальным инфинитивом

в один ряд ставятся живые, продуктивконструкции с глаголами riittää, jäädä и в прошлом сходные. но затем переосмысленные конструкции с глаголами pitää, täytyy, kelpaa, sopii (конструкции, состоящие из этих глаголов и лативной формы I инфинитива, в современных прибалтийско-финских языках самим автором анализируются как «одноличные» ¹ — т. I, стр. 122). Таким образом, глаголы *pitää*, *täytyy*, *kelpaa*, sopii и т. п. представлены в схеме в первую очередь такими конструкциями, которые им в настоящее время несвойственны. Многие глагоды (например, olla, pitää, kelvata, tulla и др.; jäädä, ulottua и др.) могут участвовать в образовании нескольких инфинитивных конструкций -- в схеме же эти глаголы размещены на основании одной, наиболее древней или наиболее характерной конструкции, остальные конструкции рассматриваются лишь попутно. В целом создается впечатление, что схема исследования, основанная на теоретических возможностях образования инфинитивных конструкций, имеет в виду прежде всего некое исходное прафинское состояние, а факты употребления инфинитивов в современных прибалтийско-финских языках привлекаются как доказательство существования этой схемы в прошлом. Автор хотел прежде всего выяснить, «когда и как возникли и получили свое современное употребление оба лативных инфинитива» (т. I, стр. 268). Систематическое рассмотрение употребления инфинитивов в современных языках в свои задачи он не включал.

Подводя итоги проведенного в I томе исследования (стр. 237-247), П. Саукконен приходит к выводу о том, что в раннепрафинский период существовал только один инфинитив — лативная форма I инфинитива, который выступал во всех случаях — и тогда, когда субъект основного непереходного и объект основного переходного глагола был исполнителем действия, выраженного инфинитивом, и тогда, когда этот субъект или объект был объектом действия, выраженного инфинитивом. Иллативная форма III инфинитива появилась только в прафинский период и почти целиком вытеснила лативную форму I инфинитива из тех конструкций, в которых субъект или объект основного глагола был логическим субъектом инфинитива.

Во II томе (стр. 5-153) рассматривается употребление лативной формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива с глаголами saada, saattaa, tahtoa, tavoittaa, kokea, koettaa и т. п., которые могут выступать либо как непереходные,

¹ Они так названы потому, что употребляются в форме 3-го лица ед. числа. Правильнее было бы называть такие глаголы безличными.

либо как переходные. В вависимости от первопачального значения глатолов, от их переходности или непереходности, от совпавения или несовпадения субъекта инфинитива с субъектом основного глагола инфинитивные конструкции с такими глаголами могли образоваться по правилам, выпятенным в I томе. Принимаются во внимание также изменение членения, действие аналогии, возможность контаминации и влияние соседних иносистемных языков.

В разделе о приименном инфинитиве (т. II, стр. 154—185) имеются некоторые спорные положения. Так, инфинитив, выступающий при абстрактном существительном (например, в предложениях типа minun on pakko mennä «мне необхонимо илти»), автор всегда считает определением. Эта традиционная точка зрения, унаследованная от Э. Н. Сетяля, представляется сейчас устаревшей. Глагол olla и некоторые абстрактные существительные образуют в таких предложениях нерасчленимую предикативную конструкцию типа on pakko «необходимо», on määrä «нужно, следует», on tarkoitus «нужно», on aika «пора», on velvollisuus «должно», по значению и синтаксическим свойствам равную безличным глаголам pitää, täytyy, tulee, sopii. Инфинитив относится к этой конструкции в целом и вместе с ней образует сложное сказуемое безличного предложения, одним из признаков которого является субъектный генитив.

Независимое употребление инфинитива (т. I, стр. 186—194) для прибалтийскофинских языков нехарактерно. В конструкциях типа mitä tehdä «что делать» П. Саукконен справедливо видит влиние русского языка, богатого разнообразными инфинитивными предложениями.

Одним из достоинств рецензируемой книги является то, что при изучении истории инфинитивных конструкций принимаются во внимание не только исконные прибалтийско-финские факторы, но

и влияние соседних иносистемных язынов, в том числе - русского. Эта сторона книги тем интереснее, что «влияние русского языка на синтаксис финноугорских языков подробно не изучено» 2. хотя известно, что карельский, вецсский и водский языки испытывали и продолжают испытывать сильное русское влияние, которое в значительной степени распространилось и на восточнофинские диалекты. П. Саукконен справедливо отмечает влияние русского языка на формирование и интенсивность употребления ряда инфинитивных конструкций прибалтийско-финских языков, например: ei ole mitä syödä «нечего есть», työ on tehdä «работу нужно выполнить», minua (minulle) halutti sanoa «мне хотелось сказать», mitä tehdä «что пелать». Имеются и такие факты русского влияния, которые в книге не отмечены или отмечены педостаточно четко. Так, образование безличной конструкции ei maksa (meidän) ostaa (т. II, стр. 124), имеющей распространение в карельском и вепсском языках и в восточнофинских диалектах, правильнее было бы объяснять влиянием русской конструкции нам не стоит покупать, чем влиянием соответствующих немецкой и шведской конструкций. Более определенно можно было бы говорить о влиянии русского языка на развитие конструкции с дативным генитивом типа anna hänen mennä «позволь ему уйти». В приводимом русском материале встречаются отдельные неточности (см., например, т. I, стр. 39, 91, 156—158).
В целом книга П. Саукконена являет-

В целом книга П. Саукконена является важной вехой в изучении сложного вопроса о происхождении инфинитивных конструкций прибалтийско-финских языков

² E. I t k o n e n, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki, 1966, crp. 331.

3. М. Дубровина

«Этнонимы», отв. ред. В. А. Никонов.-М., изд-во «Наука», 1970. 270 стр.

В предисловии к рецензируемому сборнику говорится, что изучение этнонимов важно для различных наук, что этнонимы содержат элементы, ценные как исторические свидетельства, и так далее. Все это верио. Но это еще не объясняет в полной мере ту исключительно большую ценность, которую представляет для исследователей этноса появление работ, подобных рецензируемому сборнику.

Изучение этнонимов — область знавия, лежащая на стыке лингвистики и этнографии. Думается, что наше время это время интенсивных поисков, усиленного освоения этнографией новых методов, и контакты с лингвистикой здесь особенно плодотворны. Уже начинает давать свои плоды усвоение этнографией структурных методов, первоначально разработанных в языкознании. Целаются плодотворные попытки совоения методов, подобных лексикостатистическим. Что касается этпонимии, то здесь речь идет не о переносе метода, а о синтетическом, этнографо-лингвистическом характере самого исследования.

Самоназвание и название как выражение самосознания или стереотипизированного осознания со стороны есть один из важнейших внешних признаков лю-

бой этнической целостности. Изучение этнонимов, закономерностей их возникновения, развития и исчезновения, границ их распространения, сфер употребления неотделимо от изучения самих
этносов и помогает понять, определить,
классифицировать те сложнейшие многоярусные процессы, которые в своей совокупности определяют этногенез и этническую историю любого человеческого
массива. В этой важнейшей области этнографических исследований важность
этнонимики трудно переоценить.

Бесспорно, что этноним и его объект — не одно и то же. Однако в каждый данный момент между ними есть определенное соответствие. Далее, представляется, что и смена этнонимов не может произойти без определенных изменений

в самом этносе.

Поэтому не виолне точным кажется утверждение В. А. Никонова: «если обозначить этнонимы буквами, а их объекты цифрами, то этноним А мог обозначать последовательно объекты I, III, а объект I мог обозначаться на разных отрезках времени этнопимами А, Б, В» (стр. 11). Если первая часть суждения вполне справедлива (в руской литературе XVIII в. слово американцы обозначало индейцев Америки, в более же позднее время — нацию США, в которую индейщы обычно не включаются), то вторая нуждается в уточиении: как правило, объект I, меняя названия, сам при этом хотя бы частично изменялся. Скажем, огузы, сельджуки, османы, турки — это не одно и то же, но Ia, Iб, Iв...

Наибольшее теоретическое значение, на мой взгляд, в сборнике имеют статьи В. А. Никонова об общих проблемах этнонимики, М. В. Крюкова о проблеме корреляции этнос/этноним и М. А. Членова о проблеме этнонимической классификации. Остановимся подробнее на последней проблеме, так как она затронута и в других статьях. В. А. Никонов ставит вопрос: где отличие этнонимов от не-этнонимов? Он поддерживает предложение Е. В. Ухмылиной ввести для названий жителей термин «микроэтнонимы». В принципе этноним это слово, обозначающее этническую общность. Но этноним ли бельгийцы (т. е. и валлоны, и фламандцы)? Или суданцы (и суданские арабы, и нилоты, и многие другие)? Обозначает ли этническую общность название сибиряки, пензенцы, челдоны?

Рецензенту совместно с Н. Н. Чебоксаровым уже не раз приходилось выражать в печати мнение, что основной механизм поддержания существования этноса состоит в постоянном потоксинхронной и диахронной информации между его членами. Именно здесь ключ и к пониманию решкомией роли языкового единства в существовании этноса, и к пониманию отдельных случаев несовпадения этноса и языка. Коль скоро достигнут определенный уровень интенсивности, то коммуникативные связи неизбежно ведут к установлению этнических связей. Совершенно ясно, что в сложный комплекс языкового бытия входят на разных иерархических уровнях и специфический язык индивида (с индивидуальными речениями, словами, оборотами), и язык данной семьи, и жаргон профессиональной группировки, и узко местный патуа или говор, и диалект, и просторечье, и наконец, национальный литературный язык со всеми его стилистическими вариантами. Но и бытие большого этноса, этого мощного узла разнородных коммуникаций, складывается из территориальных и локальных групп, населения городов, сел, кварталов, наконец, отдельных семей. Ведь совершенно ясно, что этнические процессы — аккультурации, ассимиляции, сближения, дифференциации — идут также и даже прежде всего на уровне семей, причем далеко не обязательно только смешанных. Конечно, антропонимы и этнонимы - вещи разные, но имена родов, патронимий и даже отчасти таких семейных коллективов, как японский «иэ», стоят на грани антропонимии и этнонимии (одни больше, другие меньше).

Есть бесспорные, хотя и минимальные различия в речи москвича и ленинградца. Есть между ними столь же минимальные, но тем не менее явные культурноповеденческие различия. Даже когда они полностью стираются, эти ячейки продолжают существовать как составляющие большой этнической ткани нации, в данном случае русских, наряду с имеющими тенденцию к ассимиляции пережиточными этнографическими группами типа русскоустьинцев или поморов. Наряду с этносами — русскими, болгараимеются суперэтнические целостности, как славяне, кельты, субэтнические целостности, как поморы, казаки, и квазиэтнические целостности, ATHOCOциальные или этнополитические организмы, как бельгийцы, индийцы, юго-славы, швейцарцы ¹. Представляется, что здесь удачнее термин «квазиэтнические», нежели «псевдоэтнические» («псевдоэтнонимы»), которые предлагает М. А. Членов. Впрочем, для многих выдеделяемых им типов общностей, кроме социально-политических, термин «псевдоэтнонимы» подходит: варвары, кха и пр. это именно псевдоэтнонимы, точно так же, как и древнекитайские жун, ∂u , мань, что так убедительно показывает в своей статье М. В. Крюков. Разница

¹ С другой стороны, никогда не существовало и не могло существовать этнонима австро-евигерцы, никаким общим этнонимом не обозначалось все население таких искусственных политических образований, как Римская или Еританская империи.

здесь та, что, скажем, жун или альфуры не самоназвание, а патасива - самоназвание, и оно отражает определенное самосознание точно так же, как бель-

Со статьей М. В. Крюкова перекликается статья Я. В. Чеснова, показывающая возникновение собственно этнонимов из псевдоэтнонимов, отражающих хозяйственно-культурно-типологическую специфику населения: тласкала «люди хлеба», брао «люди леса». Но автор ошикак кажется, когда бается. пишет (стр. 49), что оленные эвенки создают этноним орочен «оленные люди», а конные мурчен «конные люди». Скорее прав Туголуков, посвятивший специальную статью тунгусской этнонимии: как раз наоборот, термин мурчены возник в среде оленеводов, а орочены в среде скотоводов (стр. 212). Вообще тунгусам в сборнике не повезло: В. А. Никонов с уверенностью пищет, что этот этноним дан хантами и значит «дальние» (стр. 23), В. А. Туголуков же приводит множество одинаково спорных этимологий, но об этой не упоминает.

В общей проблеме закономерностей образования этнических названий вопросы генезиса самоназваний занимают, естественно, одно из самых важных мест. Общеизвестна частота ситуации, в которой первобытное самоназвание совпадает нарицательным словом человек. В. А. Никонов в своей статье справедливо указывает, что такое совпадение может быть голько в случае самоназвания: «никто не назвал бы людьми иноплеменников в противоположность своим соплеменникам» (стр. 16). Но в таком случае, очевидно, ошнбочно мнение, выска-зываемое в статье В. К. Кельмакова (стр. 189—193), что название удмуртов ар восходит к тюркскому корню эр- «чело-

век».

В. Я. Никонов приводит замечание С. А. Токарева, что при общем направлении развития сознания от конкретного к абстрактному, скорее не самоназвание возникало из корня «человек», а наоборот самоназвание племени приобретало затем это абстрактное значение. Подробно этот вопрос разобран в статье В. З. Панфилова о самоназвании нивхов (стр. 119-126). Автор возводит это самоназвание (н'иг'вн'/н'ивг'н') к словосочетанию ни'рувн' («мон сородичи»), откуда затем и в самом деле могло произойти и общее понятие «человек». Здесь следует только отметить, что и образованию нивхского этноса, и слов нивхского языка предшествовали десятки тысячелетий cymeствования человека современного вида и его этнических общностей. Напо полагать, что все это время люди не могли обходиться без общего понятия «человек». Вероятно, что новые самоназвания и новые слова со смыслом «человек» неоднократно образовывались в ходе этногенетических процессов, в ходе пробления. слияния и образования новых этносов и языков. При этом, когда новое слово (этноним, самоназвание) начинает обнимать и такие широкие понятия, как «человек вообще», появляется необходимость в выделении именно самоназвания по модели «настоящие люди» — неняй неняць у ненцев, лыг'ораветлян у чукчей и т. д. В этой связи уместно вспомнить, что чукчи не просто называли коряков танн'ыт «чужаки»: когда возникала невылелить коряков среди обходимость прочих чужаков, их называли лыг' итанн'ыт «подлинные чужаки» как наиболее непосредственно соседящее «не свое» племя.

Статья Г. Г. Стратановича «Проблема скользящих этнонимов» по существу поднимает ряд разных проблем. Собственно скольжение прослежено главным образом на примере этнонима нунг в Юго-Восточной Азии, причем последний этап смещения (в Южный Вьетнам) все же являет собой пример не скольжения, а скачкообразной миграции. Этноним таман также кажется скорее «скачущим», нежели «скользящим». Другие примеры касаются другой проблемы: возникновения этнонимов от топонимов, перенесенных при основании городов, колоний или парств. Так, название одесситы в конечном счете связано с греческой колонией на месте нынешней Варны, новозеландци - с датским островом Зеландия. Г. Г. Стратанович приводит примеры Айютия-Айодхья, не давший этнонима, Чампа в Индокитае — Чампа в долине Ганга (этноним чам), Камбоджа в Индокитае - Камболжи гандхарские. Здесь следовало бы упомянуть еще такие примеры, как висайя, калинга, талаин.

Большинство указанных статей, на которые падает основной удельный вес поставленных в сборнике теоретических проблем, намеренно или случайно, попали в его начало. К сожалению, статья М. А. Членова оказалась седьмой, после двух очень интересных, но частных статей о Корее. Вообще же системы в размещении статей в сборнике незаметно. Между тем ее можно было бы легко, ввести. В предисловии редактор сожалеет о неполноте охвата сборника — что не затронуты Америка, Австралия, Океания, Африка. На взгляд же рецензента, это как раз положительная сторона. Сейчас в сборнике несколько чужеродными выглядят статьи Г. И. Анохина о фарерцах и М. М. Маковского об этнонимии Ан-глии. В статье М. М. Маковского делается попытка пересмотреть традиционную концепцию об этногенезе английской нации, и на основе ряда исторических, археологических, лингвистических и до-кументальных данных выдвигается гипотеза о том, что кроме англов и саксов, в завоевании древней Британии принимали участие южногерманские минонские) племена. В статье Г. И. Анохина прослеживается происхождение этнонима фарерцы. Автор приводит богатый фактический материал, почершкутый как из лингвистических работ, так и из малоизвестных археологических и этнографических источников. Основная часть сборника вполне могла бы быть названа «Этнонимия Северной и Восточной Евразии». Ее тематика: Индия (преимущественно восточные ее связи) и Юго-Восточная Азия; Китай, Корея, монгольские народы; народы Сибири — нивхи, тунгусы, тувинцы, буряты; финно-угорские народы — удмурты, чудь и связанные с имми пароды; тюркские народы. Жаль, что в статье Е. В. Ухмылиной о прозвищах в Горьковской области не прослежены тюркские и финно-угорские связи местной этнонимии, тогда и эта статья уложилась бы в общий круг проблематики.

Все статьи сборника и с историко-этнографической и с лингвистической точки зрения находятся вполне на уровне современной науки, и некоторые указанные мной очень частные недостатки и неувязки никак не могут принизить его в целом бесспорно очень высокой теоретической и познавательной ценности.

С. А. Арутюнов

научная жизнь

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 января 1971 г. в Институте русского явыка АН СССР состоялись чтения, посвященные памяти академика В. В. В иноградова.

Во вступительном слове член-корр. АН СССР Ф. П. Ф и л и н охарактеризовал роль акад. В. В. Виноградова в развитии советского языкознания и указаи на необходимость дальнейшего освоения его теоретического паследия.

Доклад Н. Д. Арутюновой «О номинативном аспекте предложения» был посвящен некоторым проблемам синтаксической ономатологии. Докладчик отметила, что в отличие от «классического» синтаксиса, изучавшего прежде всего отношение синтаксических единиц к логической структуре мышления, в современном синтаксисе обращается больше внимания на отношение предложения к обозначаемой им ситуации. В общую теорию номинации наряду с разделом лексикологии, трактующим наименования отпельных элементов ситуации, входит раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения событий. Предложение рассматривается как полный языковый знак. отражающий ту или иную реальную ситуацию. В докладе был рассмотрен вопрос об отличии номинативной функции предложения и его трансформов («пропозитивная» номинация) от номинативной функции, выполняемой существительным. По мнению докладчика, специфика «пропозитивной» номинации состоит в том, что денотатом предложения, в отличие от денотата существительного, в принципе не может быть «вещь», конкретный предмет. Это, между прочим, подтверждается и тем, что обратная трансформация любого назывного предложения в «непредикативное состояние» не имеет своим результатом возвращения к исходному существительному. Cp.: cmonb \to Cmonb \to To, umo smo bun cmonb (orasanoch pokobum). Таким образом, непосредственно называя предмет, номинативное предложение лишается конкретно-предметного значения. При прямом отнесении к денотату существительное теряет предметность, перестает быть знаковым заместителем «вещи». В докладе была показана также зависимость значения слова от его коммуникативной функции в высказывании. Те элементы, которые выполняют в высказывании идентифицирующую функцию,
входя в состав темы, имеют денотативное
значение, т. е. выступают в роля знакового
субститута определенного предмета или
понятия. Напротив, слова, выполняющие
в высказывании функцию ремы, сообщаемого, остаются обычно на сигнификативном уровие.

В докладе Н. Ю. Шведовой «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения» были охарактеризованы главные направления в изучении семантических аспектов синтаксиса и рассмотрены основные категории, формирующие семантическую структуру высказывания. По мнению докладчика, особый интерес к смысловой стороне предложения и ее отношению к так называемой «структуре ситуации» проявляется в работах современных зарубежных исследователей, однако эта же проблема давно привлекала внимание русских грамматистов; под названием «коммуникативный смысл» она нашла освещение и в труде В. В. Виноградова «Русский язык».

Принимая и развивая положение о том, что в формировании семантической структуры предложения обязательно участвуют такие факторы, как: 1) абстрактное значение компонентов грамматической схемы, 2) отношение между этими компонентами и 3) их лексическая семантика, докладчик выразила сомнение в том, что для разграничения и отождествления семантических структур предложения достаточно установить различие или тождество в наборе их трансформов. На ряде конкретных примеров было показано, что семантическая структура предложения объективируется не только (и не столько) в его трансформациях, сколько в его собственном грамматическом поведении - парадигматических видоизменениях, регулярных реализациях, дистрибутивных возможностях и синтагматических связях. Кроме того, в формировании семантической структуры предложения решающим может иногда оказаться «коммуникативный смысл» предложения, его контекстуальные связи. Результатом вазимодействия этих разнородных грамматических, лексикосемантических и конситуативных факторов является неодноплановость семантической структуры предложения, ограничивающая и дифференцирующая его грамматические характеристики.

Г. А. Золотовой В докладе «К взаимоотношениям синтаксиса и семантики» были рассмотрены случаи проявления организующей роли лексики в построении синтаксических конструкций. Были проанализированы два вида номинативных (экзистенциальных) жений — собственно бытийные и предметные - и выявлены ограниченные способности предложений второго типа к парадигматическим, фазисным и субъективно-модальным видоизменениям, к реобъектных, субъектных обстоятельственных некоторых вилов (главным образом, временных и причинных) отношений. Докладчик выдвинул положение о том, что вопрос о принципах построения синтаксических конструкций не может быть решен в отвлечении от проблемы отношений языка и внеязыковой действительности, поскольку в синтаксических свойствах слов разных подклассов отражаются свойства явлений объективного мира. По мнению докладчика, представление о «фразо-образующей» функции номинатива является преувеличенным; вне зависимости от семантики номинатив -- категория морфологии. Семантика имени, отражающая внеязыковую реальность в категориальных подклассах, органически пронизывает синтаксис и обусловособенности синтаксического **упот**ребления.

Доклад А. А. У фимцевой «О взаимодействии лексического и грамматического в языке» был посвящен заслугам акад. В. В. Виноградова в развитии грамматического учения о слове. Отличительной чертой русской лингвистической традиции является, по мнению докладчика, интерес к слову, всестороннее изучение его сущности. В В. В. Виноградова в наиболее законченном виде было сформулировано учение о формах слова, выдвинуто положение о слове как обладающей морфологической и семантической целостностью основной структурной единице языка, предопределены пути решения вопросов, связанных с разграничением лексических и грамматических аспектов слова, с соотношением его морфологической и семантической структур и др.

В докладе А. В. Бондарко «Принцип поля при исследовании грамматических категорий и проблема залога» были изложены основные положения теории функционально-семантических применительно к изучению конкретной грамматической категории. Докладчик рассмотрел четыре определяющих признака поля: 1) наличие общих инвариантных семантических функций у элементов поля; 2) наличие определенной структуры, типичным случаем которой является членение «центр (ядро) — периферия»; 3) постепенность перехода от центра к периферии, частичные пересечения («общие сегменты») полей: 4) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов, в частности грамматических и лексических. Специальное внимание было упелено вопросу членения поля на центр и периферию; для центра характерны: а) максимальная концентрация специфических признаков, б) максимальное число оппозиций, в) наибольшая функциональная грузка, г) высокая регулярность и ряд других признаков. На примере функционально-семантического поля залоговости докладчик показал, что грамматическим центром этого поля (собственно залогом) являются сопряженные друг с другом оппозиции актива/пассива, с одной стороны, и возвратности/невозвратности, с другой. Категория переходности относится к «околоядерной» зоне залога. На периферии поля находятся словообразовательные разряды возвратных глаголов, сочетания со своеобразным взаимным местоимением дриг дрига. «лексический пассив» типа Он терпит обиды и некоторые другие явления. Принцип поля, подчеркнул докладчик, уточняет и развивает идеи, принадлежащие грамматической традиции и нашедшие отражение в книге В. В. Виноградова «Pvccкий язык».

В докладе И. С. Улуханова «Словообразовательная мотивация и ее виды» были описаны мотивационные отношения слов в составе словообразовательных гнезд. Отношения являются мотивационными, если они характеризуются следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень и 2) значение одного из них либо полностью входит в значение другого (победить — победитель, дом — домик), либо представляет собой его де-(бежать - бег, быстрый - быбелый — белизна). Рассмотрены следующие типы мотиваций: 1) непосредственные/опосредствованные (с внутренним подразделением последних на типовые/внетицовые); 2) исходные/неисходные; 3) единственные/неединственные (внутри последних: основные, сопровождающие и взаимносопровождающие); 4) регулярные/нерегулярные. Особенность последнего типа мотиваций состоит в том, что для их установления необходимы сведения о структуре других гнезд. Каждую мотивационную пару слов можно охарактеризовать с каждой из этих четырех точек зрения. Предложенная классификация мотиваций может быть использована при описании словообразовательной системы современного русского языка. Закрывая заседание, Ф. П. Филин сообщил, что традиция виноградовских чтений будет продолжена.

И. Н. Кручинина (Москва)

11 января 1971 г. на кафедре русского языка филологического факультета Московского университета проходили вто-«Виноградовские рые 9 T P ния». Открывая конференцию, В. А. Белошапкова сказала, что «Виноградовские чтения» — это наиболее живая и содержательная форма выражения благодарной памяти о Викторе Владимировиче Виноградове и внимания к его научному подвигу. Вторые «Виноградовские чтения» кафедра русского языка посвятила вопросам истории русского литературного языка и языка художественной литературы, которые неизменно стояли в самом центре научных интересов акад. В. В. Виноградова.

Н. С. Поснелов в докладе «Об одном аспекте изучения синтаксического строя произведений художественной литературы» высказал мысль о том, что изучение синтаксического строя художественной литературы представляет собою специфическую задачу стилистики худо-жественной литературы — филологической дисциплины, основное содержание которой сформулировано В. В. Виноградовым в книге «Стилистика — теория поэтической речи - поэтика». Н. С. Поспелов выдвинул следующие принципы изучения синтаксического строя литературно-художественных произведений: 1) при анализе синтаксического строя текста не следует описывать отдельные синтаксические конструкции. Необходимо исследовать синтаксические связи и соотношения между группами предложений - сложными синтаксическими целыми, образующими в коммуникативном плане единство, а также соотнощение между входящими в их состав предложениями; 2) изучая синтаксический строй литературно-художественного произведения, необходимо учитывать, что мы изучаем непосредственно его речевую ткань и тем самым индивидуальную речь писателя в ее творческом выражении; 3) при изучении синтаксического строя литературно-художественного произведения необходимо проследить скрещение двух форм выражения времени -времени субъекта речи, направленного будущее, и отражаемого автором в произведении времени событий, уходящего в прошлое. При анализе синтаксического строя литературно-художественного текста целесообразно, по мнению Н. С. Поспелова, учитывать соотношение временных планов его тастей, а также ссотношение повествовательното и описательного слоев в едином контексте высказывания, осуществляемое употреблением глагольных форм сказуемого в определенных временных значениях. Данное положение иллюстрировалось Н. С. Поспеловым наблюдениями над отдельными строфами романа А. С. Пушкина «Евгений Опетив».

Сообщение И. И. Ковтуновой было посвящено некоторым сторонам преобразования синтаксической структуры текста в прозе Н. М. Карамзина. Развивая мысли акад. В. В. Виноградова об основном направлении караманиской реформы синтаксиса, И. И. Ковтунова остановилась на наиболее существенных сторонах этой реформы, к которым она относит изменения в принципах расположения слов и ритмико-интонационного членения речи. расположение, господствовав шее XVIII в., характеризовалось свободой порядка слов внутри словосочетаний п скованностью в расположении частей предложения. В «новом слоге» восторжествовал противоположный принцип: строгие нормы в расположении компонентов словосочетаний и большая свобода, большая гибкость в расположении частей предложения. Строгие нормы расположения компонентов словосочетаний могли и должны были нарушаться лишь тогда, когда этого требовало актуальное членение текста. Вне задач актуализа-ции нарушение этих норм у Карамзина не попускалось. С изменениями в принципах словорасположения теснейшим образом было связано преобразование в «новом слоге» ритмико-интонационной структуры текста. В основу ритмикоинтонационного рисунка текста было положено членение речи на короткие и сравнительно одинаковые ритмические отрезки (речевые такты) с более сильными ударениями в конце речевых тактов, а в целом предложении - в конце предложения.

С докладом «Формы синтаксической изобразительности и индивидуальный синтаксис писателя» выступила Е. А.

Иванчикова. Она изложила общие положения теории синтаксической изобразительности, которая ясно, глубоко и перспективно намечена в трудах акад. В. В. Виноградова, но не получила в его научном творчестве законченного оформления. К средствам синтаксической изобразительности В. В. Виноградов относил конструкции с присоединением и противоположные им по своему изобразительному эффекту синтаксиче-ски «замкнутые» построения; прерыви-стые конструкции, отделяемые эмоцио-нальными паузами; апафорически организованные описательно-характеристические периоды; внутреннюю речь. Далее Е. А. Иванчикова представила формы синтаксической изобразительности в контексте проблемы индивидуального синтаксиса писателя. Индивидуальный синтаксис писателя - это система часто употребляющихся в разных художественных произведениях данного писателя излюбленных, иногда специфичных по форме и по функциональному использованию, синтаксических построений. Е. А. Иванчикова обобщенно представила результаты предварительных наблюдений над одной разновидностью экспрессивных синтаксических построений, характерных для определенных, тематически однотипных, частей художественных текстов Ф. М. Достоевского, а именно, над инверсивными построениями с субъективным порядком слов типа «Озабоченный и серьезный проснулся Разумихин на другой день в восьмом часу» («Преступление и наказание»).

В докладе Л. П. Жуковской «О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода» было показано, что церковнославянский язык фонетически «обрусел» с самого начала переноса его на восточнославянскую почву; позднее были почти полностью русифицированы морфология, синтаксис словосочетаний, простое и сложносочиненное предложение. Сложноподчиненное предложение было известно создателям памятников деловой письменности, складывавшихся еще до принятия христианства и позднее записанных, и новгородских берестяных грамот. Далее Л. П. Жуковская на богатом материале написанного на Руси Мстисловова евангелия (1115-1117), где по нескольку раз (до пяти) встречаются одни и те же тексты, показала, что южно-славянские и древнерусские писцы свободно варьировали лексику даже в одном и том же тексте одной и той же богослужебной книги и что в начале XII в. на Руси не было единого и притом невосточнославянского по происхождению словаря церковных книг, который мог бы впоследствии развиваться по единому руслу вплоть до наших дней. Сам цер-ковнославянский язык складывается на

Руси лишь после появления в конце XIV — начале XV в. четвертой редакции (по Г. А. Воскресенскому) бого-служебных книг, заменивших книги древнерусской редакции. Он характеризуется нарочитой архаизацией языка и впедрением южнославянизмов.

Доклад В. Д. Левина был посвящен вопросу о роли и месте художественной литературы на последнем этапе формирования русского национального литературного языка (первая треть XIX в.). Именно в этот период решалась проблема «разговорного» слоя как органического и нормативного элемента нового национального литературного языка (в тесной связи с процессами нормализации самой разговорной речи). Вопрос о границах книжного, традиционного элемента в новом литературном языке был, как считает докладчик, решен в главных своих чертах уже в предшествующий, «карамзинский» период. Закрепление разговорности в экспрессивной функции в пределах литературной нормы означало, что литературный язык получал опору в речевом общественном узусе. Этот важнейший и решающий для развития литературного языка нового времени результат был достигнут прежде всего в художественной литературе. Докладчик выдвинул понятие «художественной повествовательной нормы», в которой осуществляется принцип немотивированности -съп (или минимальной мотивированности) разговорного элемента жанром, объектом изображения и т. д. В этой категории сливаются общелитературные и собственно эстетические задачи; история складывания современной «повествовательной нормы» представляется докладчьком как одна из «глав» истории литературного

В докладе «Зависимость стилистической системы славинских литературных языков от структуры ("тина стандартности") литературного языка (опыт сравнительного анализа)» Н. И. Толстой показал различия в формировании стилистической системы русского и сербскохорватского литературных языков.

хорватского литературных языков. В заключение А. В. Степанов сделал сообщение об основных идеях спецкурса В. В. Виноградова «Пушкин и Гоголь», читавшегося в 1967—1969 гг. Докладчик кратко рассказал о том, как, по мнению В. В. Виноградова, Гоголь творчески развивал пушкинские стилистические приемы.

А. З. Скрипниченко (Москва)

XIII сессия Постоянной Международной алтанстической конференции (PIAC) проходила с 25 по 30 июня 1970 г. в Страсбурге: это была первая сессия конференции, организованная во Франции. В настоящее время во Франции имеются три главных научных центра, которые могли бы претендовать на роль организаторов сессии: это старейший столичный центр (Université de Paris-Institut d'études turques, École pratique des langues orientales vivantes, Centre national de la recherche scientifique) и два университета, в которых востоковедческие исследования начались сравнительно недавно, - университет в Эксе (Прованс) и университет в Страсбурге. Выбор последнего свидетельствует о признании научных и организационных успехов Института тюркологии этого Университета, достигнутых в последние годы под руководством проф. Ирены Меликов.

В работе сессии принимали участие представители 13 стран: Франции (34 участник), Турции (18), ФРГ (14), США (9), Венгрии и Великобритании (по 6); Финландия, Индия, Норвегия, Швейцария, Порто-Рико (впервые), Болгария и Польша прислали по одному участнику. Насессию не смогли приехать докладчики из СССР (в программе было предусмотрено 15 советских докладов), Монголии,

Румынии и Чехословакии.

Сессия в Страсбурге была посвящена проблеме «Религиозные и парарелигиозные и традиции у алтайских народов», выбор которой был несомненно связан с тем, что, помимо ориенталистических учреждений, в подготовке сессии участвовал Центр исследований по истории религий (Centre de recherches d'histoire des religions). Сессия объединила, наряду с филологами, историками, археологами и этнографами, еще и довольно многочисленых историков религии. Работа велась по трем секциям: I — шаманизм, II — истам, III — разное.

На пленарном заседании выступили декан гуманитарного отделения Страсбургского университета и руководитель Центра исследований по истории религии проф. М. С и м о н; генеральный секретарь PIAC проф. Д. С п н̂ о р (США), директор Института тюркологии Парижского университета проф. Л. Б азэн; директор Института тюркологии Страсбургского университета и председатель настоящей сессии проф. И р е н а Меликов. Доклад о деятельности братств дервишей в Малой Азии, основанный на изучении около 200 документов, прочел проф. О. Л. Баркан (Турция). Дальнейшая работа проходила в секциях, где было прочитано более 50 докладов, многие из которых звали оживленную дискуссию.

Было прослушано несколько сообщений о монгольском шамандаме, из которых отметим следующие: Н. Поппе (США) «Описание шамандама в одном бурятском источнике XIX в.», Л. Беше

(Венгрия) «К вопросу о бурятском шаманизме», М. Татар (Венгрия) «Культ гор и связанное с ним предписание в одном монгольском юридическом акте», В. Хейсиг (ФРГ) «Религиозные мотивы в народной поэзии трахар-монголов», Ч. Боуден (Великобритания) «Некоторые рукописные источники народных поверий в Монголии». Монгольские обычаи, в меньшей степени связанные с религией, рассматривались в докладах Р. Хамайон (Франция) «Почему и как именуют в Монголии» и Х. П. Ф и тц е (ГДР) «О некоторых древних свадебных обычаях у баяд-монголов (на материале собственных полевых исследований 1967 г.)». К языковедческой тематике близок доклад И. Кечкемети (Финляндия) «Женский язык как проявление табу в ойротском». С. Ягшид (Тайвань) говорил о буддизме в Монголии после упадка династии Юань; доклад А. Рона-Таша (Венгрия) «Магичелоклал ские силы, сны и ворожба в алтайском мире» касался верований всех алтайских народов. К тюркологической тематике примыкал доклад Э. Таубе (ГДР) «Отражение религиозных представлений в повседневных обычаях тувинцев Западной Монголии».

На сессии была широко представлена во всех трех секциях тюркологическая проблематика, главным образом, в соответствии с профилем сессии, - это вопросы, касающиеся религии и относящиеся как к древнейшему периоду тюркского единства в Восточной и Средней Азии, так и к позднейшим эпохам обитания турок в Анатолии и на Балканах. Укажем здесь доклады Х. Танйу (Турция) «Культ дерева в Турции», Ж. Л. Баке-Граммона (Франция) «К проблеме пальмомантии у тюрков»; И. Цирта-(США) «Шаманские обряды у современных узбеков», Э. Трыярского (Польша) «Религия печенегов». С большим интересом был встречен доклад Ж. П. Ру (Франция), касавшийся как будто слишком узкой темы: «Заян в традиции тюркских народов», тогде как доклад С. Вриониса (США) «Человеческие жертвы у раннеосманских турок (на основе греческих источников)» вызвал сомнения, особенно у турецких ученых. А. М. Лот - Фальк (Франция) сделала доклад на тему «Иблис и его воплощения», П. Н. Боратав (Франция) говорил о малоизученном пастушеском турецком празднике "сая", распространенном у анатолийских турок и у азербайджанцев. Большое число сообщений было посвящено истории и традициям религнозных исламских общин, орденов и братств у турок: В. Кремерс (Турция) «Шаманские субстраты бекташей»; И. Акчай (Турция) «Шаманские субстраты у бекташей Анатолии»; К с. де Планоль (Франция) «Разыскания по географии религий Анатолии», Б. Ноян (Турция) «Шаманизм и бекташи», Е. Мейерович (Франция) «Сверхъестественное познание и религиозная интуиция у анатолийских мевлеви», Х. Калеши (Югославия) «Хальветское братство в Югославии», Б. С езер (Турция) «Буддизм и мистические мусульманские ордены в Анатолии».

Несколько дальше от основной тематики сессии стояли доклады Т. Гёкбил-гина (Турция) «Реформаторские тенденции в Османской империи в XVII в. и религиозные традиции»; И. Эрена (Турция) «Турецкая наука и культура на Балканах», П. Миятева (Болгария) «О религиозных элементах в турецких эпиграфических памятниках гарии». Ряд сообщений касался отражения религиозных явлений в пластическом искусстве и в музыке тюркских на-родов: Э. Э с и н (Турция) «Апотропеическая маска и лук с драконом в турецком искусстве», Н. Диярбекирли (Турция) «Художественные проявления алтайверований у сельджукидов», ских Б. Могэн (Франция) «Макам и последовательность звуков в гамме в народных музыкальных традициях турецких религиозных братств».

Несколько выступлений не были предусмотрены тематикой сессии, но оказались очень важными для изучения древнейшей тюркской культуры. Дж. Гамильтон (Франция) посвятил свое выступление известной двуязычной китайско-тюркской рукописи из Дуньхуана, хранящейся в Британском Музее, и осуществленному им новому чтению тюркского текста. Новые чтения и интерпретация некоторых манихейско-тюркских рукописей из Турфана были предложены П. Ц и м е (ГДР).

Особый интерес слушателей вызвал доклад Й. Матуза (ФРГ) «Три неизвестных орхонских фрагмента», представляющий собой по существу editio prinсерѕ продолжения известной надписи памятника в честь Кюль Тегина. Речь идет прежде всего о небольшом фрагменте текста, открытом на каменной черепахе несколько лет тому назад экспедицией монгольских и чехословацких ученых. Чертеж этой надписи уже опубликован акд. Ринченом.

Тюркскому языкознанию были посвящены доклады З. Коркмаз (Турция) «Исконная долгота гласных в староосманском», а также Л. Б а з э н а «Тюркские названия орла», где предлагается в тюркизме беркут, известном русскому, украинскому и польскому языкам, выделять элементы $b\ddot{a}rk+qut$ «большой, постоянный qut (т. е. удача, благословение, счастье)». Новым, не применявщимся до сих пор в тюркологии подходом и методикой обратил на себя внимани доклад А. Третьяковой (Франция) «Исследование гармонии гласных применительно к турецкому и узбекско-

му». Здесь средствами теории информации с использованием электронно-вычислительной машины были описаны количественные отношения между гласными соседних слогов (подобное исследование по киргизскому языку уже было опубликовано докладчиком).

Уровень докладов, многие из которых явились обобщением собственных полевых наблюдений их авторов, был достаточно высоким, что и определило научный успех сессии. Следующая сессия РІАС состоится в 1971 г. в Венгрии по приглашению Сегедского университета.

По официальному сообщению, создан Тюркологический Совет (Conseil des Etudes Turques) под председательством проф. Л. Базэна (Франция) — организация, не зависящая от РІАС и подчиненная Международному союзу востоковедов (Union Internationale des orientalistes).

В заключение следует сказать о новых изданиях, выставка которых была подготовлена по случаю сессии РІАС французскими, турецкими, голландскими и венгерскими издателями. Среди этих изданий надо отметить прежде всего первый выпуск нового и одновременно первого во Франции журнала, специально посвященного тюркологическим вопро-сам,— «Turcica». Это ежегодник, издающийся Институтом тюркологии Страсбургского университета при участии институтов аналогичных профилей при университетах Парижа и Экса (Прованс). В «Turcica» будут публиковаться (на французском и английском языках) статьи, касающиеся «всего тюркоязычного мира с преимущественным внима-нием к собственно Турции».

Другое новое изданиие — «Монгольские исследования» («Etudes mongoles», I, 1970). Этот ежегодник будет публиковать материалы и документы по монголоведению, в первую очередь по воп-

росам языка и культуры.

Участинкам сессии был роздан пятый номер информационного бюллетеня PIAC «Newsletter».

Помимо информации о подготавливающихся к печати работах, среди которых особого внимания заслуживают два фундаментальных труда -- «Этимологический словарь древнетюркского языка до XIII B.» («An etymological dictionary of pre-13th-century Turkish») Дж. Клоусона и монография А. ф. Габен об уй-гурском царстве в Хочо, — участникам сессии было объявлено о переиздании больщого числа специальных востоковедческих работ, предпринимаемом несколькими фирмами в весьма широком масштабе (достаточно сказать, что только одна из них планирует более 100 переизданий, в числе которых работы Э. Шаванна, К. И. Черемисова — Н. Г. Румянцева, А. Жобера, Г. Вамбери, Н. М. Пржевальского, Б. Я. Владимирцова и др.). Вышли из печати два выпуска первого из двух подготовленных в настоящее время индексов к «Опыту словаря тюркских наречий» В. В. Радлова — «Radloff "Index der deutschen Bedeutungen"», zusammengestellt und hrag. unter Leitung und Redaktion von A. v. Gabain und W. Veenker, 1. Lief. von -1969, 2. Lief. - 1970).

Э. Трыярский (Варшава) Перевела с польского С. М. Толстая

7 - 11 декабря 1970 г. в Москве состоялась организованная Институтом востоковедения АН СССР Всесоюзная конференция индологов, в которой приняли участие языковеды, литературоведы, искусствоведы, историки и экономисты. Наибольшее число докладов было представлено лингвистами.

Во вступительном слове Б. Г. Гафуров отметил достижения отечественной индологии, в том числе в области языкознания, выразившиеся создании грамматических очерков, учебных пособий, словарей и многочисленных научных исследований, посвя-щенных языкам как современной, так

и древней Индии.

Новые индологические центры появились в ряде союзных республик нашей страны. Развитию индологии в Узбекистане был посвящен доклад С. И. Тан-сыкбаевой (Ташкент), в Таджикистане — доклад А. Гафарова (Душанбе) «Индология в Таджикистане и ее перспективы», о работах грузинских ученых в области индийского языкознания доложила М. К. Андроникашвил и (Тбилиси) «Индо-грузинские отношения и работы грузинских ученых в области индологии». Названные доклады, а также доклад Ю.В.Кнорозова, Б.Я. Волчек и Н.В. Гурова (Ленинград) «Исследование протоинлийских надписей» были прочитаны на пленарном заседании конференции, остальные были прослушаны на заседаниях секции языкознания.

Несколько докладов было посвящено вопросам языковой ситуации. А. Т. А ксенов (Москва) в докладе «Основные типы лингвистических ситуаций в бывших колониях» отметил, что в странах моноязыкового типа происходит постепенная замена иностранного языка местным, в странах же полиязыкового типа функция межнационального общения пе-

реходит к одному из местных языков. В. А. Черны шев (Москва) в докладе «Диалектная литература как элемент и фактор языковой ситуации в областях распространения хинди» охарактеризовал диалекты хиндиязычного ареала как зональные языки, различающиеся лексическим составом и грамматическим строем, но не получившие офи-

пиального признания.

В докладе П. А. Баранникова (Ленинград) «Полилингвизм в Индии» отмечалось, что в древности для образованных слоев был характерен билингвизм типа «родной язык (один из пракритов) санскрит»; с распространением в стране мусульманства схема полилингвизма могла разрастись до типа «родной язык санскрит - фарси - хинди»; позлнее схема многоязычия свелась, в основном, к типу «родной язык — английский». что характерно и для современной Индии.

В докладе Е. А. Снесаревой (Москва) «А. Е. Снесарев о языковой ситуации в Индии в 20-х гг. XX в.» излагались взгляды ученого, уделявшего значительное внимание изучению проблемы народных языков и территориальных диалектов, их фонетической и грамматической характеристике, их лексике и си-

стемам письменности.

В поклапе М. Хэльзиг (ГДР, Лейпциг) «О роли английского языка в общественной жизни современной Индии» в числе факторов, влиявших на положение английского языка, выделены английское колониальное господство, выанглийским языком функции межгосударственной коммуникации, борьба крупной индийской буржуазии

за сохранение английского.

Ряд докладов был посвящен вопросам морфологии, синтаксиса, лексики, язы-ковых контактов. М. С. Андронов (Москва) в докладе «Из истории частей речи в тамильском языке: прилагательное» рассматривал современное тамильское прилагательное как форму, исторически восходящую к «спрягаемым». «прономинализованным», именам 3-го лица мн. числа ср. рода, которые впоследствии утратили категорию рода, числа и падежа, сохранив единственную функцию препозитивного определения.

А. А. Бельковича В поклале (Москва) «О склонении в сингальском языке» критиковалась традиционная спстема падежей. Исходя из реального значения винительного папежа преплагается называть его определительным. В докладе рассматриваются значения остальных падежей и высказываются предположения о происхождении паде-

жей в этом языке.

В докладе А.С. Бархударова (Москва) «Факторы функционирования и развития лексики хинди (К проблеме синхронной и диахронической классификации языка)» систематизированы выводы, полученные в результате индуктивного описательного анализа словарного состава и моделей современного литературного Bo хинди. докладе «Семантические аспекты исторического анализа (К вопросу о применении лингвистических методов в социологических исторических исследованиях)» А. С. Бархударов постулировал основные выводы и положения первого доклада в социологическом аспекте и предложил ввести «лингросоциологию» и «лингвоисторию» как автономные отрасли в системе социологических и исторических

В докладе А. Н. III аматова (Ташкент) «Асимметричные явления в словарном составе северного и южного хиндустани» сравнивался северный диалект кхари боли с его южной разновидиостью даккхини, распространенной на территории языков маратхи и телугу, выявлялись значительные различия в терминологии и в бытовой лексике. Сближение даккхини с литературным хинди способствует употреблению хинди как официального языка на территориях, где применяется даккхини.

А. Н. Шаматов прочитал еще два доклада «О лингвистической подлинности произведений Амира Хусро Дехлеви» и «Тюрко-пндийские языковые контакты».

Доклад А. Н. З у б к о в а (Москва) «Общие проблемы антропонимики хиндиявычного ареала» анализировал индусские и мусульманские имена в Индин, содержащие информацию о религиозировой принадлежности, о правах и обычаях, об этичческом составе и социальном протихождении носителей этих имен.

Доклад С. Л. Не в е ле в о й (Ленинград) «Эпическая антропонимия (опыт описания структуры)» был посвящен анализу и семантической классификации основных типов антропонимия выделены четыре основных антропонимических тппа: словарные имена (личные), имена, производные от деногата, именаэпитеты и апеллятивы, функционально тождественные имени личному (функциональные имена).

Ю. А. С м и р н о в (Москва) в докладе «Герундий-І в паиджаби и его система» рассмотрел неличную глагольную форму, ранее отнесенную исследователями к системе причастия-І. Поскольку эта форма объединяет в себе глагольные п субстантивные признаки, докладчик определил систему ее падежей и установил особенности сочетаемости герундия-І с другими словами.

В докладе В. И. К уз не ц о в а (Ленинград) «Парадигматическое дерево неспрягаемых форм глагола языка маратхи» формы представлены в виде системы последовательной и парадлельной производности. Используя понятия морфологической, косвенной, производящей основ слова и постфикса, докладчик рассмотрел неспрягаемые формы как дериваты четырех классов производности.

В докладе Б. А. Захарьина (Москва) «Генезис видо-временных отношений в языке кашмири» было охарактеризовано современное состояние видовременной системы и реконструированы видо-временные состояния предшествующего периода.

А. Р. Усманов (Москва) в докладе «К вопросу о сочетаемостных свойствах переходных глаголов урду», используя понятие синтаксической валентности, провел дополнительную классификацию глаголов, которая обычно не находит достаточного отражения в грамматических описаниях камка угот.

саниях изыка урду.

В докладе В. А. Мухамеджановой (Ташкент) «К вопросу о категории залога в языках урду и хинди» залог рассматривался как морфолого-синтаксическая категория, которая в урду и хинди либо связывает действие непосредственно с тем или иным лицом, либо представляет действие безличным.

В. П. Липеровский (Москва) в докладе «Прямой падеж имени существительного в хинди и функция субескта действия», вводя понятия специфической формы и отличительной функция, отметля, что в сфере выражения значений агенса (субъекта действия, выраженного глаголом) и пациенса не существует одленного соответствия между формами прямого и носвенного падежа, с одной стороны, и функциями агенса и пациенса, с другой.

Доклад Е. М. Быковой (Москва) «Каузативные формы, их место в системе других форм глагола» был посвящей проблеме определения категориального значения каузативных форм бенгальского глагола; был сделан вывод о целесообразности рассматривать категорию каузативности как часть более общей категории — категории переходности.

Доклад Пуроби Мукерджи (Москва) и Б. М. Карцушкина (Москва) «Личные формы глагола бенгали в функции определения» содержал обзор средств, которыми восполняется отсутствие среди собственно бенгальских неличных глагольных форм активного причастия несовершенного вида: некоторые разновидности сложноподчиненного предложения, заимствованные древнеиндейские причастия и др.; а в разговорном языке — употребление непереходных глаголов в качестве определения. В другом докладе Б. М. Карпушкина «Неличные глаголы бенгали, ория, ассами в функции детерминанта» показано употребление их в предложениях различных тицов, в том числе в односоставных с номинантом в качестве главного члена.

В докладе Н. Г. К раснодем бской (Ленинград) «Синтаксические функции неличного глагола в спигальском языке» выделены неличные глагольные образования и расмотрены возможности участия этих форм в различных синтаксических коифигурациях (без учета сложно-вербальных образований).

Доклад М. А. Дашко (Москва) был посвящен теме «Некоторые особенности переходного глагола языка малаялам».

В докладе С. М. Дымшица (Москва) «К вопросу о сказуемом в языке хинди (проблема классификации)» предлагается два типа классификации сказуемого, по способу его выражения: а) глагольное, б) именное и в) смешанное (глагольно-именное) и по структуре: а) простое, б) составное, в) сложное.

Анализ предложений, произведенный в докладе Г. М. Дащенко (Москва) «Социативная синтагма в языке урду и характеристика ее компонентов», казал, насколько широко в синтаксисе урду и хинди используется социативная связь, на базе которой выделены четыре класса двувалентных компонентов, три из которых реализуются неличными фор-

мами глаголов.

В докладе Ю. А. Смирнова (Москва) «Общие типы отношений между компонентами сложного предложения (на материале языков панижаби и ленци)» установлены три основных типа таких отношений: параллельный, реляционный и корреляционный, причем наиболее распространенным является реляционный тип отношений.

Т. А. Чавчавадзе В докладе Т. А. Чавчавад з с (Тбилиси) «К вопросу о соотношении детерминативного композита с определением и определяемым в санскрите и превнеперсидском» показано, что инверсия в композите может происходить с целью

достижения экспрессивности.

Доклад М. С. Модебадзе лиси) «Об пранских фонетических заимствованиях в языке хинди» подтверждает положение о том, что при проникновении иранизмов в язык хинди преимущественную роль играл таджикский язык

(а не персидский). А. Т. Аксенов в докладе «*Прадхан*мантри или прадхан-мантрани?» охарактеризовал прадхан-мантри (муж. род.) «премьер-министр» как существительное общего рода; в современиом хинди, особенно среди имен деятеля, употребляется значительное число таких су-

шествительных.

Л. А. Бархударова (Москва) в докладе «К вопросу о падежной системе в новоиндписких языках (на материале хинди и маратхи)» считает конструкции «косвенная форма + простой послелог» устойчивыми грамматическими и семантическими неразложимыми соединениями морфологического типа, что позволяет включать подобные конструкции в надежную парадигму склонения особого семантического типа (в отличие от флективпой и агглютинативной парадигм).

В докладе В. И. Горюнова (Москва) «Релятно-корредятная конструкция в хинди (союзное слово джо: некоторые особенности употребления)» сопержался анализ различных вариантов использо-

вания этого союзного слова, которое может выступать как в качестве подчинительного союза, так и в качестве самостоятельного местоимения - члена придаточного предложения.

В докладе Л. М. Чевкиной (Москва) «Дистрибутивные особенности детерминатива -ma в современном бенгали» отмечалась особая роль -та в системе бенгальского языка: по сравнению с другими детерминативами у него больше дистрибутивных возможностей [он может присоединяться к существительным (одушевленным и неодушевленным), числительным, местоимениям, прилагательным, наречиям], он может субстантивировать прилагательные, числительные, указательные местоимения.

Т. Халмурзаев (Ташкент) в докладе «Социальная обусловленность лексики прессы урду в Индии» отметил, что пресса, издающаяся в Индии для индусов, содержит значительное число санскритизмов. Пресса же урду, издающаяся для мусульман, сохраняет значительно большее число арабо-пранизмов.

В докладе Х.Бегизовой сква) «Английские заимствования в хинди» излагалась история проникновения в хинди этих заимствований и приводилась тематическая классификация этих словарных единии, отпосящихся к общественно-политической, паучно-технической и бытовой лексике.

Основная часть доклада В. А. М а к аренко (Москва) «Некоторые вопросы лексикографического описания русской индологической терминологии» посвящена разнообразным теоретическим и практическим вопросам систематизации и лексикографического описания данной терминологии.

На заключительном пленарном заседании было принято решение о проведении регулярных совещаний индологовязыковедов.

П. А. Баранников (Ленинград)

Слованкая ономастическая комиссия при Научной коллегии по языкознанию Словацкой академии наук функционирует как координационный орган по изучению собственных имен на территории Словакии. На ежеголных ономастических конференциях (с участием чешских, а иногда и зарубежных специалистов) в пентре внимания находятся теоретические вопросы. При этом используются результаты исследования главным образом словацкого материала.

Словацкая ономастическая комиссия в сотрудничестве с педагогическим факультетом в Банской Быстрице 4-6 ноября 1970 г. организовала на факультете III словацкую ономастическую конференцию. В работе конференции участвовали сотрудники

Института языкознания им. Людовита Штура САН, философского факультета университета им. Коменского в Братипедагогических факультетов в Банской Быстрице, Нитре, Прешове, Трнаве; участниками конференции были

также чешские ученые.

Главной темой конференции был вопрос -дергопу мональний фоен в хвнеми хынгил о лении как материале для структурно-типологического и сравнительного исследования. Их изучение позволяет установить процессы исторического развития, а также функционирование синхронной антропонимической системы. На конференции рассматривалась также проблематика мужских и женских именований в современном и историческом аспекте.

Во вступительном докладе «Проблематика исследования неофицидьно употребляемых личных имен» председатель СОК В. Бланар сказал, что целью структурно-тинологического изучения официальных дичных имен пзучение мужских и женских имен как системы. «Семантика» личных имен (семантические лифференциальные признаки имеют здесь специфический антропонимический характер) вытекает из социально обусловленной идентификации человеческих индивидуумов. Дифференциальные признаки имени - это его антропонимические функции. Класс личных имен с одинаковыми антропонимическими функциями представляет собой модель. Данную модель образуют личные имена разных языковых типов. Система личных имен во многом отличается от апеллятивной лексики. Отдельные модели определенным образом географически распределены. Ареалы наиболее частотных моделей можно картографировать. В неофициальных именованиях наблюдается смешение двух систем. Отчасти здесь находит продолжение старая одноименная система, базирующаяся принципе индивидуального именования, отчасти генерируются новые модели из сферы официальных имен. Анализ неофициальных личных имен в Словакии (Я. Матейчик и Я. Решетар) и нижнем Ходске (М. Майтанова), а также в литературных произведениях (М. Майтан) подтвердил эффективность теории моделирования личных имен. Обсуждение ее показало, что в некоторых направлениях она может быть углублена.

На конференции личные имена анализировались в их немаркированном употреблении, исследователи в основном исходили из контекстов, в которых проявляется нейтральная номинативная функция. Однако существуют ситуации, когда личное имя используется в узком (семейном) кругу, в диалоге, в присутствии именуемого лица. Аспект стилистической ономастики был показан в выступлениях М. Шалинговой иМ. Май-Было рекомендовано изучать тана. модели и типы личных имен, их дистрибуцию и использование во всех функциональных стилях литературного словацкого языка, как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

Личные имена в неофициальном употреблении своей формой восходят к соответствующему диалекту. Р. Шрамек («О значении личных имен в диалекте») показал, что различие между оценкой антропонимического материала с точки зрения диалектологии и как составной части антропонимической системы состоит в том, что антропонимика познает системные модели именований и соответствующие словообразовательные типы, диалектология - только словообразовательные типы. Существенное различие проявляется и при картографировании имен собственных и апеллятивов: в сфере ономастики нельзя иметь дело с представителями явления. Л. Шмелик на богатом материале из Загорья рассматривал вопрос о том, как в фамилиях отражаются древние личные Он говорил также о соотношении понятий «апеллятивность» -- «собственность»

Конечная цель антропонимического исследования в Словакии - освещение системы именования лиц в ее современном функционировании и в ее развитии. На конференции было несколько докладов с исторической направленностью, в которых описывался материал, полученный при изучении архивов. Я. Доруля исследовал процесс возникновения некоторых типов фамилий на фоне отмирания апеллятивного значения (например, когда место происхождения, проживания, которое отражено в личном имени, не соответствует более позднему местожительству поименованного лица). О. Галага подготавливает к печати самую старую городскую книгу Кошиц, которая содержит 20 000 личных имен (в том числе и словацкие). Личные имена, производные от спишских топонимов, рассматривал Я. Валиска. Выступление Я. Кухара было посвящено вопросам социально-исторической антропонимики. Доклад Я. Скутилы о словацких антропонимах в Моравии привлек внимание интересным материалом, касающимся истории словацкой культуры. Я. С п а л произвел анализ антропонимических и топонимических омонимных образова-Проблемы эволюции личных имен в Чехии рассматривал Ф. Цуржин, который говорил о переходе личных имен со значением родственного отношения к одному лицу в разряд имен, выражающих отношение ко всей семье.

Итоги конференции важны для будуших исследований. В дальнейшем в основном силами педагогических факультетов (пока хорошие результаты дало участие педагогического факультета в Банской Быстрице) предстоит собрать материал примерно с 1/5 словацкой территории. Готовится вопросник по изучению неофициальных личных имен, который будет опубликован в издании «Дргачобај мізtорізмі комізе» в целях увификации работы. На международной конференции по славянскому ономастическому атласу во Вроцлаве (1—3 июня 1970 г.) было зафиксировано, что одним из трех координационных центров по изучению славянской антропонимики будет Братислава (руководитель В. Бланар).

Материалы III словацкой ономастической конференции будут опубликовацы (материалы I и II ономастических конференций уже вышли из печати). На конференции был утвержден тематический план трех будущих обсуждений. Центральной темой ближайшей конференции будет проблема явыковой структуры собственного имени (1971), на последующих конференциих будут обсуждаться вопросы отражения в собственных именах результатов межъязыковых контактов (1972) п основная проблематика микротопонии (1973).

В. Вланар (Братислава)

Перевел со словацкого Л. Н. Смигнов

С 24 по 26 ноября 1970 г. в Горьком проходила республиканская научная конференция «Статистическое изучение стилей языка и стилей речи». Конференция была портанизована кафедрой русского языка и общего языкозпания Горьковского унта и лабораторией семиотики Научно-исследовательского ин-та прикладной магематики и кибернетики. В конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Саратова, Махачкалы, Уфы, Перми, Кишинева и Горького.

Č докладами и сообщениями, посвященными результатам лингвостатистического эксперимента по исследованию стилей, выступили учевые-горьковчане.

Б. Н. Голови и познакомил слушателей с новой методикой анализа количественных соотношений языковых единици категорий как характеристик стилей языка и стилей печи

языка и стилей речи.
В докладе Н. Д. Русинова рассказывалось о попытке применения вероятностно-статистической методики анализу стилей речи в их эволюции.

В сообщениях сотрудников ГГУ Г. М. Логи новой, И. И. Тепловой, Н. Н. Серебря ковой, П. А. Серебря ковой говорилось о результатах статистических ощитов по выявлению структуры и распределения элементов и категорий языка в научном стиле, а также в индивидуальных речевых стилях.

Заведующий лабораторией семиотики Института прикладной математики и ки-

бернетики при ГГУ В. А. Аграев доложил участникам конференции о создании с помощью ЭВМ фундаментальных справочных словарей. На ЭВМ получен экспериментальный словарь-каталог по 18 тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина («Материализм и эмпирнокритициям»).

В докладе Р. Ю. Кобрина рассказывалось о новой методике лингвостатистического исследования специальных терминологий. Автором предложен формальный критерий выделения терминов из текста, основывающийся на статистике простых и составных терминов.

С циклом докладов и сообщений, посвященных результатам анализа статистической структуры текста, выступили чле-

ны группы «Статистика речи».

Р. Г. П и от ровский (Ленинград) рассказал об опытах по анализу статистической структуры различных групп текстов. Принципиальное значение, отметил Р. Г. Пиогровский, имеет создание строгой вероятностно-статистической методики для опознания ключевых слов и словсочетаний текста.

С. Г. Чапля, А.И. Чапля (Махачкала), А. В. Зубов (Минск) доложили о результатах экспериментов по автоматическому отнесению слова к речевому стилю. Ими был предложен формальный метод совмествого апализа нескольких частотных словарей, основатный на некоторых законах математической статистики.

В. И. Перебейнос (Киев) в своем докладе поставила задачу синтемирования такого квазитекста, в котором действуют лишь законы языка и статистические законы.

В совместном докладе О. Б. С и р о т не и н о й, Э. А. К л о ч к о в о й, М. А. К о р м и л и ц ы н о й (Саратов) рассказывалось о большом статистическом эксперименте по оценке характера различий между функциональными стилями, проводимом в Саратовском университете.

Большой интерес у участников конференции вызвали доклады Л. К. Граудиной и Л. П. Катлинской (Москва) об эксперименте по составлению частотного словаря грамматических вариантов по материалам русской газетной и устной речи, который проводился Институтом русского языка АН СССР. Данные обрабатывались на ЭЦВМ. Непосредственно в тексте словаря указываются две основные частотные характеристики: абсолютная частота вариантов грамматической формы и абсолютная и вариантных относительная частота типов.

Л. К. Каджазнуни (Москва) доложила об опыте установления авторства анонимного текста на основании статистического анализа «подозреваемых» текстов. А. Я. Шайкеви ч (Москва) рассказал о статистике стилистических

и социальных различий (на материале

комедий Шекспира).

В докладах Н. В. Черемисиной (Уфа) и А. П. Журавлева (Калининград) предпринималась полытка пспользовать статистический апализ как метод исследования ритмо-интонационной организации художественной речи.

Об экспериментах по оценке лексической сочетаемости элементов текста до-

ложил Ю. А. Тулдава (Тарту). Большой интерес у лингвистов вызывают методы корреляционного анализа текста. В докладе Т. А. Якубайти с (Рига) рассказывалось о первых опытах использования методики корреляционного анализа для исследования стилей языка и речи.

Кроме докладов, прочитанных на пленарвых заседаниях, участники конференции прослушали ряд сообщений на двух секциях — лингво-статистического исследования научно-технических и художест-

венных текстов.

Республиканская конференция привяла рекомендации, намечающие проблематику дальнейших исследований в области стило-статистики.

Р. Ю. Кобрин (Горький)

30 сентября — 1 октября 1970 г. в Чебоксарах состоялась ю билейная научная сессия, посвященная столетию со дня рождения чл. - корр. АН СССР Н. И. А ш мар и на; сессия была организована по решению Совета Министров Чувашской АССР Научно-исследовательским институтом при Совета Министров ЧАССР, Чувашским гос. ун-том им. И. Н. Ульянова и Чувашским пед. ин-том им. И. Я. Яковлева. Кроме филологов и историков Чувашип, в работе сессии приняли участие ученые Москвы, Казани и Уфы.

Открывая сессию, заместитель председателя Совета Министров ЧАССР Н. Е. Е г о р о в охарактеризовал Н. И. Апмарина как видного ученого-филолога, классика чувашского научного языкознания, внесшего в свое время огромный вклад в дело языкового строительства Чувашии. Исполнены глубокого смысла программные слова ученого, сказанные им в 1919 г.: «Вместе с интересами научными мною всегда руководили и соображения о необходимости научной работы для подъема культурного уровня чувашского народа, судьбы которого не менее близки моему сердцу, чем судьбы родного мне русского народа».

Многогранная деятельность Н. И. Ашмарина как ученого широкого научного дианазона нашла отражение в докладе чл.-корр. АПН СССР М. Я. С и р о т к и н а (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин и чувашская культура». За 40 лет непрерывной научно-ведагогической деятельности ученым были созданы фундаментальные труды по языковнанию, фольклористике и истории, сыгравшие важную роль в развитии культуры и науки ранее отсталых народностей России. Эти труды сохранили свое значение до наших дней и широко используются представителями многих наук. Велики заслуги Н. И. Ашмарина в подготовке национальных кадров в области народного образования, просвещения, науки и культуры. С докладом «Вклад Н. И. Ашмарина

С докладом «Вклад Н. И. Ашмарина в татарскую филологию» выступил И. А. А б д у л л и и (Казань). Н. И. Ашмарин глубоко и по-новому впервые осветил многие вопросы истории татарского литературного наыка и фольклористики; он известен в Татарии и как переводчик произведений татарской литературы. Большое внимание уделялось неопубликованным работам Н. И. Ашмарина, которые докладчик обнаружил в Центральном архиве ТАССР и ЦГИА (Ленинград). в числе их Обзоры казанско-татарской периодической печати за 1906—1912 гг.

Т. И. Теплящина (Москва) в докладе «Н. И. Ашмарин и вопросы финноугроведения» отметила, что ученый проявлял особый интерес к изучению взаимосвязей чувашского языка с другими поволжскими языками, в частности с соседними финно-угорскими (марийским, мордовским, пермским), а также с венгерским. Многочисленные лингвистические труды Н. И. Ашмарина открывают широкие возможности для создания сравнительно-исторических исследований в этой области. На основе изучения дав них чувашских заимствований в марийском, мордовском и удмуртском языках, Н. И. Ашмарин пришел к заключению, что в древнечувашском языке, в частности, существовал заднеязычный носовой согласный п.

Т. М. Гарипов (Уфа) свой доклад «"Словарь чувашского языка" Н. И. Ашмарива и булгаро-кыпчакские языковые параллели» посвятил вопросу о взаимо-действиях тюркских языков булгаро-чувашской и кыпчакской групп. По мнению докладчика, семнадцатигомный «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина содержит богатый материал для сравнительно-исторического изучения чувашско-башкирских и чувашско-татарских

языковых параллелей.

Н. П. Петров (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин как лексикограф» подробно рассмотрел историю составления и принципы построения фундаментального «Словаря чувашского языка» в семпадцати томах, охватившего свыше 40 тысяч слов и являющегося выдающимся памятником мировой лексикографической практики.

Об огромном значении словаря Н. И. Ашмарина в становлении и развитии словарного дела в Чувашии говорила

в докладе «Работа над чувашско-русскими и русско-чувашскими переводными словарями» Т. Ф. Медведкова (Москва). По ее словам, создание «Словаря чувашского языка», явившегося итогом тридцатилетней кропотливой работы,это жизненный подвиг Н. И. Ашмарина, подобный подвигу В. И. Даля.
Выдающаяся роль Н. И. Ашмарина в

разработке синтаксиса чувашского языка была показана в докладе И. А. А н д р е ева (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин и проблемы чувашского синтаксиса». В своем двухтомном «Опыте исследования чувашского синтаксиса» ученый впервые подметил и описал тончайшие особенно-

сти построения чувашской речи.

В. И. Котлеев (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин и проблемы чувашской фонетики и фонологии» подчеркнул, что пзучение научного наследия Н. И. Ашмарина, создавшего первый систематизированный научный курс фонетики чувашского языка, выдвигает перед чуващскими фонологами новые проблемы и задачи; рассмотрению этих проблем была посвящена основная часть доклада.

И. Г. Добродомов (Mockra) в докладе «Н. И. Ашмарин как этимолог» отметил, что в работах Н. И. Ашмарина встречаются интересные этимологические комментарии, которые зачастую опережали свое время, отличаясь аргументированностью, доказательной силой; они составляют ценный материал для чувашской исторической лексикологии.

Отдельные чувашские этимологии (сурахури ~ сорхори «обряд гаданья под новый год», алпаста «злой дух, пристающий к человеку», куланай «подушная подать» и некот. др.) из трудов Н. И. Ашмарина продемонстрировал в своем сообщении Г. Ахметьянов (Казань).

Л. П. Сергеев (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин как диалектолог» рассмотрел основные труды ученого, по-священные говорам чувашского языка, и неопубликованные диалектологические заметки, хранящиеся в архиве НИИ при

Совете Министров Чувашской АССР. Деятельность профессора Н. И. Ашмарина в области русистики и методики преподавания русского языка охарактеризовал И. Т. Сергеев (Чебоксары) в сообщении «Н. И. Ашмарин как методист и составитель учебника русского

языка для нерусских». М. И. Скворцов (Москва) в докладе «Терминология ремесел в "Словаре чувашского языка" Н. И. Ашмарина», подчеркнув, сколь важно изучать народную терминологию для разработки принципов и методов современной терминологической науки, выделил и проаналивировал основные группы народных терминов профессионального ремесла по страслям, а также в структурно-семантическом и историко-этимологическом планах

Г. А. Анисимов (Чебоксары) в сообщении «Н. И. Ашмарин и некоторые вопросы аспектологии» отметил, что одним из первых тюркологов, высказавших мысль об отсутствии в тюркских языках категории вида, был Н. И. Ашмарин; ученый впервые установил и показал функциональные особенности чуващских глагольных форм в передаче тех или иных видовых значений.

Сообщение А. А. Алексеева (Чебоксары) было посвящено высказываниям Н. И. Ашмарина по проблемам создания чувашского литературного языка. Этой же проблеме посвятил свое выступление Н. А. Андреев (Чебо-

ксары).

М. Р. Федотов (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин и В. В. Радлов о происхождении чувашского языка» высказал мысль о том, что чувашский язык как один из древнейших языков алтайской семьи сохранил некоторые черты и элементы (в частности, ротацизм и ламбдаизм) тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, относящиеся к І-- ІІ вв. н. э.

На вопросах психолингвистической природы консонантных сочетаний в чувашском языке и на взглядах Н. И. Ашмарина как фонетиста остановился в своем сообщении Г. П. Петров (Москва).

В докладе В. Ф. Каховского (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин о происхождении чувашского народа» рассматривалась булгарская теория происхождения чувашей. Ученый еще в конце прошлого века дал лингвистическое обоснование этой теории, тем самым положив начало новому этапу в изучении древней истории чувашского народа.

Г. Н. Волков (Чебоксары) в до-кладе «Словарь Н. И. Ашмарина как источник этнопедагогических исследований» указал, что среди богатейшего иллюстративного материала словаря содержатся многочисленные примеры, касающиеся народной педагогики чувашей. Пристальное внимание Н. И. Ашмарина к педагогической культуре чувашского народа, собранный им и тщательно обработанный этнопедагогический материал лишнее свидетельство об энциклопедической деятельности выдающегося уче-

Н. И. Ашмарина как этнографа и как фольклориста и исследователя устного народного творчества чувашей охарактеризовали в своих сообщениях П. В. Д енисов (Чебоксары) и Е. С. Сидо-рова (Чебоксары).

В заключение с воспоминаниями о Н. И. Ашмарине выступили его ученики А. И. Иванов (Чебоксары), М. Н. Николаева (Чебоксары); И. Ф. Риманов (Москва) и А. С. Львов (Москва) прислади на конференцию свои воспоминания об ученом.

И. Т. Сергеев (Чебоксары)

9-12 февраля 1971 г. в Ленинграде состоялась конференция «А р е а л ьные исследования в языковнании и этнографии», орга-иизованная ЛО Института языкознания и Институтом этнографии АН СССР 1. В работе конференции приняли участие ученые Ленпиграда, Москвы, Киева, Минска, Кишинева, Алма-Аты, Риги, Вильнюса, Душанбе, Свердловска, Львова и других городов. На семи заседаниях участники конференции прослушали и обсудили 25 докладов и 27 сообщений по общим и частным проблемам ареальных исследований в языкознании, этнографии. фольклористике и смежных дисциплинах, а также по методике и источникам картографирования. Со времени первой конференции «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии» (Москва. Институт славяноведения АН СССР, 1964 г.) наметились значительные сдвиги в области применения ареальных методов в отечественной науке, задачах и технике этих исследований.

Основоположником и одним из организаторов исследований по лингвистической географии в Советском Союзе, главным образом полевой диалектологии, был акад. В. М. Жирмунский, который внес немалый вклад и в подготовку состоявшейся конференции как председатель ее оргкомитета. Памяти В. М. Жирмунского было посвящено вступительное слово члена-корр. А. В. Десипцкой (Ленинград). Отметив, какое огромное значение придавал B. M. Жирмунский развитию лингвогеографической науки, его участие в подготовке «Русского диалектологического атласа» и «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», заслуги в обобщении результатов германской школы «диалектографии» и развитии немецкой диалектологии, А. В. Десницкая указала, что диалектные факты в их пространственной динамике он неизменно помещал в историческую перспективу, бытование языка рассматривал в неразрывной связи с экономической, политической и культурной историей народа.

С. И. Брук (Москва) в совместном с В. И. Козловым докладе «Основные проблемы этно-демографического картографирования» рассказал о достижениях этнографических исследований, которые поволили приступить к создание «Общеевропейского историко-этнографического атласа». О достижениях совстской науки в этом направлении свидетельствуют три раздела историко-этногомографического три раздела историко-этно-

графического атласа «Русские», «Атлас Сибири» и заслуживший международное признание «Атлас народов мира», в котором подытожен двадцатилетний опыт составления этно-лингвистических карт. докладе отмечена также тенденция «демографизации» ряда общественных наук, поскольку многие социологические проблемы не могут быть решены без учета этнической и исторической обусловленности социальных явлений. Остановившись на методике составления атласов, С. И. Брук подчеркнул значение программы для фиксации, обобщения и систематизации материала и отметил стремление к показу явлений в динамике, пелевое назначение карты, обусловливающее ее характер и содержание.

В докладе «Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора» К. В. Чистовым (Ленинград) был поставлен целый ряд практических задач, связанных с превращением карты из метода показа, идущего от исторического детерминизма лингвогеографической школы Ж. Жильерона, в метод исследования. В связи с этим были рассмотрены следующие проблемы: границы и характер региональных атласов, соотношение языковых явлений и явлений духовной культуры, законы проницаемости ареалов и их локальные отличия, картографирование изофункциональных элементов и элементов на разных уровнях, система критики источников. Было указано на условие полноты материала и на значение его количественной оценки, густоты опорной сети, значение лексических элементов и приемов картографирования. Сложность поставленной задачи заключается в необходимости создания системы сопоставимых карт; эта проблема возникает уже при определении их предварительного списка.

Языкознание на пленариом заседании было представлено докладом Л. Г. Г е рценберга (Ленинград) «Ареальные методы в индоевропеистике». Напомнив роли «географического принципа» Шлейхера (диатропической интерпретации), о значении, которое придавали территориальной дифференциации языков Мейе и Вандриес, о двух факторах, отмеченных В. М. Жирмунским в лингвистических процессах, -- развитие языковых законов и изменчивость языковых границ, докладчик подробно остановился на проблеме праязыка и реконструкции праязыкового состояния в разных измерениях; эта проблема тесно связана с историческим движением изоглосс, синхронно отражаемых методами ареальной лингвистики. Основные задачи, стоящие перед лингвистической географией в индоевропеистике, — проблема происхождения глагола, дифференциальное изучение изоглосс, исходя из внутренней структуры языка, комплексные исследования культуры.

¹ «Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Тезисы докладов и сообщений)», Л., 1971. Предполагается также полная публикация материалов конференции.

В докладе Н. И. Толстого (Москва) «О традициях и результатах исследований, связанных с этнолингвистической школой К. Мошинского» было отмечено, что лингвистическая география, понимаемая в структурно-типологическом духе или синхронно-типологическом в лексико-семантической сфере. развивалась «от этнографии к этнографии». Н. И. Толстой указал на три фактора, которые проявляются в лингвогеографии: внутрилингвистические, «экстернолингвистические» (т. е. внешняя история языка) и экстралингвистические (или внелингвистические), в том числе этнографические. С учетом этого необходимо разработать типологию материальной и духовной культуры для лингвистических целей, привлекая печатные и рукописные свидетельства о состоянии изучаемого региона. В этом отношении показателен опыт К. Мошинского по реконструкции праславянского состояния. Основная заслуга созданной им школы в лингвистике (Ю. Тарнацкий, А. Заремба, М. Куцала, П. Бонка) - практическое применение теории семантического поля и разработка семантической типологии родственных диалектов (языков). Н. И. Толстой подчеркнул значение картографирования микросистем, в частности семантического микрополя (а не атомарно взятых явлений), что имеет практическое значение и в этногеогра-

А. С. Герд и В. М. Мокненко (Ленинград) в совместном докладе «Слависким докладе «Слависким докладе «Слависким докладе «Слависким дризнакам» показали возможность решения некоторых вопросов этногенеза ареальными методами. В порядке обсуждения было отмечено, что предлагаемым авторами классификации интересны не просто про-

тивопоставлениями, а изоглоссами внутри языков (Н. И. Толстой).

В докладе М. А. Бородиной (Ленинград) «Разноаспектность и основные понятия ареальных исследований» на примере выделения и интерпретации ареалов (изолиний) в лингвистике, этнографии и в ботанике (фитохорология) были раскрыты общность проблематики и специфика применения метода в этих науках. Лингвистические ареалы тесно связаны с историческими и этнографическими. Соответственно по методу исследования между лингво- и этногеографией много общего, в частности - условность понятия «граница», проблема интернационального и национального фонда, отсутствие «чистоты» языка и этноса, существенность критерия национального самосознания при определении языка и этноса. Однако, например, понятие «территория» имеет разное значение и разную обусловленность в лингвистике и этнографии. В последнее время все большее распространение получает лингвоэтнографическое направление в ареальных исследованиях. Создаются комплекные лингво-тогорафические атласы (этот тип особенно распространен среди атласов романских языков), в которых исследование терминов тесно связано с изучением соответствующих элементов материальной кульгуры. Комплексность — одна из характерных черт ареальных исследований.

практическое Подчеркнув значение доклада М. А. Бородиной в связи с разскартографирования, методов витием К. В. Чистов указал на неразработанность в этнографии типологии ареалов и типологии процессов, которые ведут к их образованию. И.Г.Левин (Лушанбе) отметил, что общеметодологические проблемы толкования карты как общего понятия для всех наук были заложены уже школой ландшафтоведения и что не географический метод, а метод картограммы определяет существо ареальных исследований.

А. М. М у х и н (Ленинград) в сообщении «О некоторых теоретических понтятих и методах лингвистической географии» рассмотрел возможность обоснования лингвогеографии как метода моделирования явлений языка и поставил возникающую в связи с этим проблему

наглядности моделей.

Историческому развитию идеи пространственного подхода к языковым факторам было посвящено сообщение А. А. Касатки на (Ленинград) об исследователях итальянских диалектов Леонардо Сальвиати (XVI в.) и Джовании Папанти (XIX в.). В связи с сообщением Н. Н. Мильман (Пермь) «Значение текстов в лингвогеографических исследованиях» была отмечена перспективность извлечения изоглосс (ареалов) из письменных источников и указано на необходимость дифференциации понятия «старых текстов» (Л. Г. Герценберг), поскольку наличие в ряде языков (в частперсоязычной литературе) ности — в сильной нормы не позволяет осуществлять их диалектную атрибуцию.

Докладами В. А. Никонова (Москва) «Проблемы ономастических ареалов» и А. К. Матвеева (Свердловск) «Ареальные исследования в этимологизации субстратных топонимов» проблема интерпретации ареалов была поставлена на топонимическом и ономастическом материале (межрегиональные и внутрирегиональные соотносимость ареалы, понятия «регион — ареал» и др.). В. А. Никонов поднял также вопрос о статистической оценке изоглосс.

Практическим вопросам составления и интерпретации лингвистических карт был посвящен доклад Р. Я. У д ле ра и В. К. Павела (Кишинев) «Лингво-географические исследования материалов Молдавского лингвистического атласа». Лексический материал в молдав-

ском атласе представлен по типу «слова и вещи». При анализе карт обнаруживается, что даже незначительные различия в материальной культуре ведут к разнообразию словаря, а сходство между предметами по форме или по функции предопределяет наименование различных реалий одним термином. Лингвоэтнографический анализ названий непосредственно связан с изучением словообразовательной структуры, этимологии и статистической соотнесенности лексики. Такой анализ на материалах этого атласа был проделан В. С. Сорбалэ (Одесса) в докладе «Из опыта этимологической интерпретации лингво-этногра-

фических карт».

атласы романских Лингвистические языков, общее число которых приближается к 60, позволяют установить межьязыковые изоглоссы для всей романской территории, благодаря синтетической подаче материала на карте непосредственно в фонетической записи. Однако все эти атласы не только отличаются своими задачами, методикой составления и характером материала, но по-разному дифференцируют фонетический уровень языков и используют различные транскрипционные системы. О проекте унифицированной транскрипции для романских атласов на основе понятия «звукотица» сообщила В. П. Данилова (Ленинград). Определению ареалов вспомогательных глаголов при местоименных глаголах во французском, итальянском и ретороманском языках на материале атласов и текстов было посвящено сообщение И.С.Кошелевой (Горький). Вопросы методики составления национальных и региональных атласов в романской и германской школах лингвогеографии были рассмотрены в сообщении М. Г. Волох (Киев).

Метод статистического анализа материала для лингвистического картографирования был предложен Н. Ĥ. Ĥ m̂ eничновой (Москва) на примере сосуществования конечных ф и х в формах род. и предл. падежей мн. числа прилагательных в русских говорах. К проблеме лингвистических ареалов и регионального соотношения этнографических явлений обратился Ю.В.Маретин (Ленинград) на примере картографирования адатных зон (зон распространения различных систем обычного права)

народов Индонезии.

Тема типологии ареалов и характера обусловленности изоглосс была задана докладом Т.В. Назаровой (Киев) «К проблеме типологии диалектных ареалов», указавшей, что лингвогеографический анализ предполагает возможность оперировать ареалами как самостоятельпространственно-лингвистическими единицами. Задачи типологии диалектных арсалов были сформулированы как сопоставление однозначных ареалов с точки зрения существования алекватных (неадекватных) ареалов в тождественных (нетождественных) ареальных ситуациях. В соответствии с этим Т. В. Назаровой были предложены четыре типа однозначных ареалов; адекватные; адекватные материально, сходные дистрибутивно или функционально; обладающие материальным подобием при тождестве дистрибутивном или функциональном; неадекватные. Доклад вызвал замечание, что типология лингвистических ареалов не может быть единой, должно быть несколько «неизоморфных» систем в зависимости от уровня противопоставлений (В. А. Никонов).

Обусловленности лингвистических изоглосс историческими данными на примере «Лингвистического атласа департамента Восточные Пиренеи» А. Гитэ было посвящено сообщение Е. Н. Мамсу-ровой (Ленинград). Попытка предварительного анализа сложившихся принципов картографирования языкового материала и методических предпосылок лингвистических атласов была сделана в докладе Н. Л. Сухачева (Ленинград) «Тины лингвистических атласов и характер карт».

А. С. Соколовская (Минск), анализируя лингвогеографию гачи и ноговицы в восточнославянских языках и их дополнительное распределение к синонимичной лексике, пришла к выводу, что их значения обусловлены единством обозначаемого в праславянском языке.

А. А. Бодник (Львов) на примере народной терминологии ломашнего промысла Западного Прикарпатья и Закарпатья (в частности - ткачества и сукноделия) показал, что изучение лексики бойковского говора наиболее приемлемо для установления географических границ распространения этих промыслов.

На примерах исторического истолкования территориальных языковых показателей по материалам «Диалектологического атласа белорусского языка» остановилась Л. Т. Выгонная (Минск) в сообщении «К интерпретации

лексических карт».

Доклад С. В. Бромлей (Москва) проекте сводного «Диалектологического атласа русского языка», который будет охватывать наиболее древнюю территорию распространения русских говоров с общим количеством населенных пунктов около пяти тысяч, был прочитан Н. Н. Пшеничновой. После составления атласа в распоряжении исследователей (диалектологов и историков языка) окажутся источники двух типов: региональные атласы и сводный. Первые сохранят свое значение для исследований, требующих детального и интенсивного изучения материала; сводный атлас откроет принципиально новые возможности для ретроспективного изучения состояния языковых групп на разных этапах их существования, а также процессов формирования диалектных групп в связи с исто-

рией их носителей.

Проблемам картографирования материальной культуры русского населения Сибири был посвящен доклад Л. М. Сабуровой (Ленинград). В условиях Сибири, где исследователь сталкивается со своего рода естественной «моделью», характеризующей изменчивость русской культуры под влиянием факторов различного порядка (природных, экономических, социальных, этнических), особенное значение приобретает комплексный метод исследования, обращение к диалектологии — изучение лексики, прежде всего терминологической и всего диалектного строя языка.

Г. С. Маслова (Москва) в докладе «Значение картографирования русского традиционного костима для этногенетических исследований (итоги и задачи изучения)» поставила задачу картографирования орнамента в русской народной одежде Европейской части СССР на основе выработки его тыпологии с учетом

комплекса признаков.

П. А. Раппопорт (Ленинград) в докладе «Картографирование типов древнерусского жилища по археологическим данным» показал возможности выявления закономерностей развития жилища в лесостепной зоне по состоянию отдельных его элементов в различные исторические периоды (от VI до XIII в.).

М.Г. Рабинович (Москва) в докладе «К методике этнографического картографирования» указал, что особенно важно рассматривать явления материальной и духовной культуры в их историческом развитии — на карте это нагляднее всего можно отобразить с помощью количественного показателя. Одним из этапов историко-этнографиосновных ческого картографирования в докладе признается изучение и сведение воедино разнохарактерных источников материалов экспедиционных исследований, музейных коллекций, архивных документов, научной литературы, произведений искусства соответствующих периодов. Подробно остановившись определения типов жилища в опыте атласе «Русские» с помощью количественного показателя, докладчик поставил вопрос о выборе исторических рубежей для картографирования и определения территориальной единицы. Отметив. что в атласе «Русские» применен метод показа развития народной культуры на сопоставимых картах по соответствующим нериодам, М. Г. Рабинович подчеркнул возможность использования метола линамических ареалов (см. доклад М. А. Бородиной), но при условии сохранения наглядности этнографической карты.

В сообщениях уделялось внимание вопросу выявления внутренней формы слова по лингвогеографическим данным (Н. И. С е р ма н. Ленинград), а также возможностям картографирования и лингвогеографической интерпретации синтаксических явлений; последнему вопросу были последнеми сообщения И. В. К у з ь м и н о й и Е. В. Н е м ч е н к о (Москва) «О характере синтак сических различий русских говоров и п картографировании» и А. А. С м о л ь е в с к о г о (Ленинград) «О картографировании интаксических явлений (в лингвистических атласах Италии и Франции)».

Необходимость внедрения ареальных методов исследования в музыкальной фольклористике была подчеркнута в выступлении Н. Л. К от и к о в ой (Ле-

нинград).

В порядке обсуждения было отмечено, что при картографировании этнографических реалий с увеличением информации уменьшается возможность применения метода динамических ареалов; необходимо тщательное рассмотрение методики картографирования (М. Г. Рабилович). Е. Н. С т у де н е ц к а я (Ленинград) подчеркнула, что совместное обсуждение вопросов картографирования лингвистами и этнографами должно стать постоянным условием работы.

В докладе Т. А. Жданко (Москва) «Картографирование в агроэтнографии (на примере Средней Азии»)» сообщалось о подготовке историко-этнографического атласа Средней Азии и Казах-

стана.

Отдельным разработкам по программе этого атласа были посвящены доклад Г. П. Снесарева (Москва) «Опыт картографирования некоторых элементов духовной культуры в сочетании с картографированием этническим и диалектологическим (на примере населения Хорезмской области Узбекской ССР)» и сообщение Н. А. Кислякова (Ленинград) «Земледелие и иррпгация в историко-этнографическом атласе Средней Азии (на примере Таджикской ССР)». О некоторых общих и локальных чертах в одежде народов Северного Кавказа и их отражении в терминологии сообщила Е. Н. Студенецкая (по итогам работх над картами раздела «Одежда» Кавказского атласа).

В докладе Ф. П. Сорокалетов в а и И. А. Попова (Ленинград) «Областные словари как источник лексических ареальных исследований» намечена возможность использования различных типов словарей диалектов в лингвогеографических целих: если атлас ставит своей пелью картографирование ограниченного круга лексики, то словари дают сведения о территории распространения всех зафиксированных в них слов.

В докладе И. М. Стеблина-Каменского и А. Л. Грюнберга (Ленинград) «Этнолингвистическая характеристика восточного Гиндукуша» был дан обзор этого уникального региона, в котором сосуществуют в тесном контакте языки и диалекты, относящиеся к различным языковым семьям и группам. Пучки изоглосс и сопутствующие им этнографические схождения достаточно четко очерчивают здесь три этнолингвистические обшности — восточнобалахшанскую, кафирскую и дардскую, в формировании которых особую роль сыграли географические условия. Этому же региону было посвящено сообщение Р. Х. Додыхудоева (Душанбе) «Ареально-историческая интерпретация микротопонимики Памира».

В сообщении Ф. Д. Климчука (Минск) «Об одном из диалектных типов в Южной Брестицие» на основе апализа диалектных особенностей островных «тороканских» говоров (Брестская область БССР) было высказано предположение о возможности их генетического родства со средненадбужанскими говорами (Волынская и Львовская области УССР).

На заключительном заседании Э. Р. Тени и ев (Москва) информировал о состоянии работы над «Дналектологическим атласом тюркских языков Советского Союза». За подготовкой этого атласа внимательно следил В. М. Жирмунский, указавший, в частности, на необходимость издания пробых карт атласа, которые могли бы стать предметом широкого научного обсуждения.

О постановке ареальных исследований в Таджикистане и Армении на примере картографирования фольклорных сюжетов сообщил И. Г. Левин, особо отметивший необходимость разработки критериев выделения регионов в их современном состоянии с учетом ряда внутренних существенных взаимосвязей. На использовании лингвистических данных в этической картографии и специфике языка как основного определителя этноса остановился П. И. Пучков (Москва).

В заключительных выступлениях быобмена мнениями по теоретическим и «техническим» проблемам ареальных исследований. Было указано также, что изоглоссы не есть нечто незыблемое, нужно освободиться от фетипизации изоглосс и выбирать их в зависимости от целей картографирования (Н. И. Толстой).

Л. Г. Герценберг отметил, что предложенная И. Г. Левиным задача выявления современных культурных ареалов или регионов связана с вопросом о методике картографпрования, а это может привести к выводам, обусловленным системой сбора материала.

А. С. Герд указал, что картографирование фактов или систем определяется прежде всего структурой семантической группы.

С. И. Брук в заключительном слове подчеркнул, что картографирование это не только наиболее наглядный метод выражения пространственно дифференцируемых явлений. Иля хорологических наук ареальный метод служит источником познания новых закономерностей. Сопоставление карт различных территорий и разных периолов позволяет обнаружить те факты и причинные связи, которые не поддаются выявлению другими методами. Методика ареальных исследований, разработанная более детально в лингвистике (проблема типологии ареалов, определение их возраста и генезиса, выявление динамики карты), может быть перенесена на чтение и интерпретацию этнографических карт, способствовало бы обобщению материала. В то же время возрастает интерес к комплексным лингвоэтнографическим следованиям, более всего проявившийся в романской школе лингвистической географии. Тесно связаны с проблемами языка многие сюжеты историко-этнографических атласов (в частности в области терминологии). Конференция еще раз показала, что общность методических, теоретических и практических проблем, существующих в лингвистической и этнической географии, не сводится только к общности методики исследования, она базируется прежде всего на исторической реальности диалекта и этно-графической группы. Многое в этом набыло сделано правлении В. М. Жирмунского.

В принятой участниками конференции резолюции указано на необходимость проводить полобные встречи систематически с привлечением не только языковедов и этнографов, но и представителей других наук (фольклористики, антропологии, истории). Высказано также пожелание проводить совместные экспедиции этнографов и лингвистов, занимающихся исследованием одних регионов, организовывать ежегодные совещания по ареальным исследованиям и региональные симпозиумы по проблемам картографирования с привлечением участников региональных этнографических атласов Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, диалектологов и представителей других общественных наук, применяющих ареальные методы исследования.

Н. Л. Сухачев (Ленипград)

CONTENTS

Articles: Academician V. M. Zirmunskij as a linguist; V. M. Zirmunskij. Notes on the preparation of «Dialectological atlas of the Turkic languages»; G. A. K. Iimov (Moscow). Problems of comparative linguistics in the works of F. Engels; Discussions: N. Y. Svedova (Moscow). On syntatic potentialities of the word-form; H. Vogt (Oslo). Indo-European languages and methods of comparative linguistics; G. A. Bryzounovo (Moscow). Possibilities of meaning-differentiation by intonation in Russian; V. V. Kolesov (Leningrad). Phonological characteristics of phonetic dialectal features; N. P. Susov (Tula). Evaluation of the conventionalist conception of reality of linguistic units; Materials and notes G. K. Venediktov (Moscow). Dialectal base of the Bulgarian literary language at the time of the Renaissance; From the linguistic heritage: N. N. Durnov. On the declension in modern Great Russian literary language; Critics and bibliography Scientific life.

SOMMAIRE

Articles: ¡Académicien V. M. Zirmounskij comme linguiste; | V. M. Zir mounskij .

Remarques sur la préparation de L'Atlas dialectologique des langues turciquess; G. A. R. I im o v (Moscou). Problèmes de linguistique comparée dans les oeuvres de F. Engels: Discussions: N. Y. S v e d o v a (Moscou). Sur les potentialités syntactiques de la forme du mot; H. Vogt (Oslo). Les langues indo-européennes et méthodes comparatives; G. A. Bryzgoun ova (Moscou). Possibilités de différentiation du sens au moyen de l'intonation en russe; V. V. K o l e s o v (Léningrade). Caracteristique phonologique des traits phonetiques des dialectes; N. P. S ou s o v (Toula). Évaluation de la conception conventionaliste sur la réalité des unités linguistiques; Matériaux et notices: G. K. V e n ed i k t o v (Moscou). Fondement dialectal de la langue bulgare littéraire au temps de la Renaissance; De l'héritage linguistique; N. N. D ou r n o v o. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne; Critique et bibliographie; Vie scientifique.

Технический редактор З. В. Филиппова